M 62/51

ЭБ

Е. ЩЕПКИНОЙ.

СТАРИННЫЕ ПОМѢЩИКИ

НА СЛУЖБѢ И ДОМА.

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ

(1578—1762).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1890.

М 62
51

Е. ЩЕПКИНОЙ.

СТАРИННЫЕ ПОМѢЩИКИ

НА СЛУЖБѢ И ДОМА.

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ

(1578—1762).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1890.

РУМЯНЦЕВ. МУЗЕЙ БИБЛІОТЕКА

1707

2007080034

Не разъ воспользовавшись записками А. Т. Болотова для отдѣльныхъ очерковъ, [1]) съ помощью его указаній разъискавъ по архивнымъ документамъ его предковъ XVI и XVII вв., мы рѣшаемся теперь соединить въ одинъ связный разсказъ всѣ тѣ данныя для характеристики нѣсколькихъ поколѣній одной и той же семьи изъ стариннаго служилаго сословія, которыя мы почерпнули изъ многотомныхъ записокъ. Насъ, главнымъ образомъ, побудило къ этому желаніе привести въ тѣсную связь поколѣнія до-петровскаго времени, съ ихъ жизнью и обстановкой, съ поколѣніями первой половины XVIII в. Занимаясь только судьбами представителей служилаго класса, мы прерываемъ свое повѣствованіе на томъ моментѣ, когда указъ о вольности дворянства закончилъ исторію этого класса. Въ 1762 г. наступаетъ уже другая эпоха съ усложнившимися общественными отношеніями, съ болѣе широкими потребностями; — жизнь поколѣній екатерининскаго вѣка входитъ въ новыя рамки, и съ ними переносится въ XIX в., поэтому посвященныя ей двѣ трети записокъ Болотова смѣло могутъ служить матеріаломъ для особой цѣльной работы.

Въ своемъ разсказѣ мы не беремся съ одинаковымъ вниманіемъ и провѣркой разобрать всѣ главы нашего источника; въ силу этого, признаемся, разсказъ выходитъ неровнымъ, отрывочнымъ. Но записки такъ подробны, касаются стольких сторонъ русской жизни даже за первую половину про-

*) Журналъ Мин. Нар. Просв., 1886 г., апрѣль. — Вѣстникъ Европы 1889 г., іюль.

шлаго вѣка, что отчетливый критическій разборъ требуетъ всесторонней эрудиціи, большаго труда, кропотливаго и мелочнаго, а это намъ не по силамъ. Слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что записки Болотова не простой дневникъ, не воспоминанія,—это цѣлое литературное произведеніе, написанное по обдуманному плану въ легкой, занимательной формѣ; авторъ писалъ его на шестомъ десяткѣ лѣтъ для своихъ взрослыхъ и подраставшихъ потомковъ по провѣреннымъ памятью и дополненнымъ замѣткамъ, которыя онъ началъ вести впервые въ 1757 г., отправляясь въ первый прусскій походъ. Для произведенія позднихъ лѣтъ, записки въ общемъ правдивы, довольно искренни; но, частью въ силу личныхъ свойствъ автора, отчасти потому, что написаны съ цѣлью назиданія, поученія юношества, они одноцвѣтны, монотонны; авторъ явно старается не касаться темныхъ сторонъ личной и общественной жизни, избѣгаетъ всего малоназидательнаго, непригодныхъ примѣровъ. Это свойство сильно усложняетъ полную критическую разработку памятника; односторонніе отзывы и характеристики автора требуютъ дополненій, дорисовки, и разборъ одного источника грозитъ обратиться въ полную исторію русскаго общества XVIII вѣка.

СТАРЫЯ ПОКОЛѢНІЯ.

Въ XV и XIV вв. сѣверныя части нынѣшнихъ Тульской и Калужской и югъ Московской губерніи составляли еще южную окраину государства: на ея земляхъ отражались набѣги крымцевъ, грозныхъ враговъ народнаго благополучія; всѣ города этой окраины строились, соображаясь съ дорогами, по которымъ крымцы приходили разорять Русь, и всѣ входили въ линіи укрѣпленій. Главной заботой летучихъ конныхъ отрядовъ татаръ при выборѣ дорогъ на Москву было, по возможности, избѣгать переходовъ черезъ рѣки; поэтому ихъ главные пути на большей части своего протяженія представляли какъ бы водораздѣлы рѣчныхъ бассейновъ. Рѣшаясь по необходимости на переправы, они очень осторожно выбирали броды черезъ рѣки и разъ навсегда запоминали ихъ. Всѣ же броды, дороги и тропы, шляхи и сакмы, по-татарски, давно изучили и знали русскіе; ихъ караулили, загораживали рвами, засѣками. Главная дорога татаръ, — такъ называемый, муравскій шляхъ, — проходила по возвышенности между рѣчками окскаго и донского бассейна, и съ дальняго юга, отъ Крымской Перекопи, вела къ самой Тулѣ. Далѣе, за Тулой ожидали неизбѣжныя переправы чрезъ Упу близъ Дѣдилова, затѣмъ черезъ Оку; близъ Каширы находился едва ли не самый удобный бродъ, слывшій Сенкинымъ. Все это надолго опредѣлило важное

значеніе Тулы и сосѣднихъ съ нею городовъ: Каширы, Алексина, Дѣдилова, Крапивны. Многіе годы туляки и каширцы жили въ постоянной тревогѣ и ожиданіи набѣговъ со степей.

Кашира, о которой впервые упоминается во второй половинѣ XIV в., стояла въ старину на лѣвомъ берегу Оки у устья Каширки; но изъ военныхъ стратегическихъ соображеній, чтобы удобнѣе задерживать переправу татаръ, городъ перенесли на правую сторону рѣки. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими украинными городами Кашира не разъ давалась въ удѣлъ на кормленіе татарскимъ царевичамъ и князьямъ; еще въ 1532 г. она была нѣкоторое время за Шигъ-Алеемъ Казанскимъ.

Въ царствованіе Грознаго была вполнѣ устроена правильная защита украинныхъ городовъ отъ кочевниковъ, причемъ боевую линію постепенно отодвигали все далѣе и далѣе на югъ. Татаръ, однако, осталось очень много въ Каширскомъ уѣздѣ; въ меньшемъ по числу жителей стану Туровскомъ большинство помѣщиковъ татары [1]); много ихъ, вѣроятно, давно перекрещенныхъ и обрусѣвшихъ, скрывалось среди населенія и другихъ становъ.

Если признать, что какъ разъ близъ Тулы проходилъ сѣверный рубежъ того пространства, которое въ XII в. называлось народомъ степью, то этотъ старинный степной рубежъ почти совпадаетъ съ сѣверной границей черноземной полосы Россіи [2]). Къ сѣверу по средней Окѣ пойдутъ уже уѣзды съ сѣроглинистой, не отличающейся плодородіемъ, почвой; къ ихъ числу принадлежитъ и нашъ Каширскій уѣздъ.

Въ эпоху составленія писцовой книги 1578—79 гг. мы находимъ среди старыхъ каширскихъ помѣщиковъ пять семей Болотовыхъ и нѣсколько деревень и урочищъ съ ихъ прозвищемъ; три семьи жили въ Безпуцкомъ стану, одна въ Тѣшиловскомъ, именно та, потомкомъ которой является авторъ мемуаровъ XVIII в., и еще одна въ Ростовскомъ ст. Андрей Тимофѣевичъ Болотовъ разсказываетъ, что, судя по преда-

---

[1]) Писцовыя книги, ч. 2-я, изд. Калачева 1877 г.

[2]) Замысловскій, Гербершейнъ, ст. 236.

ніямъ, предки его жили тоже въ Безпуцкомъ стану и оттуда уже переселились на тѣ мѣста Тѣшиловскаго, которыми довелось и ему владѣть; акты вполнѣ подтвердили это обстоятельство [1]). Безпуцкій станъ былъ сравнительно густо населенъ, съ большимъ количествомъ распаханной земли. Должно быть, тѣсно стало Васькѣ Романову, сыну Болотову, на старой дѣдинѣ, и онъ перебрался, и спомѣстился, какъ тогда говорили, на болѣе просторныя мѣста. Свое старое помѣстье онъ передалъ земляку Іевскому [2]), а свою долю въ обширной Болотовской пустоши съ разоренными дворами—бѣдному мелкопомѣстному родичу Федору Малыхину Болотову [3]). Эти безлуцкіе родичи были очень бѣдны для своего дворянскаго званія. Федоръ служилъ съ низшаго оклада, какой только полагался для дѣтей боярскихъ, съ 50 ч. въ одномъ полѣ [4]); на дѣлѣ же владѣлъ всего 35 ч. пустой земли безъ крестьянскихъ дворовъ; онъ не имѣлъ на ней даже помѣщичьей усадьбы. Рядомъ такая же пустошь безъ дворовъ въ 86 ч. въ одномъ полѣ записана за другимъ родичемъ, Василіемъ Ивановымъ Болотовымъ. Этотъ оффиціально служилъ со 100 ч. Его совладѣльцы въ пустоши, Бохины, сильно пострадали отъ татарскихъ набѣговъ; одинъ пропалъ безъ вѣсти въ плѣну, а другой покинулъ помѣстье и куда-то переселился.

Третій родичъ, Василій Петровъ [5]) перенесъ свой дворъ изъ старой разоренной деревни на новое мѣсто общей пустоши и положилъ основаніе деревнѣ Новой-Болотовой. У Петрова показанъ, по крайней мѣрѣ, помѣщичій дворъ, жилая усадьба, но и онъ въ годъ переписи не отличался благоденствіемъ; числясь на оффиціальномъ окладѣ во 100 ч., онъ имѣлъ всего 5 ч. пашни при своей усадьбѣ, да 28 ч. перелогомъ. Оба первые безпуцкихъ родича, Малыхинъ и Василій Ива-

---

[1]) Записки Болотова, 1-я гл.

[2]) Писцовая кн., ч. 2-я, ст. 1432.

[3]) Тоже, ст. 1466.

[4]) „50 ч. въ полѣ, а въ дву потому жъ"—старинная межевая мѣра. Четь въ одномъ полѣ=½ десятины, четь въ 3-хъ поляхъ, слѣдовательно, 1½ десятины. 50 ч. въ п. составляютъ 75 дес. Оклады оффиціальные очень часто не сходились съ дѣйствительными.

[5]) Писц. кн., ст. 1467.

новъ исчезли безслѣдно со своихъ мѣстъ и не появляются ни въ какихъ документахъ болѣе поздняго времени. Только послѣдняя новая деревушка нѣсколько разрослась и послѣ смутнаго времени въ 20-хъ годахъ XVII в. явилась помѣстьемъ старика Григорія Васильева Болотова, сына Василія Петрова. Такъ же бѣдны были помѣстьями Болотовы Ростовскаго ст. Тамъ въ слободкѣ Щекиной жилъ отецъ съ двумя сыновьями, Сенька Перваго [1]); ему полагалось всего 10 ч. въ окладъ, а его старшему сыну 50 ч. Но въ слободкѣ на всѣхъ троихъ приходилось не болѣе 50 ч. довольно плохой земли.

Такимъ образомъ, члены нашего рода являются типичными представителями стариннаго сословія боярскихъ дѣтей. Судьбы этого сословія были довольно разнообразны и вполнѣ зависѣли отъ экономическаго положенія и служебныхъ окладовъ. Лучшія богатѣйшія боярскія дѣти выслуживались въ придворные чины, попадали въ списки московскихъ дворянъ, жильцовъ и т. д. Нисшій слой, постепенно бѣднѣя, спускался до окладовъ въ 30— 15 ч. (20 дес. до 50), то-есть такихъ, какіе получали станичные и городовые казаки изъ вольныхъ людей, защищавшіе на украйнѣ и на степныхъ сторожахъ татарскіе переходы и переправы. Такія боярскія дѣти скоро исчезали изъ списка помѣщиковъ и терялись въ толпѣ вольныхъ людей, казаковъ и однодворцевъ. Въ XVII в. изъ нихъ вербовали первыхъ солдатъ драгунъ и рейтаръ, которыхъ отдавали на выучку иностраннымъ офицерамъ.

Василій Романовъ, перебравшись въ Тѣшиловскій станъ [2]), занялъ довольно удобныя для хозяйства земли по маленькой рѣчкѣ Дороховкѣ, близъ болѣе значительной Скниги, притока Оки; онъ имѣлъ 67 ч. въ полѣ (ок. 100 дес.) съ 10 дес. лѣса и хорошими покосами. Обиліе рѣчекъ дѣлало это мѣсто весьма соблазнительнымъ для помѣщика. Дороховка лѣтъ черезъ 200 послѣ перваго Болотова [3]), въ жаркое лѣтнее время имѣла не менѣе 2 саж. ширины, а Скнига не бывала уже

---

[1]) Писц. кн. ст. 1332.

[2]) То-же, ст. 1490.

[3]) „Экономическія примѣчанія“ по г. Каширѣ.

6-ти саж. и изобиловала рыбой; кромѣ того, тутъ же пробѣгали рѣчки Щиголевка, Гвоздевка, Язвейка и меньшіе ручьи. Отсюда Болотовы начали понемногу распространять свои владѣнія въ округѣ; но пока въ послѣдніе годы царствованія Грознаго, у Василія Романова въ его Трухинѣ имѣлась только собственная усадьба, да 3 пустыхъ крестьянскихъ двора.

Писцовая книга застала Каширское населеніе въ томъ бѣдственномъ состояніи, въ какое привели его нашествія Девлетъ-Гирея 1571 г. и 1572 гг., когда выжжена была вся Москва и погибло отъ Крымцевъ въ общемъ до милліона народу. Да и внѣ такихъ погромовъ, сельское населеніе съ трудомъ удерживалось на земляхъ мелкихъ, бѣдныхъ помѣщиковъ; крестьяне искали прежде всего поддержки и защиты у помѣщика, а на бѣдняковъ плоха была надежда. Круто приходилось мелкопомѣстнымъ службы служить и семьи содержать, на доходы со своихъ пустошей и крошечныхъ деревенекъ.

Всякій юноша, дворянинъ или боярскій сынъ съ 16 лѣтъ считался поспѣвшимъ въ службу—новикомъ; если отецъ его не могъ служить по болѣзни или старости, за нимъ записывали помѣстье отца, или надѣляли, если было нѣсколько братьевъ, особымъ окладомъ земли. Обыкновенно помѣстье оказывалось меньше оффиціальнаго оклада, который прописывали дьяки разряднаго приказа.

Служилый людъ города съ его уѣздомъ составлялъ особый полкъ, подъ начальствомъ своихъ головъ и сотниковъ. Свои выборные окладчики провѣряли имущественное положеніе земляковъ; они знали, за кѣмъ сколько четей, кто въ какую службу годенъ, можетъ ли привести съ собой своихъ кабальныхъ людей или нѣтъ; съ ихъ словъ дьяки писали, у кого помѣстье мало или пусто безъ крестьянъ. Сообразно съ этими данными, между людьми дѣлили денежное жалованье передъ походомъ и во время его, отъ 6, 10 руб. до 25-ти.

Всѣ помѣщики уѣзда по такимъ спискамъ [1]) дѣлились на статьи, главнымъ образомъ, на четыре: 1) выборные, лучшіе

---

[1]) Эти списки составляютъ книги десятенъ; онѣ велись особо для каждаго уѣзда: десятня Тульская, десятня Каширская и т. д.

дворяне, легко переходившіе въ болѣе аристократичный московскій списокъ, въ государевъ полкъ, въ жильцы, и проч.; 2) просто городовые дворяне; 3) дворовые и, наконецъ, 4) боярскія дѣти украинныхъ городовъ; на окладѣ до 50 ч. они уже стояли почти наравнѣ съ городовыми казаками; это разрядъ Федьки Малыкина, Сеньки Перваго и др. Всѣ эти статьи составляли главную массу нашего старинпаго войска— помѣстную конницу.

Какъ только Государь объявлялъ войну какому-нибудь недругу изъ сосѣдей, цѣлая система приходила въ дѣйствіе, чтобы двинуть въ походъ служилыхъ людей, мирно сидѣвшихъ по деревнямъ. Во всѣ города, полки которыхъ были назначены къ сбору, изъ Москвы высылали сборщиковъ, обыкновенно изъ лицъ довѣренныхъ и знатныхъ. Сборщикъ пріѣзжалъ въ городъ съ готовымъ списком мѣстныхъ служилыхъ людей и получалъ еще дополнительный отъ воеводы или намѣстника уѣзда. Воевода же съ своей стороны, получалъ изъ Москвы царскую грамату о войнѣ и сборѣ войска и читалъ ее всенародно въ своемъ городѣ. Онъ опредѣлялъ къ сборщику нѣсколько стрѣльцовъ и пушкарей своей команды, которые разсыпались по уѣзду собирать въ городъ помѣщиковъ. Когда они съѣзжались, сборщикъ производилъ имъ разборъ, т.-е. записывалъ, съ какими силами каждый пойдетъ въ походъ, съ какимъ количествомъ людей и лошадей. Тутъ же впервые записывали въ разныя статьи новиковъ. Затѣмъ онъ отводилъ весь полкъ въ назпаченное для сбора мѣсто. гдѣ сдавалъ его царскому воеводѣ. Послѣдній принималъ людей по спискамъ, снова вызывалъ окладчиковъ, которые поручались за каждаго земляка, что онъ станетъ служить такъ, какъ ему по помѣстью надлежитъ, раздавали всѣмъ жалованье и расписывались. При этомъ окладчики показывали, кого нѣтъ и по какой причинѣ въ „нѣтяхъ“; тутъ дѣлались новые списки „нѣтямъ“ и „естямъ“.

Процедура оказывалась довольно длинной и сложной, да иною и не могла быть, имѣя дѣло съ тяжелой деревенской кавалеріей, не приспособленной къ строю и правильнымъ походамъ.

Иногда предоставлялось окладчикамъ отбирать бѣднѣйшихъ

людей и отправлять ихъ на службы поближе, избавляя отъ дальнихъ походовъ. По соображеніямъ нѣкоторыхъ изслѣдователей [1]), самое простое вооруженіе всадника и конь съ годовымъ прокормомъ стоили на деньги того времени около 7 р. Мудрено провѣрить такой приблизительный разсчетъ. Но въ общемъ эту сумму денежнаго жалованья въ годъ получали люди низшей служилой статьи, а для большихъ походовъ бывали прибавки. Такимъ образомъ, на подъемъ, на оружіе казна давала кое-что, но прокармливались люди сами, чѣмъ могли, и тутъ-то сказывалась привычная скудость быта и неприхотливость. Состоятельные люди забирали съ собою шатры, перемѣнныхъ лошадей, везли въ обозѣ цѣлыя телѣги запасовъ деревенскаго хозяйства для себя и для своихъ вооруженныхъ людей. Если припасовъ не хватало или съ обозомъ случалось несчастье, люди промышляли въ непріятельской землѣ, грабили и добывали прокормъ. Небогатымъ дворянамъ плохо приходилось въ походѣ, а ихъ немногочисленной прислугѣ и холопамъ, конечно, и того хуже.

Герберштейнъ видѣлъ нашихъ служилыхъ людей въ концѣ царствованія Василія Ивановича III-го и не мало дивился ихъ неприхотливости, тому, какъ они на маленькое жалованье и свои скудныя средства содержали себя и своихъ людей въ походахъ. Если служилый человѣкъ ведетъ съ собою нѣсколько лошадей, то одну изъ нихъ нагружаютъ самыми необходимыми вещами; тутъ обыкновенно имѣется просо въ мѣшечкѣ, фунтовъ 10 соленаго свинаго мяса; маленькій мѣшечекъ соли, смѣшанный, если хозяинъ посостоятельнѣй, съ перцемъ. Всякій имѣетъ котелокъ, топоръ и трутъ. Если по близости стоянки не найдется никакихъ плодовъ, ни дичины, русскіе воины разводятъ огонь, варятъ въ водѣ просо, немного солятъ, и такой пищей господинъ и холопы живутъ и довольствуются по-дому; въ видѣ лакомства, къ вареву прибавляютъ немного соленой свинины. Если господинъ очень голоденъ, онъ съѣдаетъ все одинъ; холопы же весьма искусно ухитряются поститься по два, по три дня [2]). На стоянкахъ небогатые

[1]) Хлѣбниковъ. Общество и государство.
[2]) Герберштейнъ. Записки, стр. 79.

люди вмѣсто палатокъ дѣлаютъ низенькій навѣсъ изъ вѣтвей, покрываютъ его епанчой, прячутъ подъ него сѣдла, оружіе и кое-какъ укрываются сами отъ дождя. Лошадей пускаютъ на подножный кормъ, и ради этого ставятъ свои шалаши далеко другъ отъ друга, что довольно опасно въ виду непріятеля.

Такъ служили и наши мелкопомѣстные каширскіе помѣщики. Лично о каждомъ изъ Болотовыхъ ничего нельзя сказать точнаго, кромѣ того, что̀ даетъ писцовая книга; книги десятенъ съ ихъ именами не дошли до нашего времени: на сторожахъ своей украйны караулили они татаръ, рыли землю для рвовъ и валовъ, получая за эту службу 2, 3 р. прибавки въ полгода. Дома имъ часто приходилось работать въ полѣ за недостаткомъ рабочихъ рукъ, и притомъ не зѣвать: къ нимъ и въ мирное время легко могли забраться татары и затащить въ плѣнъ прямо съ пашни. Обижала и своя братья: сбившійся съ толку боярскій сынъ собиралъ вокругъ себя любителей легкой наживы и ходилъ съ топорами и рогатинами на помѣщиковъ и на крестьянъ; удалая шайка била своихъ же земляковъ до увѣчья и смерти, отнимала имущество, ничѣмъ не гнушаясь, часто для того только, чтобы немедленно пропить легкую добычу въ первомъ кабакѣ. Подчасъ, какъ татаринъ, боярскій сынъ завозилъ ихъ женъ и дочерей въ свою усадьбу и старался закрѣпить ихъ себѣ въ холопство.

Уѣзды украйны безпрестанно призывались къ осторожности и держались на-готовѣ къ войнѣ. То и дѣло проскакивали мимо Каширы, съ дальнихъ сторонъ гонцы или сами станичные головы; чуткія, привычныя уши сторожевыхъ развѣдчиковъ издали слышали на сакмахъ и шляхахъ топотъ коней передовыхъ татарскихъ всадниковъ. — „Позади сакмы слышенъ зукъ великій; чаяли приходу царева“ (т.-е., ханскаго)—докладывали головы въ Москвѣ кому слѣдовало. Къ воеводамъ украйны тотчасъ посылали изъ Москвы указъ держать служилыхъ людей на-готовѣ къ походу; на украйну двигали сразу по нѣскольку полковъ. Все царствованіе Грознаго полно такихъ степныхъ тревогъ, отвлекавшихъ его силы то отъ Казани, то отъ Ливоніи и Литвы. Каширу сторожили извѣстные воеводы того времени, но не всегда уберегали; въ 1571

году допустили Девлетъ-Гирея сжечь Москву. На слѣдующій годъ разоренные и истомленные украинцы опять было пропустили татаръ. Каширцы со сторожевымъ полкомъ кн. Шуйскаго защищали свой городъ и ближніе берега Оки, а у Сенкина брода стоялъ всего одинъ притинъ—мѣсто, огороженное плетнемъ, за которымъ сторожили 200 ч. боярскихъ дѣтей. Опытные мурзы Гирея выбрали удобное время, опрокинули притинъ, перебили маленькій отрядъ и быстро переправились. Только близъ Лопасни настигли татаръ воеводы и успѣшно отбросили въ степи.

Грозное нашествіе Казы-Гирея (1596 г.) заключило рядъ погромовъ, не дававшихъ вздохнуть каширцамъ и ихъ сосѣдямъ, а затѣмъ послѣдовала сплошная смута во всемъ государствѣ. Что тутъ сталось съ семейками Болотовыхъ, остается совершенно непзвѣстнымъ. Приходится черезъ всю эту эпоху перейти прямо къ двадцатымъ годамъ XVII вѣка.

Воцареніе Михаила Федоровича далеко еще не принесло мира русской землѣ; оно дало только опредѣленный государственный характеръ борьбѣ съ врагами внутренними и внѣшними; только въ этомъ смыслѣ можно сказать, что смута кончилась. Наша тульская украйна еще долго страдала отъ наѣздовъ казацкихъ и польскихъ отрядовъ, не желавшихъ разстаться со своею добычею — разшатавшимся государствомъ. То Заруцкій съ Мариной перебирался изъ города въ городъ, опустошая по дорогѣ все, что еще уцѣлѣло отъ прежнихъ набѣговъ; то Лисовскій проносился со своею конницей. Въ промежуткахъ татары появлялись изъ степей, переправлялись черезъ Оку и опустошали пріокскіе города до самыхъ подмосковныхъ волостей. На Каширѣ и сосѣднихъ съ нею мѣстахъ оставалось очень мало служилыхъ людей, — только тѣ бѣдняки, которыхъ избавляли отъ дальняго похода въ Литву и подъ Смоленскъ, гдѣ своимъ чередомъ шла борьба съ поляками. Часто случалось, что совсѣмъ некому было отражать опустошительные набѣги; да и тѣ воины, какіе были, не получая подолгу жалованья, стремились въ разбойничьи шайки. Масса дѣлъ и документовъ погибла за это время въ разграб-

ленныхъ городахъ. Такъ, въ Серпуховѣ, разоренномъ въ 1618 г. гетманомъ Сагайдачнымъ, погибли вмѣстѣ съ другими бумаги Болотовыхъ.

Но и среди этой кровавой борьбы стойко продолжалась возобновленная, государственная и административная дѣятельность; составлялись переписи служилыхъ людей, недоросли и новики верстались помѣстьями, вѣрныхъ защитниковъ Москвы награждали вотчинами; внутренній строй общества возобновлялся крѣпче, сложнѣе и опредѣленнѣе прежняго.

1620 г. застаетъ потомство Романа Болотова въ сравнительно лучшемъ положеніи по службѣ и по помѣстью. Въ дрв. Трухинѣ на берегу Дороховки жили теперь крестьяне; къ помѣстью прибавилось двѣ пустоши, и въ немъ считалось уже 200 ч. въ п.; имъ владѣлъ сынъ Василія Романова, уцѣлѣвшій отъ смуты, Гаврило Васильевъ, по мірскому прозвищу Горянинъ. Его старшій сынъ Ерофей былъ въ ту пору уже на службѣ и женатъ. Вѣроятно, его записали новикомъ въ первую разверстку дворянъ и дѣтей боярскихъ, когда кн. Хованскій стоялъ съ большимъ полкомъ въ Тулѣ для защиты края отъ крымцевъ и татаръ.

Перетерпѣвъ смуту, Горянинъ посылалъ въ Москву челобитныя, чтобы ему снова справили необходимыя граматы на владѣніе Трухинымъ, такъ какъ прежнія погибли въ Серпуховѣ. Ему прислали обычную крѣпость [1]), перечислявшую его земельныя дачи, съ обычнымъ наказомъ, чтобы „всѣ крестьяне, которые въ томъ помѣстьѣ живутъ и на пустошахъ учнутъ жить, Горянина Васильева с. Болотова слушали, пашни на него пахали и доходъ его помѣщиковъ платили“. По годамъ, можетъ быть, еще и не старикъ, Горянинъ сильно одряхлѣлъ въ бѣдствіяхъ кровавой эпохи и не имѣлъ силъ служить. Черезъ два года, въ 1622 г., въ Тулу прибылъ кн. Лыковъ [2]) и произвелъ разборъ служилымъ тулякамъ и каширцамъ. Тутъ Гаврило Горянинъ былъ отставленъ отъ службы за старостью и увѣчьемъ; при этомъ до извѣстной степени опредѣлилась служебная будущность его сыновей. Помѣстье,

[1]) Столбцы по г. Каширѣ № 439-й, дѣло 12.
[2]) Тульскія десятни, кн. 16 и 115-я.

всегда связанное со службой, у неслужащаго отняли, и по обычаю, признанному закономъ, записали за самымъ младшимъ четвертымъ сыномъ, малюткой Еремѣемъ; старшіе должны были получить помѣстье отдѣльно,—шли въ отводъ, какъ тогда говорили. Но Еремѣй-малолѣтокъ только росъ и воспитывался на своемъ уже порядочномъ для боярскихъ дѣтей помѣстьѣ; поэтому за него отбывалъ службу и обязательно пользовался частью его доходовъ второй взрослый братъ, Панкратъ Горяиновъ по прозванію Безсонъ [1]). Его имени, впрочемъ, въ десятнѣ 20-хъ годовъ не оказалось, можетъ быть, потому, что подлинники этихъ десятенъ пострадали во время московскаго пожара 1628 г. Третій братъ Дорофей тоже не упоминается ни въ какихъ служебныхъ спискахъ; только гораздо позже мы находимъ его имя въ нѣкоторыхъ документахъ по помѣстнымъ дѣламъ.

Старшій сынъ Горяина, Ерофей, хорошо пошелъ по службѣ; ему видимо удалось отличиться или пріобрѣсти сильныхъ пріятелей. Въ 1622 г. онъ записанъ въ хорошей статьѣ городовыхъ дворянъ съ окладомъ (пока номинальнымъ) въ 400 ч. Но владѣлъ онъ всего 40 ч. во Владимірскомъ уѣздѣ пустыми отъ казацкаго разоренья; получены они, вѣроятно, въ приданое за женой. Ерофей жилъ пока у отца и выходилъ на службу одинъ на конѣ съ самымъ обыкновеннымъ вооруженіемъ [2]). Имѣя покровителя въ Москвѣ или родство по женѣ, среди придворнаго вѣдомства, Ерофей могъ современемъ безъ труда попасть въ жильцы и въ московскій списокъ. Судя по дальнѣйшимъ успѣхамъ его дѣлъ и судьбѣ его сыновей, онъ былъ ловкій человѣкъ, а главное, „выгодно женился“: отецъ и братъ его жены, Бандиковы, служили головами московскихъ стрѣльцовъ и имѣли родныхъ среди толпы служилаго люда, наводнявшей крыльца и рундуки царскихъ хоромъ. Но дѣла не скоро дѣ-

---

[1]) Вотчин. арх. Столбцы по г. Каширѣ 139-й, дѣло 12-е.

[2]) Тульскія десятни, кн. 16-я, 1622 г., л. 105. Городовые дворяне, по 400 ч. „Ерофей Горяиновъ с. Волотовъ: окладчики про него сказали по крестному цѣлованію: на государевой службѣ будетъ на конѣ и въ саадакѣ и въ саблѣ; живетъ у отца, помѣстье за нимъ въ Владимірскомъ у. дрв. Горахъ съ пустошьми въ дачѣ 40 ч., пусто отъ Черкасъ, а въ иныхъ городахъ помѣстій за нимъ и отчинъ нѣтъ“...

лались; еще нѣсколько лѣтъ пришлось ему потѣснiться въ трухинской усадьбѣ, пока отвели ему землю, да пока онъ самъ собрался съ силами отстроить себѣ свою собственную усадьбу.

Въ эту пору хозяйство въ Трухинѣ является далеко не блестящимъ. На одномъ помѣщичьемъ дворѣ, въ клѣтяхъ и избахъ, жили семьи двухъ женатыхъ братьевъ, старикъ Горянинъ и два юнца, будущіе новики. На деревнѣ у нихъ стояли только два крестьянскихъ двора, — одинъ пустой, въ другомъ жилъ крестьянинъ съ двумя племянниками, — да въ двухъ меньшихъ дворахъ сидѣло по одному бобылю. На всѣ 200 ч. оклада приходилось врядъ ли пять взрослыхъ работниковъ, во всякомъ случаѣ меньше, чѣмъ ртовъ въ помѣщичей усадьбѣ [1]). Не очень сытно кормились съ Трухина служилые люди, и особенно ихъ подневольные, ходившіе съ ними въ походы. Чваниться и барствовать не приходилось; подобно многимъ своимъ современникамъ [2]), наши Болотовы должны были работать на полѣ вмѣстѣ со своими бобылями. Впрочемъ, по большей части только женщины да старые и малые оставались въ усадьбѣ; взрослыхъ служакъ то и дѣло снаряжали въ походы.

Панкратій Безсонъ, отбывая службу за себя и за брата Ерему, ходилъ подъ Смоленскъ во время неудачной осады Шеина. Эти походы въ Литву, продолжительные и разорительные, считались особенно тяжелыми для служилаго сословія. То были не отраженія татарскихъ набѣговъ, не погоня за степняками, тутъ требовалась стойкость, разсчитанная вы-

---

[1]) Уже въ первое десятилѣтіе послѣ смуты населеніе стало быстро прибавляться въ уѣздахъ украинныхъ городовъ. Степная боевая линія отошла далеко къ югу въ Тулѣ и Каширѣ переставали бояться крымцевъ. Но сельское хозяйство по недостатку рабочихъ рукъ развивалось весьма медленно. Если вѣрить даннымъ писцовыхъ книгъ, то маленькое помѣстье Болотовыхъ было хорошо обставлено: по современному счету они имѣли 300 дес. пахатной земли, 30 дес. покосу близъ рѣчекъ и 30 дес. лѣсу; но на этой землѣ въ мирное время работало 5 пахарей на себя и на помѣщиковъ, а въ военное, пожалуй, и еще меньше; поэтому разрабатывались на дѣлѣ всего 55 дес., остальныя 245 обозначены въ перелогѣ и поросшими лѣсомъ.

[2]) Чтенія Мос. Об. И. и Др. 1887 г. кн. 2, стр. 87.

держка, умѣнье распоряжаться всѣми своими силами. А наши войска изъ необученныхъ военному строю помѣщиковъ, безъ правильнаго содержанія, на истощенныхъ травянымъ кормомъ коняхъ, часто оказывались вовсе неприготовленными къ продолжительнымъ походамъ въ непріятельскія земли. Старинные документы рисуютъ такія тяжелыя картины военной жизни и походнаго обихода, которыя вполнѣ объясняютъ обиліе „пѣтей“ и побѣговъ изъ полковъ. Измученные голодовкой, безъ надзора и попеченій, помѣщичьи латники и холопы толпами бѣгали отъ своихъ господъ, а помѣщики, особенно одинокіе бѣдняки, охотно скрывались отъ своихъ головъ и окладчиковъ.

Тогдашняя служба разсчитывала на крайнюю неприхотливость и привычку къ скудости, на желѣзный закалъ и безшабашную смѣлость русскаго человѣка. Въ XVII в. недостатки нашего стариннаго строя сдѣлались такъ ощутительны, что съ воцареніемъ Михаила Федоровича появляются вполнѣ ясные признаки перехода къ западному регулярному строю, и съ каждымъ походомъ появляется все больше и больше солдатъ, рейтаръ и драгунъ подъ начальствомъ иностранныхъ офицеровъ.

И такъ, наши воины любили отмѣчать литовскія и смоленскія службы съ удареніемъ, какъ особенно тяжелыя. — Изъ довольно ветхаго дѣла [1]) узнаемъ, что Безсонъ сильно пострадалъ отъ „смоленской нужи“, какъ свидѣтельствовалъ кто то отъ имени Еремы; какъ больного или изувѣченнаго младшій оставилъ его на покоѣ въ своемъ помѣстьѣ, и отправилъ вмѣсто себя въ полковую походную службу какого то Семена Чортова, но и Семенъ былъ гдѣ то зарубленъ. Не долго протянулъ и страдалецъ Смоленской нужи; онъ отбылъ на вѣчный покой, не справивъ за собой собственнаго, отдѣльнаго помѣстья, и ни разу не появившись въ спискахъ самостоятельнымъ лицомъ. Предназначенныя ему 95 ч. изъ свободнаго сосѣдняго помѣстья были справлены уже за его сыновьями малолѣтками.

Пока старшіе служили, младшаго пробовали обижать тяж-

---

[1]) Столбецъ по г. Каширѣ 439, дѣло 12.

бами. Земляки каширцы Сонинъ и Тарбѣевъ задумали оттягать у Болотовыхъ Трухино; они ссылались на то, что Еремѣй Горяиновъ владѣетъ имъ не по праву, безъ дачъ и государевой граматы. Еремѣй немедленно подалъ отвѣтное челобитье съ указаніемъ всѣхъ необходимыхъ крѣпостей, по которымъ владѣетъ, и дѣло прекратилось [1]). Старинные приказы бывали наводнены такими тяжбами: дворяне, имѣвшіе маленькое помѣстье сравнительно съ окладами, могли бить челомъ на помѣстья, которыми, по ихъ мнѣнію, помѣщики владѣютъ неправильно. Если они оказывались правы въ своемъ челобитьѣ, то могли получить прибавки изъ неправильно захваченныхъ помѣстій.

Наконецъ, и Ерема попалъ на службу. Въ 1638 г. [2]) въ Тулѣ воевода кн. Дмитрій Мамстрюковичъ Черкасскій произвелъ общій смотръ служилому люду всѣхъ чиновъ и статей, отъ старыхъ служакъ, страдавшихъ подъ Смоленскомъ и Можайскомъ, до новиковъ и новыхъ солдатъ и рейтаръ. Мелкихъ помѣщиковъ, имѣвшихъ не болѣе 2,3 душъ крестьянъ и бобылей на своихъ земляхъ, которымъ по бѣдности было слишкомъ трудно служить на своемъ иждивеніи въ городовомъ помѣстномъ полку, воевода по указу записывалъ въ солдаты и рейтары; этимъ людямъ, служившимъ въ полкахъ новаго строя, выдавали изъ казны по 8,7-ми денегъ въ сутки; лошадей и оружіе они тоже получали отъ казны. Новикъ Еремѣй Болотовъ, какъ владѣлецъ 200 ч. и 5 рабочихъ душъ, былъ внесенъ въ писцую 4-ю статью старой помѣстной конницы, съ окладомъ въ 200 ч. земли и 6 руб. годового жалованья. Судьба его оказалась впослѣдствіи довольно любопытной и даже романичной, и потомокъ-писатель посвящаетъ ей нѣсколько сантиментальныхъ страницъ въ своихъ запискахъ.

Не задолго до составленія писцовой книги 1629 г. (1624—25 г.) Ерофей Горяиновъ получилъ близъ Трухина отдѣльное помѣстье въ свой окладъ и началъ устраиваться въ своемъ хозяйствѣ. Къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ

---

[1]) То-же.

[2]) Кн. десятенъ 299 и 118.

извѣстій о томъ, какъ и отъ кого онъ получилъ это помѣстье, состоявшее изъ дерв. Дворенинповой Луки въ 125 ч. въ п. и двухъ жеребьевъ запустѣвшей дерв. Дятловки въ 150 ч. [2]). Первая была, можетъ быть, выселками стараго Дворенинова, принадлежавшаго въ XVI в. Коптевымъ и находившагося тоже на берегу Скниги. Прозвище Болотовской деревни скоро укорачивается и обращается просто въ Дворенпново, впослѣдствіи пріютъ музъ литератора нашего просвѣтительнаго вѣка.

Ерофей повелъ хозяйство для своего времени обстоятельнѣй и лучше своихъ братьевъ. На высокомъ, крутомъ берегу красивой Скниги у него стоялъ обширный помѣщичій дворъ. Самъ всегда въ походахъ, вдали отъ дома, онъ первое время сосредоточивалъ здѣсь въ своей усадьбѣ всѣ свои хозяйственныя силы подъ надзоромъ жены Дарьицы. Въ 1629 г. у него еще не было крестьянъ; въ Дворенинновѣ числилось только 5 пустыхъ мѣстъ, гдѣ когда-то стояли тяглые крестьянскіе дворы, да 4 мѣста видпѣлись въ Дятловкѣ. Хозяйство велось руками трехъ дѣловыхъ людей и одного бобыля, переведеннаго изъ другой запустѣвшей деревни. Всѣ четыре работника жили съ семьями въ усадьбѣ, въ дѣловыхъ людскихъ избахъ, пока Ерофей не окрѣпъ хозяйствомъ. Поокрѣпнувъ онъ быстро обзавелся крестьянами, даже своихъ дѣловыхъ людей перевелъ на крестьянскіе тяглые дворы.

Дѣло въ томъ, что Болотовымъ удалось выхлопотать себѣ въ раздѣлъ большое сосѣднее помѣстье, оставшееся безъ владѣльца. Въ 1631 г. [2]) умеръ кн. Шеступовъ изъ рода богатого и знатнаго въ XVI в. и сошедшаго со сцены въ XVII в.; не имѣя сыновей, онъ оставилъ 700 ч. земли въ 3 уѣздахъ, и помѣстный приказъ самъ распорядился ими. Костромское помѣстье назначили на прожитокъ вдовѣ княгинѣ, Галицкимъ наградили зятя покойнаго, кн. Щербатова, а Каширское по челобитью трехъ старшинъ Болотовыхъ дали имъ въ раздѣлъ.

Раздѣлъ произошелъ въ 1632 г. подъ надзоромъ губного старосты г. Серпухова, Цвиленева [3]). Староста ѣздилъ лично

[1]) Писцовая кн. по Каширѣ № 177.

[2]) Дѣла старыхъ лѣтъ по г. Каширѣ, кн. 77, № 1.

[3]) Столбецъ 439, д. 13.

съ дьякомъ въ вымороченое помѣстье, осматривалъ его съ понятыми и описывалъ. Въ старину это было большое помѣстье изъ двухъ селъ и сельца; одно изъ нихъ, Шахово, принадлежало когда-то знаменитому роду князей Гундоровыхъ. Теперь все это обратилось въ сплошныя пустоши; крестьяне давно разбрелись; гдѣ 20, гдѣ 26 пустыхъ дворовыхъ мѣстъ виднѣлись вокругъ заброшенныхъ усадебъ; заброшенныя чуть ли не со временъ Казы-Гирея. пашни заросли на 100 и болѣе четей хорошимъ строевымъ лѣсомъ. Послѣдняго задворнаго человѣка Щербатовъ свезъ въ свою вотчину, а послѣдній крестьянинъ сбѣжалъ, и всю его рухлядь свезли къ себѣ сосѣдніе государственные крестьяне.

Губный староста отдѣлилъ изъ этой обширной пустоши 284 ч. и разбилъ ихъ на 3 равные участка въ 95 ч. слишкомъ каждый, съ одинаковымъ количествомъ пашни, лѣса и сѣнокоса. Ерофею участокъ пошелъ въ прибавокъ за его усердную и успѣшную службу, и дополнилъ его окладъ до 415 ч., а Дорофей и Безсонъ получили здѣсь свои первые надѣлы. Безсонъ умеръ, не дождавшись крѣпостей на свою землю.

Округливъ свое помѣстье прибавкомъ пашни и лѣса, Ерофей могъ измѣнить свое хозяйство на болѣе спокойный для себя порядокъ и болѣе выгодный для своего рабочаго, страднаго люда [1]); онъ понемногу отстроилъ тяглые дворы и переписалъ своихъ работниковъ въ крестьяне. Мелкій, но любопытный фактъ, показывающій, какъ условія хозяйства, экономическіе интересы помѣщика смѣшивали совершенно различныя для государства сословія несвободныхъ, обязанныхъ людей. Можетъ возникнуть, конечно, подозрѣніе, не скрылъ ли Ерофей передъ переписью 1629 г. у себя во дворѣ крестьянъ, показавъ ихъ дѣловыми людьми, какъ это дѣлали многіе помѣщики. Но тогда оказались бы пустые дворы въ его деревнѣ; въ писцовой же книгѣ записаны не дворы, а старыя дворовыя мѣста. Кромѣ того, странна непослѣдовательность: удачно скрывъ тяглыхъ въ первый разъ, онъ въ слѣдующую перепись не пробуетъ скрыть ни одного, показавъ больше дворовъ, чѣмъ у него было дворовыхъ мѣстъ.

[1]) Переписная кн. по г. Каширѣ № 179-й.

Повидимому, тутъ совершился цѣлый хозяйственный переворотъ; помѣщикъ разжился землей, пріобрѣлъ много хорошаго лѣса и попробовалъ устроиться иначе. Та же Шестуновская дача принесла ему къ указываемому времени еще доходъ, о которомъ узнаемъ изъ позднѣйшаго документа, а именно изъ договора внуковъ и дѣтей Ерофея съ внуками Гамбуржца Марселиса. Петръ Марселисъ [1]) снялъ у Горянова часть его пустоши на берегу Скниги подъ новый желѣзный заводъ; судя по возобновленному договору, онъ платилъ за пользованіе землей и строевымъ лѣсомъ деньгами, разными желѣзными поделками, строилъ помѣщику плотины, мельницы, чинилъ строенія и т. д. Сосѣдство такого промысла должно было доставлять крестьянамъ и помѣщику не мало доходовъ и удобствъ. На выгоды отъ заводовъ указывали и мнѣнія выборныхъ на земскихъ соборахъ, когда разбирали права иноземныхъ купцовъ.

Что въ крестьяне были переведены дѣловые дворовые люди Ерофея, очевидно изъ внимательнаго чтенія описей Дворенинова въ писцовой книгѣ 1629 г. и переписной 1646 г.

1629 г.	1646 г.
Дѣловые люди:	Крестьяне:
1) Марчко Антоновъ.	1 дворъ Костюшко Марковъ. 2 дворъ Архипко Марковъ съ братьями, дѣти Кащеевы.
2) Игпашко Матвѣевъ.	3) Игнатко Матвѣевъ.
3) Демка Гавриловъ (бывшій бобыль).	4) Демка Гавриловъ.
4) Гришка Венюковъ.	5) дворъ Григорій Лукьяновъ.

Къ этому числу Ерофей привлекъ трехъ новыхъ крестьянъ и одного бобыля, котораго поселилъ въ Гвоздевкѣ; всего на всего въ эту пору за нимъ числилось 18 крестьянъ, два бобыля и ни одного дѣлового человѣка. Намъ неизвѣстны условія, свойства записей или крѣпостей, по которымъ жили дѣловые

[1]) Въ точности годъ этой сдѣлки неизвѣстенъ; вѣроятно, около 1640 г.

люди на дворѣ Ерофея, а эти условія бывали очень разнообразны въ XVII в. Неизвѣстно, взялъ ли помѣщикъ съ нихъ новыя записи, переводя ихъ въ крестьяне. Во всякомъ случаѣ, то были люди запроданные, зависимые; дѣти ихъ родились въ этой зависимости на барскомъ дворѣ и становились старинными, кабальными людьми. Давно закрѣпленные семьѣ своего помѣщика, работники переѣхали на тяглые дворы, и тамъ переписью 1646 г. были на вѣки со своимъ потомствомъ прикрѣплены землѣ.

Въ Трухинѣ жъ у Еремѣя Горяинова хозяйство шло по старинѣ, безъ измѣненій. Тамъ черезъ 17 лѣтъ послѣ писцовой кн. 1629 г. стояли все тѣ же три двора — одинъ крестьянскій и два бобыльскихъ; завелся было третій бобыльскій дворъ, но крестьянинъ, перешедшій на этотъ низшій надѣлъ, скоро сбѣжалъ съ семьей. Всего у Еремы жило 10 чел., четверо крестьянъ и шестеро бобылей. Завелась въ это время деревушка и у Дорофея Горяинова, но весьма жалкая; она состояла изъ помѣщичьей усадьбы и одного крестьянскаго двора, и называлась Гвоздевкой, по имени главной Шестуновской пустыни.

Теперь слѣдуетъ упомянуть объ одномъ дальнемъ родственникѣ и современникѣ Горяина и его сыновей, любопытному, правда, только по тяжбѣ, которую ему пришлось вести подъ конецъ жизни. Въ XVI в. мы видѣли три семьи Болотовыхъ въ Безпуцкомъ стану; въ XVII в. отъ нихъ остались только два потомка: Григорій Васильевъ и его племянникъ Лукьянъ,—одинъ сынъ, а другой внукъ Василія Петрова, основавшаго деревушку Новое-Болотово. Дядя пользовался $^{2}/_{3}$ помѣстья, а племянникъ $^{1}/_{3}$. Ни тотъ, ни другой не имѣли ни одного жилого крестьянскаго двора; у нихъ стояли только усадьбы, да показаны старыя дворовыя мѣста; даже дѣловыхъ людей за ними не было.

Григорій Васильевъ служилъ давнымъ-давно: въ 1622 г онъ записанъ въ статьѣ городовыхъ дворянъ рядомъ съ Ерофеемъ съ окладомъ въ 250 ч.; но на дѣлѣ онъ владѣлъ всего 86 ч, изъ отцовскаго помѣстья и не получалъ никакихъ прибавокъ за службу. Только когда умеръ племянникъ Лукьянъ бездѣтнымъ, дядѣ безъ спора передали остальную часть Бо-

лотова 36 ч. и пустую усадьбу. На старости лѣтъ Григорій оказался вдовъ, бездѣтенъ и совсѣмъ одинокъ; онъ уже собирался мирно удалиться въ монастырь, въ теплѣ и покоѣ доживать свой вѣкъ, какъ его помѣстье. выходившее изъ служилыхъ рукъ, сдѣлалось добычей алчныхъ исканій. Бумаги, рисующія это дѣло, весьма ветхи, ни года, ни судебнаго рѣшенія при нихъ нѣтъ, такъ что о результатахъ тяжбы можно судить только по позднѣйшимъ фактамъ.

Изъ родныхъ у старика были только Болотовы Тѣшиловскаго стана да зять, небогатый помѣщикъ Писаревъ. Еще при жизни жены тесть, оказывается, уступилъ зятю 40 ч. изъ своего помѣстья, съ тѣмъ, чтобы послѣдній содержалъ его. Писаревъ подалъ челобитную отъ себя и отъ имени тестя въ помѣстный приказъ, прося укрѣпить за собою эти 40 ч. Не успѣли исполнить этой просьбы, какъ въ слѣдующемъ году явились новые претенденты на Болотово. Какой-то подъячій подалъ новую челобитную тоже отъ имени Григорія, въ которой тотъ удостовѣряетъ, что онъ передумалъ, и теперь всѣмъ помѣстьемъ сполна поступается родичамъ Еремѣю Гаврилову да племяннику Панкрату Безсонову съ тѣмъ, чтобы они его содержали. Что же касается уступки зятю 40 ч., то онъ, старикъ. сдѣлалъ это, не посовѣтовавшись со своими родными; зять же кромѣ того ни въ чемъ его не почитаетъ, не поитъ и не кормитъ, а потому ему, Писареву, „до того помѣстья больше дѣла нѣтъ“.

На это Писаревъ отвѣтилъ челобитной опять отъ имени того же Григорія; въ ней послѣдній проситъ не вѣрить его предшествующему челобитью, потому что оно ложно подано отъ его имени, и писана въ немъ одна неправда; увѣряетъ, что зятемъ онъ доволенъ; тотъ его почитаетъ и кормитъ. Что же дѣйствительно писалось отъ имени старика и что ложно? Можетъ быть обѣ стороны равно играли именемъ совсѣмъ одряхлѣвшаго помѣщика. Явились претензіи на Болотово и со стороны; малопомѣстный сосѣдъ Сопинъ съ сыномъ усердно просили прибавить имъ въ окладъ изъ бывшаго помѣстья Григорія Болотова; говорили, что старикъ лѣтъ съ десять никакихъ службъ не служитъ, а теперь ушелъ въ монастырь постригаться.

Изъ Москвы мѣстному воеводѣ велѣли лично допросить Григорія и собрать справки о помѣстьяхъ Сонина и Писарева; (у послѣдняго оказалось очень мало земли). Чѣмъ кончились допросы — неизвѣстно; но черезъ нѣсколько лѣтъ у Панкрата Безсонова оказались крѣпости на 80 слишкомъ четей въ Безпуцкомъ стану. Значитъ воеводѣ удалось примирить родичей: недостаточному Писареву дали просимыя 40 ч.; племяннику Болотову дали бо́льшую часть помѣстья; Еремѣю, самому обезпеченному, ничего не дали; отказали и чужаку Сонину. О ложныхъ челобитныхъ совсѣмъ дѣла не поднимали.

Въ эту пору въ концѣ 40-хъ г. XVII в. старшихъ братьевъ Болотовыхъ уже не было въ живыхъ. Едва вступилъ на престолъ Алексѣй Михайловичъ, какъ начались тревоги въ татарскихъ степяхъ; въ украинскихъ городахъ потребовалась усиленная дѣятельность, и на дальніе сторожевые пункты послали выдающихся въ свое время дѣятелей, князей Одоевскаго и Львова. Въ такія тревожныя времена въ Тулу, Каширу и другіе города посылали строгія грамоты къ воеводамъ. Въ нихъ сообщали, что прошли слухи о близкомъ приходѣ крымскаго хана на Русь, а потому приказывали быть въ великомъ береженьи, грамоту приказывали читать вслухъ служилымъ людямъ по нѣскольку разъ, чтобы дворяне, дѣти боярскіе и всякихъ чиновъ люди собирались къ службѣ „конны, людны и оружны“; чтобы въ дальнія мѣста не смѣли разъѣзжаться, а были бы готовы идти съ царскими воеводами на крымцевъ, чтобы православныхъ крестьянъ въ плѣнъ и расхищенье не выдавать.

Женъ и дѣтей дворяне должны были по первому зову везти въ городъ, чтобы татары ихъ не побили и не полонили. Туда же приказывали свозить хлѣбные запасы со всего уѣзда, и ничего не оставлять на добычу татарамъ.

Не любили жители тащиться издалека въ городскую осадную тѣснотy, и иногда предпочитали строить свои острожки и загороди, гдѣ пробовали сами защищаться отъ степняковъ. Правительство строго требовало, чтобы воеводы сжигали такія домашнія крѣпости, сжигали и хлѣбъ у ослушниковъ, державшихъ его дома; но угрозы врядъ-ли многихъ устрашали.

Къ 1646 г. тронулись съ сѣвера замосковные полки; у Оки къ нимъ начали примыкать каширцы, туляки и прочіе украинцы. Начался дальній степной походъ; въ немъ принимала участіе и новая пѣхота-солдаты, обученные иностранному строю. Въ числѣ каширцевъ шли Ерофей Горяиновъ съ братомъ Дорофеемъ. Нѣсколько мѣсяцевъ въ 1646 г. простояли они съ кн. Одоевскимъ около Ливенъ, ходили походами въ степи, держали караулы на сторожахъ. Здѣсь по Быстрой Соснѣ усиленно оберегали переправу и знаменитый татарскій путь между притоками Оки и Дона. Отсюда начиналась новая Украйна, болѣе южная, называемая польной.

Скоро Одоевскаго по стратегическимъ соображеніямъ, передвинули далѣе на югъ въ Бѣлгородъ на Донцѣ, гдѣ цѣлый рядъ укрѣпленій сосредоточился на сторожевой линіи отъ Ворсклы черезъ Донецъ до донскихъ береговъ. На дальней линіи служба становилась тяжелѣе. Тамъ требовались рабочія руки для крѣпостныхъ и земляныхъ работъ, для рытья рвовъ и валовъ; туда нужны были служилые люди побогаче, приводившіе побольше холопей. Поэтому окладчикамъ приказали поразобраться въ своихъ полкахъ, и бѣдныхъ малопомѣстныхъ и пустопомѣстныхъ не отправлять съ княземъ Одоевскимъ подъ Бѣлгородъ [1]), ихъ оставляли въ Ливнахъ для сторожевой службы подъ начальствомъ кн. Львова; въ походъ же пошли главнымъ образомъ жильцы, стряпчіе и др. высшіе чины: они получили за тяжелыя службы 1646, 47 и 48 гг. награды и особыя льготы на нѣсколько лѣтъ въ помѣстныхъ и судныхъ дѣлахъ. Слабыхъ же и больныхъ людей отпускали съ разбору по домамъ. Въ эту пору отправили домой совсѣмъ больного Дорофея Болотова. Что касается Ерофея, то несмотря на его обезпеченность и хорошій окладъ, окладчики оставили его на Ливнахъ наравнѣ съ пустопомѣстными; можетъ быть, онъ несъ здѣсь какую-нибудь особую службу, но вѣрнѣе, что избавился отъ дальняго похода, благодаря родпѣ среди начальниковъ. Это не спасло его, однако, отъ судьбы: онъ умеръ 1 сентября 1647 г., гдѣ-то на службѣ подъ Ливнами.

---

[1]) Въ этотъ походъ, вѣроятно, Бѣлгородъ окончательно укрѣпился на своемъ третьемъ мѣстѣ.—Багалѣй: Колонизація, стр. 43.

Вернувшись съ похода домой, Дорофей совсѣмъ захирѣлъ и умеръ вслѣдъ за братомъ въ январѣ того же года. Такъ три старшіе Болотовы покончили свой вѣкъ на службѣ или отъ послѣдствій службы.

Теперь съ 1647 г. въ дѣлахъ Болотовской семьи являются дѣятельными гражданскими личностями вдовы-матери, „горькія“ и „бѣдныя“ челобитчицы [1]). Послѣ смерти мужей онѣ заступаютъ ихъ первенствующее мѣсто въ семьяхъ и дѣлаются ихъ представительницами передъ правительствомъ. Дѣло вдовы Дорофея короче, а потому начнемъ съ него.

— „Бѣдная вдова каширянина Антонидка Дорофееская жена Болотова съ дѣтишками съ сынишками большимъ Сенькой (5 л.), да меньшимъ Сенькой (3 л.), да съ двумя дочерьми дѣвками бьетъ челомъ великому Государю.... Въ прошломъ, Государь, во 154 г. былъ мужъ на твоей Государевой службѣ на Ливпахъ съ окольничьимъ кн. Семеномъ Петровичемъ Львовымъ; мужъ мой, будучи на твоей государевой службѣ, занемогъ, и привезли съ твоей государевой службы больного. И въ нынѣшнемъ, Государь, во 155 году, послѣ Богоявленьяго дня на завтреи мужа моего не стало“. Затѣмъ она проситъ: „пожаловать ее, вдову, съ сынишками, выслуженнымъ помѣстьемъ мужа 95 ч. па Каширѣ“,—а имъ съ того ихъ помѣстья государеву службу служить, и мать свою кормить до ея живота“, и кончаетъ просьбой, записать сыновей въ разрядъ недорослями.

Это дѣло довольно ветхо, и многое въ немъ растеряно; неизвѣстно даже пазпачили ли вдовѣ съ дочерьми что-нибудь на прожитокъ. Помѣстье было такъ незначительно, что его, кажется, предоставили въ полное распоряженіе матери сообща съ дѣтьми. Обоихъ Семеновъ очень скоро записали въ недоросли па помѣстьи отца. Съ тѣхъ поръ имена ихъ только разъ попадаются въ сохранившихся документахъ: въ дѣлѣ новой маленькой прибавки изъ Шестуновскихъ дачъ, по 12 ч. семерымъ Болотовымъ младшаго поколѣнія [2]) да въ тяжбѣ изъ-за тѣхъ же дачъ съ княземъ Горчаковымъ. Съ тѣхъ поръ

---

[1]) Столбецъ по г. Каширѣ 373-й, № 9-й и 11-й.

[2]) Столбецъ по г. Каширѣ 493-й, № 6-й.

потомство Дорофея исчезаетъ безслѣдно, и совершенно неизвѣстно, выросли ли оба Семена изъ недорослей и поступили ли когда-либо на службу, или перемерли малолѣтками. Только въ 1656 г. ихъ помѣстье во 108 ч. [1]) (11 ч. отчислены, вѣроятно, на прожитокъ матери или сестрѣ) дано Еремѣю Горяинову, еще не получавшему никакихъ прибавокъ къ окладу за свои службы.

Дѣло вдовы Ерофея, „Дарьицы", интереснѣе и сложнѣе. Послѣ обычнаго отчета о смерти мужа въ ея челобитной слѣдуетъ перечисленіе семьи: „а я, горькая, осталась съ дѣтишками своими съ Ивашкой, да съ Кирюшкой, да съ Гаврилкомъ, да съ Борискомъ, да со снохой Осиповой женой, да съ внукомъ Ларькой Осиповымъ сыномъ сама сема" [2]). Ея старшій сынъ Осипъ, женившійся весьма рано по обычаямъ старины, умеръ въ одинъ годъ съ отцомъ, не поступивъ на службу и не получивъ оклада. Послѣ Ерофея въ Каширскомъ и Владимірскомъ уѣздахъ осталось 412 ч. помѣстья (кромѣ лѣса и покоса). Дарьица просила все это помѣстье справить по обычаю за 2 младшими сыновьями Гаврилой и Борисомъ (6 и 5 л.) и внукомъ Ларіономъ ($^1/_2$ г.). „А внука моего,—писала попечительница семьи,—вели мнѣ поить и кормить, покамѣстъ онъ возмужаетъ и поспѣетъ въ твою государеву службу". Далѣе, послѣ обычныхъ справокъ и названій помѣстныхъ дачъ, вдова записала извѣстную формулу, созданную служебнымъ положеніемъ стариннаго дворянства: „какъ ему будетъ 15 л. въ службу поспѣетъ, будетъ служить съ отца своего помѣстья, и станетъ мать свою и племянника Ларьку поить и кормить. А поспѣетъ Ларька въ 15 л., онъ изъ того дѣда своего помѣстья служитъ и кормитъ бабку и мать".

Въ тотъ же годъ трехъ мальчиковъ внесли въ каширскій списокъ недорослей, а вскорѣ затѣмъ справили и Дворепиново за будущими служаками.

Иванъ Ерофеевъ [3]) съ Кирилой остались заштатными въ

[1]) 95 ч. въ п. въ Гвоздевкѣ, да прирѣзъ въ 24 ч. — всего 119 ч. въ п.

[2]) Столбецъ 373, № 11-й.

[3]) О службѣ Ивана ничего неизвѣстно въ точности; можетъ быть, онъ вышелъ въ новики въ годъ смерти отца. Въ книги десятенъ 177-й на л.

отцовскомъ помѣстьи. Иванъ, уже юноша, скоро женился и вышелъ на службу; но еще долго, до самаго совершеннолѣтія недорослей, семья жила вмѣстѣ въ одной усадьбѣ.

Одно сельцо Дворенниово, хотя бы и хорошо устроенное съ небольшимъ прибавкомъ, заброшеннымъ во Владимірскомъ у., на такую большую семью было далеко не роскошнымъ обезпеченіемъ. Между тѣмъ московская протекція сильно помогала дѣтямъ Ерофея, и они быстро поднимались по службѣ; трудно сказать, сколько они прослужили въ первой статьѣ, но послѣ андрусовскаго перемирія имена ихъ появляются въ спискѣ московскихъ жильцовъ.

Первые годы владычества Дарьицы съ сыновьями въ Дворенининовѣ ознаменовались разными поземельными дѣлами; сперва успѣшно окончили хлопоты о новой прибавкѣ изъ пустыхъ земель кн. Шестунова. При раздѣлѣ семь братьевъ Болотовыхъ получили по 12 ч. [1]). Не участвовали только Иванъ съ Кирилой; они шли въ отводъ. Затѣмъ началось безконечное дѣло съ князьями Горчаковыми, бившими челомъ на Болотовыхъ, что они неправильно получили 86 ч. изъ Шестуновскаго имѣнья.

Это опять весьма характерная для своего времени тяжба, рисующая нравы и взгляды тогдашнихъ помѣщиковъ; въ такихъ дѣлахъ сильно отражалось стремленіе служилаго сословія обратиться въ классъ преимущественно землевладѣльческій. Аппетитъ къ землевладѣнію сталъ быстро развиваться послѣ смутнаго времени. Въ XVII в. знатные и незнатные дворяне очень охотно заводили земельные споры, ревниво присматривались, нѣтъ ли гдѣ по близости клочка земли, на который старый увѣчный владѣлецъ терялъ право, нѣтъ ли въ чьемъ помѣстьѣ лишняго противъ писцовой книги. На такой клочокъ налетало разомъ нѣсколько челобитенъ, и многимъ, хорошо принимавшимся за дѣло, удавалось получить просимое.

Кн. Горчаковъ старался доказать [2]), что еще покойный

99-мъ записанъ новикъ безъ оклада Иванъ Ярофеевъ Болотовъ, но по г. Тарусѣ, а не Каширѣ.

[1]) Два брата Безсоновыхъ, два—Дорофеевыхъ и трое—Ерофеевыхъ.

[2]) Столбецъ по г. Каширѣ 494, № 7-й.

Шестуновъ получилъ изъ земель князей Гундоровыхъ лишнихъ 86 ч. сравнительно съ помѣстьемъ, какое указано за послѣдними писцовой книгой 1578 г., теперь же эта неправильно захваченная земля сдана Болотовымъ, тогда какъ она должна считаться свободной; поэтому онъ предлагалъ взять ее у нихъ обратно. Дѣло началось еще при жизни обоихъ Семеновъ Дорофеевыхъ. Велъ его, главнымъ образомъ, Панкратъ Безсоновъ отъ имени остальныхъ, и велъ довольно энергично. Тогда уже среди служилаго сословія начиналъ появляться типъ гражданскаго дѣльца, ходока по приказнымъ дѣламъ, охотно занимавшагося тяжбами. Совсѣмъ юношей, Панкратъ изъ всей семьи отличался на этомъ поприщѣ. О его военной службѣ нѣтъ никакихъ извѣстій, какъ будто онъ вовсе не служилъ, приказныя же дѣла велъ счастливо, съумѣлъ получить хорошую прибавку въ свой окладъ изъ помѣстья Григорія Васильева, выхлопоталъ для братьевъ по 12 ч. изъ Шестуновскихъ дачъ. Послѣ смерти Панкрата Горчаковское дѣло велъ Кирило Ерофеевъ, болѣе грамотный и развитой дѣлецъ. Кн. Горчаковъ доказалъ таки, что 86 ч. дѣйствительно были лишними, примѣрными у Шестунова. Кирило не могъ этого отрицать, но возражалъ, что по указамъ нельзя поднимать помѣстныхъ споровъ по дѣламъ, которыя покончены до большого Московскаго пожара 1626 г. Въ то время, какъ противникъ не покидалъ почвы законности въ земледѣльческомъ вопросѣ, Болотовъ скоро перешелъ на почву служебныхъ правъ. За время польскихъ войнъ его семья очень уменьшилась, многіе ея члены сильно пострадали въ походахъ, и Кирило отписывался по своей тяжбѣ такъ: „Съ этихъ пустошей всѣ наши родичи служили; четверо ихъ убито, а двое въ полонъ взято. Не вели, государь, отнимать за кровь и за раны выслуженное помѣстье“. Это дѣло пережило правленіе Софьи, царствованіе Петра и, наконецъ, при Екатеринѣ II-й мирно кануло въ вѣчность.

Едва только потомки Ерофея утвердились въ своихъ помѣстьяхъ, началась кровавая тринадцати-лѣтняя война съ Польшей, временно утихавшая только ради борьбы со Швеціей. Такая продолжительная борьба съ самыми могущественными сосѣдями потребовала со стороны Россіи громадныхъ

затратъ и страшнаго напряженія силъ. Въ 1654 г., какъ извѣстно, самъ царь Алексѣй Михаиловичъ двинулся съ большою торжественностью къ литовскимъ границамъ и лично велъ осаду Смоленска. Первые три года военныя дѣйствія велись съ блестящимъ успѣхомъ. Но съ 1658 г. война затянулась, и цѣлый рядъ неудачъ подвергъ тяжкимъ испытаніямъ и наши военные порядки, и наши финансы, и, наконецъ, чуть было вновь не зашатался весь внутренній порядокъ государства. Наша дворянская конница стариннаго безпорядочнаго строя особенно сильно пострадала въ литовскихъ походахъ. Современникъ этой войны, желая, кажется, похвастаться передъ иностранцами русскими порядками, весьма наивно выдаетъ всю нестройность вооруженной дворянской толпы [1]).

Продолжительность походовъ, недостатокъ въ продовольствіи измучили и разорили воиновъ-помѣщиковъ, да и регулярнымъ полкамъ не успѣвали во время выдавать содержаніе изъ опустѣвшей казны. Никогда еще въ русскихъ войскахъ не падала такъ низко дисциплина, какъ въ несчастный періодъ этой польской войны (около 1661 г., послѣ Конотопскаго пораженія). Недостатки нашихъ военныхъ порядковъ сдѣлались такъ очевидны, что реформы, и самыя коренныя, ожидали только смѣлаго и рѣшительнаго на опыты преобразователя.

Въ эту тяжелую пору постепенно подрастало молодое поколѣніе Болотовыхъ и въ свой чередъ выходило на дальніе походы. Опять въ усадьбахъ появлялись вдовы-попечительницы и посылали челобитныя на запустѣвшіе участки; ихъ сочиняли и подписывали по ихъ женской безграмотности духовные отцы, священники сосѣдняго погоста Николы Русятина. Незамѣтную, но прочную службу водворенію внутренняго порядка въ русскихъ областяхъ могли сослужить подобныя Дарьицы, Антонидки и Афросиньи, деревенскія опекуньши, усердныя собирательницы жалованнаго семейнаго добра;

---

[1]) Посолъ Чемодановъ: „Дворяне и дѣти боярскія и всякихъ чиновъ люди бьются разными обычаями, лучнымъ и огненнымъ боемъ, кто къ какому привыкъ“. Войско при Михаилѣ Федоровичѣ: Бѣляевъ.

такъ часто, стоило только небогатому малосемейному помѣщику сложить свою голову на далекой окраинѣ, какъ его деревни шли въ раззоръ и прахъ; безгосударные крестьяне, натерпѣвшись обиды отъ сосѣдей и разбойниковъ, уходили на поиски за новымъ домомъ и новымъ боярином, а пашни на многіе годы поростали лѣсомъ. Даже родовитость семьи, богатство, вліятельная служба вотчинника не спасали отъ безпорядковъ и даже крушенія сельское хозяйство въ вотчинахъ и помѣстьяхъ при перемѣнѣ владѣльца. Такой крупный боярин, какъ В. Б. Шереметевъ горько жаловался царю Алексѣю изъ Крымскаго плѣна [1]): „Нѣкто недругъ мой внесъ въ люди на Москвѣ, что будто я, холопъ твой, въ непріятельскихъ нечестивыхъ рукахъ въ Крымѣ умеръ. И слыша то, холопи мои учинились непослушны: сынишку моему въ домишку его объявилось отъ холопей воровство великое... И въ деревнишкахъ, которыя приказаны людишкамъ моимъ, хлѣбъ мой они покрали и мужиченковъ разогнали, а иныхъ мужиченковъ моихъ роздали и распродали. Изъ Нижегородскихъ моихъ деревнишекъ... человѣкъ мой, Войка Корсаковъ многихъ мужиченковъ роздалъ дѣтямъ боярскимъ безъ записки и безъ очныхъ ставокъ, для своей корысти поималъ у нихъ многія деньги. И на осталыхъ мужиченковъ человѣкъ мой, Войка, правилъ деньги, рублевъ по сороку и по пятидесяти, невѣдомо по какимъ варварскимъ записямъ. Человѣкъ же мой, Мишка Збоевъ въ Арзамасской моей деревнишкѣ въ сельцѣ Пановѣ воровалъ, паругался надъ крестьяны, впрягалъ въ сохи и на нихъ пахалъ, и отъ сохъ крестьяне помирали. И такова поруганья надъ крестьяны и въ нечестивой сторонѣ бусурманскаго закону и злова народу не бываетъ...“

Когда постихла многолѣтняя военная тревога и начались переговоры о мирѣ (1667), выздоровѣвшій отъ ранъ Кирило Ерофеевъ [2]) съ сыновьями вернулся на родные берега Скниги. Посчитались они своими, и оказалось, что изъ потомства четырехъ братьевъ Горяиновыхъ осталось всего пять человѣкъ:

---

[1]) Барсуковъ, „Родъ Шереметевыхъ“, т. V.

[2]) Столбецъ 537, дѣло 24.

Гаврило и Кирило Ерофеевы съ племянникомъ Ларіономъ, да двое Еремѣевыхъ; послѣдніе вскорѣ тоже умерли одинъ за другимъ. Потуживъ о судьбѣ родичей, практичные Ерофеевы принялись хлопотать о пріобрѣтеніи въ свою пользу ихъ запустѣвшихъ помѣстій; за приказныя дѣла взялся вполнѣ грамотный и сообразительный жилецъ Кирило.

Тогда уже пресѣклось потомство несчастнаго, рано искалѣченнаго Безсопа. Старшій Безсоновъ, Папкратъ, ходокъ по приказнымъ дѣламъ, не успѣлъ насладиться помѣстьемъ Григорія Васильева, не успѣлъ даже жениться; онъ умеръ въ 1654 г. [1]), дома или въ походѣ—неизвѣстно. Младшій братъ Емельянъ, былъ уже въ Литвѣ, но недолго провоевалъ; въ самую блестящую пору войны, когда литовскіе города сдавались одинъ за другимъ, его убили въ 1655 г. подъ Могилевомъ. Ихъ помѣстья оставались, кажется, пустыми до самаго возвращенія двоюродныхъ братьевъ, Кирилы и Гаврилы съ войны. Тѣ немедленно стали просить себѣ въ окладъ это порожнее и „родственное“, какъ выражались тогда, помѣстье. Однако же, счастливѣйшіе Болотовы получили его далеко не сполна,—всего только 60 ч. въ п. (90 дес.), по 20 ч. на брата; остальныя 80 или 90 ч. куда-то отчислили. Крѣпостей на свои земли Болотовы подолгу не получали. За послѣдніе годы войны въ Каширѣ воеводствовалъ нѣкто Писаревъ, вѣроятно, родственникъ того зятя Григорія Васильева, съ которымъ тягался Папкратъ Безсоновъ изъ-за 40 ч. Воевода не давалъ ходу дѣламъ нашей семьи и надолго запуталъ производство. Одинъ изъ Ерофеевыхъ прямо писалъ въ Москву, что у нихъ съ воеводой ссора въ помѣстьяхъ и крестьянахъ, и просилъ высылать бумаги на имя Серпуховскаго губного старосты.

Судьба Еремѣя Горяинова и его сыновей оказалась особенно трагичной. Въ 1638 г. онъ вышелъ, какъ уже сказано, въ меньшую статью помѣстной конницы. Какъ хозяинъ, мы видѣли по писцовымъ книгамъ, онъ отсталъ отъ старшаго брата и не дѣлалъ попытокъ къ улучшенію хозяйства; по службѣ онъ, кажется, отсталъ еще больше. Въ то время,

[1]) Столбецъ 160, № 7.

какъ племянники обучались нѣмецкому строю, легко и быстро поднимались до жилецкаго и выборнаго списка, онъ невозмутимо дѣлилъ судьбы доживавшаго свой вѣкъ помѣстнаго ополченія. Въ эпоху польской войны у Еремея подрастали три сына и двѣ дочери. Сыновья одинъ за другимъ выходили вмѣстѣ съ нимъ на службу. Старшій, Филимонъ, поступилъ прямо въ рейтары и, такимъ образомъ въ юности прошелъ строевую науку. Вмѣстѣ съ отцомъ онъ отслуживалъ самую тяжкую пору польскихъ войнъ, когда къ нимъ присоединились смуты въ Малороссіи, замѣшавшія въ войну крымцевъ. Это была пора битвы при Конотопѣ, когда подъ начальствомъ воеводы Трубецкого легла костьми почти вся помѣстная конница, пять лѣтъ назадъ блестяще начавшая войну. Въ этомъ страшномъ побоищѣ до пяти тысячъ вмѣстѣ съ воеводами попали въ плѣнъ и были перерѣзаны татарами (28 іюня 1659 г.). Среди нихъ и Ерема Горянинъ пропалъ безъ вѣсти.

Гибель большого войска привела въ ужасъ Москву. Царь надѣлъ печальное платье. Думали, что гетманъ Выговскій съ ханомъ пойдутъ прямо къ столицѣ, но они удовольствовались побѣдой и не выходили изъ Малороссіи. По Коломенскому, Каширскому и другимъ уѣздамъ Украйны разбѣжались „воровскіе люди“, которые запугивали уѣздныхъ, сельскихъ людей скорымъ приходомъ крымцевъ и пользовались паникой. Беззащитные сельскіе жители начали даже толпами сбѣгаться изъ селъ и деревень въ города подъ защиту остроговъ. Народъ вспоминалъ несчастную битву въ своихъ пѣсняхъ; впечатлѣніе этой эпохи черезъ семейные пересказы отразилось и на страницахъ мемуаровъ А. Т. Болотова; онъ описалъ участь своего предка Еремѣя очень картинно и трогательно; горестный эпизодъ битвы принялъ у него героическій оттѣнокъ, и вся исторія семьи Горянинова обратилась въ сентиментальную поэму. Нужно замѣтить, что сыновья его не были убиты тутъ же подъ Конотопомъ; принимать участіе въ этомъ дѣлѣ могъ одинъ старшій, который, можетъ быть, и былъ тогда раненъ; но во всякомъ случаѣ онъ послѣ плѣна отца успѣлъ побывать дома и укрѣпить за собой и за братомъ отцовское помѣстье. Всѣ были увѣрены, что Еремѣй

погибъ во время безчеловѣчной рѣзни плѣнныхъ [1]). Братья раздѣлились не по обычаю: отцово Трухино Болотово съ пустошью Гвоздевской (всего 300 ч.) взяли себѣ оба старшіе, а младшаго, Панкрата, оставили ожидать себѣ новаго оклада.

Скоро Филимонъ съ Иваномъ вышли на новыя службы, съ мятежниками; мятежи долго не давали тогда покоя служилымъ людямъ, которые давно уже, по замѣчанію Ордынъ-Нащокина, заскучали службой отъ долгой войны и сдѣлались нерадѣтельными.

Иванъ Еремѣевъ служилъ въ Малороссіи во время смутъ Брюховецкаго и Дорошенки, и близъ Чернигова изъ полковъ Григорія Ромодановскаго былъ захваченъ въ плѣнъ крымскимъ летучимъ отрядомъ. Это случилось, вѣроятно, лѣтомъ 1668 г., когда воевода осаждалъ Черниговъ, и его отряды гонцовъ и разсыльщиковъ часто попадались въ плѣнъ татарамъ. Иванъ пропалъ безъ вѣсти и навсегда [2]).

Два года спустя находимъ Филимона подъ Тамбовомъ въ числѣ на спѣхъ собраннаго туда служилаго люда; тамъ появились передовыя шайки Разина. Онѣ двигались отъ Симбирска по двумъ направленіямъ къ Тамбову и къ Нижнему Новгороду. Вокругъ Шацка и Тамбова поднялись массы сельскихъ людей надъ начальствомъ опытныхъ зачинщиковъ изъ арміи самого атамана. Подъ самыми городами мятежники укрѣплялись въ деревняхъ и слободкахъ и отсюда подолгу боролись съ царскими полками. Въ 1671 г. Филимона „воровскіе люди убили подъ Тамбовомъ“, какъ писалъ третій братъ Панкратъ. Послѣдній, хотя по лѣтамъ и поспѣлъ на службу, но на ту пору оказался въ деревнѣ, и только было

---

[1]) Въ первой челобитной отъ имени Филимона прямо указано, что Еремѣй взятъ въ плѣнъ подъ Конотопомъ; въ другой челобитной лѣтъ на 16 позже, когда два брата его погибли на войнѣ, младшій братъ Панкратъ пишетъ, что отца взяли въ плѣнъ изъ полка Василія Борисовича Шереметева. — Но мы считаемъ достовѣрнымъ свидѣтельство старшаго брата, онъ самъ былъ на войнѣ, и ни въ какомъ случаѣ не могъ спутать Конотопскую битву съ какой-либо другой; младшій же братъ жилъ и умеръ въ деревнѣ и, повидимому, вовсе не выходилъ на службу. Столбцы по г. Каширѣ 165, дѣло 7, и 69, д. 22-е.

[2]) Столбецъ 165. № 7.

началъ хлопотать о полученіи помѣстій братьевъ, какъ тутъ же дома и умеръ. Какой-то злой рокъ преслѣдовалъ даже женскую половину семьи Еремѣя; къ нему и его потомству могло по справедливости перейти отцовское прозвище Горяиновыхъ. Записки А. Т. Болотова весьма правдоподобно и согласно съ эпохой разсказываютъ, какъ зимнею ночью разбойники напали на трухинскую усадьбу, мать-помѣщицу предали мучительной смерти, домъ весь разорили; ушла одна только жившая съ нею незамужняя дочь, босая, неодѣтая. Добѣжала она кое-какъ по морозу за три версты въ Дворенниново, но тамъ тотчасъ заболѣла и умерла. Только замужняя дочь Анна Ладыженская дожила до удивительнаго возвращенія отца изъ татарскаго плѣна.

О житьѣ семьи Ерофея въ дворенниновской усадьбѣ за время польской войны осталось мало свѣдѣній. Подъ главенствомъ вдовы Дарьицы семья, повидимому, жила дружно. Вмѣстѣ со всѣми жила жена старшаго сына Ивана, еще въ годъ смерти отца поступившаго на службу; о послѣднемъ знаемъ только, что онъ долженъ былъ участвовать въ литовскихъ походахъ; кромѣ того онъ, служилъ въ жильцахъ и числился въ жилецкомъ спискѣ, почему-то, много лѣтъ послѣ своей смерти. Умеръ онъ рано, раньше 1660 г., потому что къ этому году, при всей медленности дѣлопроизводства, успѣли утвердить за его женой ея вдовье прожиточное имѣнье[1]). Смерть Ивана заставила Дарьицу рѣшиться на общую развертку мужниныхъ помѣстій между своими домашними. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что невѣстку-вдову съ ея дѣвочкой слѣдовало обезпечить прожиткомъ, съ которымъ она, еще молодая женщина, могла бы выйти замужъ; Кирило, второй сынъ, давно ушелъ на службу; Борисъ съ Гаврилой тоже подрастали. Изъ окончательнаго раздѣла видно, что всѣ члены семьи, имѣвшіе право на окладъ, получили поровну; мать, два сына и внукъ получили по 60 ч. слишкомъ, невѣсткѣ Прасковьѣ съ дѣвочкой на ея вдовью часть дали 61 ч.—41 на мать, 20 на дочь. У вдовы былъ уже высватанъ женихъ. Иванъ Вальцовъ, поручикъ новаго солдатскаго

---

[1]) Книги молод. лѣтъ по г. Каширѣ, вводная А. Т. Болотова.

строя. Въ старину сватовства велись просто и откровенно; попадались даже челобитныя на государево имя, въ которыхъ отъ имени невѣсты свидѣтельствовалось, „что ея женихъ ждетъ и готовъ жениться, если государь пожалуетъ, велитъ справить за нею ея прожиточное помѣстье“.

Малопомѣстнаго Вальцова Дарьица приняла, кажется, въ свою усадьбу, какъ родного. Ея сыновья вели нѣкоторыя дѣла сообща съ этимъ своякомъ, а чтобы лучше его обезпечить отъ имени его маленькой падчерицы, уступили ему и его прожиточныя 20 ч. Ерофеевы дѣйствовали солидно и хозяйственно; заботились о родичахъ и домашнихъ, но дѣлали это съ возможными для себя удобствами, любили сохранять жеребья своихъ земель подъ своей опекой.

Года три послѣ этого событія, въ 1663 г. погибъ Борисъ Ерофеевъ [1]) близъ Губарей (Губарева?) [2]) во время стычки воеводы Долгорукова съ поляками; онъ не оставилъ ни жены, ни дѣтей, и его окладъ въ отцовскомъ Дворенинове перешелъ къ старшему теперь брату Кириллѣ.

Старуха Дарья первенствовала въ усадьбѣ все время, пока подрастали дѣти и внуки, одного за другимъ снаряжала она въ походы, правила домомъ и хозяйствомъ за всѣ годы войны, когда молодые помѣщики почти не бывали дома. Только около 1667 г. они вернулись съ походовъ и принялись за свои сельскія дѣла, забирая въ свои руки помѣстья погибшихъ родичей, и тогда утомленная домоправительница собралась на покой. Она довольно настрадалась на своемъ вѣку, перехоронила много народу, навозилась съ невѣстками и внуками.—настала ей пора подумать объ отдыхѣ, а покой и тишину тогда давалъ только монастырь. Дарьица Болотова постриглась въ томъ же 1667 г. Свои прожиточныя 61 ч. она было завѣщала [3]) (поступилась, какъ тогда говорили) внуку Ларіону. Но внукъ не успѣлъ или просто нашелъ неудобнымъ завладѣть чѣмъ либо отдѣльно отъ дядей, и потому

---

[1]) Столбецъ 160, № 10.

[2]) Губаревъ на р. Басѣ, село въ 30 вер. отъ Могилева. Петръ Долгорукій разбилъ тамъ польскій отрядъ. Соловьевъ т. XI.

[3]) Столбецъ по г. Каширѣ 160, д.. № 10.

не просилъ укрѣпить за собой бабкино помѣстье, и оно пошло въ новый общій раздѣлъ.

Трудно сказать, усердно ли служили Болотовы, или отбывали службу по неволѣ, храбры ли они были или нѣтъ; но списокъ всѣхъ погибшихъ въ походахъ членовъ семьи довольно внушителенъ и представляетъ маленькую иллюстрацію тяжелой и смутной жизни русскаго общества въ царствованіе „тишайшаго“ царя Алексѣя Михайловича. Грамотѣй и дѣлецъ Кирило имѣлъ основаніе писать въ одной изъ своихъ челобитенъ 1667 г. [1]), что ихъ, Болотовыхъ, побито, изувѣчено и въ плѣнъ взято въ разныхъ службахъ до 12 чел., а изъ оставшихся онъ, Кирило, ранепъ подъ Конотопомъ [2]).

Въ награду за службы свои и родичей, два брата Ерофеевы съ племянникомъ понемногу собирали въ свои руки всѣ помѣстья, какими были надѣлены потомки Гаврилы Горяпина. Сами они, особенно Кирило и Ларіонъ, являются людьми нѣсколько иного типа, не такими, какими были ихъ отецъ и дяди; ихъ уже коснулся постепенный поворотъ русской жизни на новый, еще не вполнѣ опредѣлившійся путь. Записываясь на службу, они поступали не въ помѣстную конницу, а въ полки иноземнаго строя, въ рейтары и драгуны. При Алексѣѣ Михаиловичѣ число этихъ войскъ стало быстро увеличиваться; въ нихъ принимали не только безпомѣстныхъ и малопомѣстныхъ, какъ въ первую половину XVII в., но дворянъ и дѣтей боярскихъ лучшихъ статей.

Сыновья и внуки Ерофея рано попали подъ муштровку иностранныхъ офицеровъ, и съ тою же гибкостью и воспріимчивостью, какою отличались ихъ потомки XVIII в. (мемуаристъ и его отецъ), скоро стали бойчѣе, живѣе и смышленѣе своей мелкой братьи-деревенщины. Въ своихъ рейтарскихъ полкахъ они выслуживались въ офицерскіе чины и въ жилецкихъ спискахъ [3]) числились начальными людьми. По свидѣтельству современниковъ, да и по самому смыслу службы, въ жильцы производили самыхъ расторопныхъ и способныхъ

[1]) Столбецъ по г. Каширѣ 537, № 24. Отрывокъ растерянпаго дѣла безъ начала и конца.

[2]) Въ Жилецкомъ спискѣ—подъ Нѣжиномъ.

[3]) Жилецкіе списки 5, 8, 15, 22, 41, 42, 53.

изъ дворянъ городовыхъ списковъ. Жильцамъ давались самыя разнообразныя порученія въ Москвѣ и въ разсылкахъ по уѣздамъ: они же назначались состоять при посольствахъ; самыхъ опытныхъ по строевой службѣ посылали офицерами въ новые полки. Жильцы часто имѣли случаи возвышаться въ ряды стряпчихъ, ключниковъ и другіе придворные чины. Болотовы обладали, повидимому, этими необходимыми данными для разнообразной службы; способности къ тому же подкрѣпились нѣкоторой привычкой къ дисциплинѣ подъ нѣмецкой ферулой.

Кирило былъ сильнѣе всѣхъ родичей въ грамотѣ; судя по нѣкоторымъ документамъ, онъ писалъ привычною рукой, твердо, четко, какъ хорошій дьякъ.

Съ 1669 г. имена Кирилы съ Гаврилой появляются въ жилецкихъ спискахъ, а въ своихъ полкахъ рейтаръ-копейщиковъ братья служатъ начальными людьми. Служба ихъ и прежде была на виду; крайне небрежныя замѣтки дьяковъ на поляхъ жилецкихъ книгъ указываютъ, гдѣ они отличались и какія награды получали. Послѣ перемирія Гаврила получилъ за Конотопъ, за битву противъ Сапѣги (?) по 100 ч. въ помѣстье, по 10 и по 6 р. деньгами; за разныя службы отъ 1664 г. по 1679 г., за торжественное объявленіе наслѣдникомъ царевича Алексѣя по 100 ч. и 12 р. деньгами, всего-на-все болѣе 500 ч.

Приблизительно столько же записали и Кирилѣ, съ прибавкой за рану подъ Нѣжиномъ. Въ 1675 г., Ларіонъ Осиповъ появляется тоже среди жильцовъ на окладѣ въ 315 ч. Всѣхъ наградъ по припискамъ дьяковъ ему полагалось до 500 четей; въ томъ числѣ за Чигиринскій походъ и по случаю вѣнчанія царя Оедора Алексѣевича. Въ 1688 г. всѣхъ троихъ Болотовыхъ отставляютъ отъ службы. Читая приписки о наградахъ, можно подумать, что Болотовы получили чуть не боярскія помѣстья; но эти пожалованья, подобно оффиціальнымъ окладамъ, далеко не соотвѣтствовали дѣйствительности: награды оставались на бумагѣ, а наши рейтары только безпрепятственно дѣлили между собой вымороченыя помѣстья своихъ родичей.

Внѣ службы Болотовы внимательно занимались своимъ

сельскимъ хозяйствомъ; какъ у Ерофея, въ нихъ сильна была жилка хозяйственности, и уже сказывались представители будущаго землевладѣльческаго класса.

Крестьянское населеніе, прикрѣпленное къ Дворенинову экономическими мѣрами Ерофея и Дарьицы, за немногими исключеніями, составило главную основу хозяйствъ Кирилы, Гаврилы и Ларіона. Но, конечно, деревня, раздробившись между нѣсколькими владѣльцами, лишилась прежней стройности и единства; участки земли раздѣлились дробнѣе, населеніе прибавлялось, и крестьянству пришлось потѣсниться; дѣти нѣкоторыхъ крестьянъ Ерофея у его сыновей пересѣли на бобыльскіе надѣлы.

Переписная книга [1]) 1678 г. рисуетъ намъ хозяйства послѣдняго поколѣнія XVII в. Трудно только при этомъ опредѣлить, какимъ именно количествомъ земли владѣли трое Ерофеевыхъ, такъ какъ это количество постоянно измѣнялось въ теченіе двадцати лѣтъ; они безпрерывно пріобрѣтали и передѣляли участки покойныхъ родичей. А вскорѣ появленіе старика Еремѣя Горяинова, неожиданно вернувшагося черезъ 20 лѣтъ изъ татарскаго плѣна, произвело новый рядъ замѣшательствъ. Авторъ записокъ [2]) картинно и трогательно разсказываетъ, какъ старый воинъ бѣжалъ изъ тяжкаго плѣна, не смотря на свои подрѣзанныя и набитыя конскимъ волосомъ пятки, и со страшными мученіями добрелъ нѣшкомъ до своего Трухина; какъ добрые поселяне его деревни узнали своего бывшаго помѣщика въ странникѣ, сидѣвшемъ въ рубищѣ на развалинахъ своей старой усадьбы; какъ страдалецъ горестно рыдалъ, узнавъ, что изъ семьи его никого не осталось, что помѣстьемъ владѣютъ дворенинововскіе племянники и самая усадьба перенесена на другое мѣсто. Старикъ тотчасъ рѣшилъ оставить родичей мирно владѣть помѣстьемъ, а самъ попросилъ у нихъ дать ему уголокъ въ домѣ, гдѣ бы онъ могъ мирно доживать свой вѣкъ.

Возвращеніе измученнаго героя было, конечно, весьма трогательно, но документы свидѣтельствуютъ, что онъ немед-

[1]) Переписная книга по г. Каширѣ № 9152, кн. 2.

[2]) Записки, т. I, письмо 2.

ленно потребовалъ и получилъ обратно свои земли [1]), кромѣ тѣхъ, которыя были выданы его дочери Ладыженской. Подержавъ ихъ лѣтъ съ десять, Еремѣй, не задолго до смерти, началъ дѣло объ уступкѣ Трухина тѣмъ же родичамъ [2]); но оно перешло въ началѣ XVII в. уже къ новому поколѣнію дворенниновскихъ помѣщиковъ, когда всѣ старые родичи сошли со сцены. При такой измѣнчивости владѣній, благодаря помѣстной системѣ, весьма мудрено прослѣдить, сколько за каждымъ Болотовымъ было земли въ разсматриваемое время.

Въ 1678 г. находимъ въ Дворенинове три помѣщичьи усадьбы. На усадебномъ дворѣ Кирилы жили рабочіе, дѣловые люди, четыре взрослыхъ молодца, изъ нихъ одинъ семейный; да при усадьбѣ стоялъ дворъ задворнаго человѣка, съ многочисленной семьей; старшій сынъ его числился въ бѣгахъ. Въ деревнѣ Кирило имѣлъ три двора на свою третью часть: многосемейный дворъ крестьянина Кащеева, одного изъ сыновей Марчки Антонова, старинаго (20 г.) дѣлового человѣка Ерофея, да два двора бобылей. переписанныхъ изъ отцовскихъ крестьянъ. Всего въ трехъ кириловыхъ дворахъ жило четырнадцать человѣкъ.

Въ усадьбѣ Гаврилы Ерофеева не было дворовыхъ дѣловыхъ людей; за то у него въ деревнѣ имѣлось 5 жилыхъ дворовъ съ населеніемъ въ 23 души, изъ нихъ три двора бобыльскихъ и два крестьянскихъ. Шестой дворъ стоялъ пустымъ; изъ него бѣжалъ съ многолюдной семьей старинный крестьянинъ, братъ Кащеева. Вообще, сельскій людъ Гаврилы случайнѣе по составу и безпорядочнѣе, чѣмъ у его совладѣльцевъ.

Ларіонъ Осиповъ немного обиженъ дворами передъ дядями; у него всего два двора съ 11-ю душами населенія, но оба старинныхъ крестьянъ, крѣпко засѣвшихъ въ деревнѣ. На его усадьбѣ жило шестеро дѣловыхъ людей, по большей части семейныхъ. Одинъ изъ нихъ бѣжалъ передъ самою переписью.

Въ Трухинѣ у нашихъ помѣщиковъ не было усадьбы, ее или перенесли въ Дворенинове, или оставили за Анной

---

[1]) 225 ч. въ од. п., 75 ч. выданы дочери.

[2]) Столбцы 174 № 7 и 88.

Еремѣевой. Каждый изъ нихъ владѣлъ здѣсь восемью душами мужескаго пола. Ларіонъ всѣхъ зачислилъ въ одинъ старинный дворъ и только съ нимъ и вѣдался въ Трухинѣ. Но дяди, казалось, относились съ большимъ вниманіемъ къ хозяйственнымъ мелочамъ; каждый изъ нихъ посадилъ на свой жеребій по задворному человѣку изъ закрѣпленныхъ литовскихъ плѣнниковъ: вѣроятно, это были довѣренные люди, завѣдывавшіе работами и собиравшіе доходы.

Старую усадьбу Ерофея наслѣдовалъ Кирило, почему мемуаристъ и считаетъ его основателемъ „всего сего селенія“ (т. II, 329); но этотъ хозяинъ только обсадилъ отцовскій дворъ почти весь кругомъ прекраснымъ садомъ и, вѣроятно, подновилъ постройки. Ларіонъ Осиповъ отстроилъ себѣ новую усадьбу, неподалеку отъ дяди за вершинкою у самаго берега Скниги, ту самую, которую унаслѣдовалъ въ половинѣ XVIII в. авторъ записокъ; послѣдній полагалъ, что нѣкоторыя надворныя строенія, какъ амбаръ и сараи, простояли безъ всякихъ измѣненій болѣе ста лѣтъ до царствованія Екатерины II-й.

На короткое время у всѣхъ трехъ помѣщиковъ прибавилось было земли въ Трухинѣ; Анна Еремѣевна Ладыженская [1]), еще ранѣе отца поступилась имъ своими 75 четями (въ од. п.), поступилась даромъ, только съ условіемъ: если возвратится изъ плѣна пропавшій братъ ея Иванъ Еремѣевъ, то все помѣстье вернуть ему; но затѣмъ скоро спохватилась и начала дѣло о возвращеніи своей земли. Вообще это довольно странное и темное семейное дѣло. Совершенно непонятно, почему Ладыженская находила нужнымъ требовать, чтобы дальніе племянники за ея 75 ч. почитали, поили и кормили ее, какъ сироту бездомную, когда у нея по сосѣдству въ с. Сепинѣ благополучно здравствовалъ ея второй мужъ, весьма состоятельный стольникъ. А едва только землю сдали родичамъ, она начала жаловаться, что они не поятъ и не кормятъ ее, и „какъ бы ей отъ этого голодною смертью не померть и межъ дворъ не пойтить“. По суду ей не дѣлали допроса на мѣстѣ жительства, потому, можетъ быть, что родичи замѣтно замяли это дѣло. Но, съ другой стороны, за

[1]) Книга старыхъ дѣлъ по г. Каширѣ, 1, № 118.

Анну стояли вліятельные сосѣди, Хотяинцевы, Іевскіе, духовникъ, русятинскій попъ, и подтверждали рукоприкладствами ея жалобы. Жалобамъ, однако, вняли и велѣли возвратить ей помѣстье. Выигравъ дѣло, она тотчасъ поступилась или, вѣрнѣе, продала землю своему деверю Леонтію Ладыженскому и племяннику Ивану Болотову, сыну Гавріила, взявъ съ того и другого по 50 р., цѣна дорогая для того времени, за землю, строенье и крестьянъ. Можетъ быть, ради этой сдѣлки и велось это послѣднее курьезное дѣло дореформенной семьи.

Затруднительность въ отысканіи судебъ Анны Еремѣевны по бумагамъ другихъ дворянскихъ родовъ лишаетъ возможности узнать была ли она разведена съ мужемъ; по неопредѣленности ея положенія можно предполагать, что была. Въ дореформенной Россіи церковь терпѣла особый видъ развода по взаимному соглашенію супруговъ, форму довольно удобную при тогдашнихъ нравахъ для мужей повелителей, желавшихъ избавиться отъ пожилыхъ надоѣвшихъ женъ; въ случаѣ упорнаго несогласія жены, властный владыка легко находилъ домашнія мѣры принужденія. Болѣе ранніе капитскіе документы даютъ еще одинъ типъ такой женщины, выбившейся изъ обычной колеи женской жизни [1]). Въ дѣлѣ о мѣлѣ земель между Болотовыми и Палицыными отражается судьба матери одного изъ Палицыныхъ, жившей нѣсколько ранѣе Ладыженской; овдовѣвъ, эта женщина получила 171 ч. на прожитокъ, обезпеченіе хорошее, съ которымъ она вскорѣ и вышла замужъ за князя Волконскаго. Года черезъ три князь и княгиня подали вмѣстѣ челобитную о разводѣ и были разведены, при чемъ княгиня сохранила свое прожиточное — 171 ч. Разведясь, она, подобно Ладыженской, пребывала въ какомъ-то неопредѣленномъ положеніи и путалась въ своихъ распоряженіяхъ, то поступалась всѣмъ своимъ помѣстьемъ сыну, то требовала его обратно, нѣкоторыя части продавала ему же за крупныя суммы, нѣкоторыя опять уступала даромъ.

Тщательный подборъ многихъ такихъ дѣлъ могъ бы пролить яркій свѣтъ на внутреннюю жизнь помѣщичьихъ семей XVII вѣка.

---

[1]) Дѣло старыхъ лѣтъ по г. Капирѣ, кн. 43, № 23.

Сколько ни забирали Болотовы вымороченыхъ помѣстій, имъ всетаки приходилось сильно натягивать свои средства, чтобы приличнымъ образомъ служить въ начальныхъ людяхъ по жилецкому списку. Одинъ особый доходъ значительно помогалъ имъ,—это каширскіе желѣзные заводы.

Первые заводы, какъ извѣстно, появились въ тульскомъ уѣздѣ по договору съ Андреемъ Виніусомъ. Вскорѣ къ этимъ заводамъ, ради расширенія дѣла, примкнули Марселисъ и Акема (1634 г.), они скоро выхлопотали себѣ особую грамату на право заводить новые заводы и, кромѣ тульскаго, начали строить ихъ и въ каширскомъ уѣздѣ. Частью само правительство помогало имъ, приписывая къ заводамъ цѣлыя дворцовыя волости, частью сами предприниматели снимали для своихъ промысловъ удобныя земли у помѣщиковъ.

Такъ, часть болотовскихъ пустошей на берегу Скниги была взята въ аренду Петромъ Марселисомъ еще при основаніи деревни Ерофея Горяинова; но ни годъ, ни условія этой сдачи неизвѣстны. Только одна запись Кирилы съ братомъ (отъ 1684 г. [1]) и племянникомъ свидѣтельствуетъ, что уже третье поколѣніе заводчиковъ ведетъ дѣла съ Болотовыми: эту арендную запись они дали Христіану Марселису, внуку Петра, на земли берега Скниги, на которомъ давно стоялъ Нижній Каширскій заводъ. Сверхъ тѣхъ земель, какія сдавались дѣду и отцу Марселиса, Болотовы сдали ему еще часть пустоши Гвоздевки подъ дворы и огороды мастеровъ съ выгономъ для скота. За всѣ земли,—а количество ихъ не упомянуто,—подъ заводъ и подъ хозяйства, Марселисъ обязался платить по 30 р. въ годъ, да на 15 р. поставлять желѣза помѣщикамъ. Кромѣ того, заводчикъ долженъ былъ чинить плотину на Гвоздевкѣ, а на плотинѣ построить мельницу; мельница строилась изъ болотовскаго лѣса, а потому онъ владѣлъ ею пополамъ съ помѣщиками. Вспомнивъ, какъ страдали въ старину отъ недостатка желѣза, какъ затруднялись самые богатые вотчинники въ постройкахъ и сельскомъ хозяйствѣ недоступностью и затруднительностью подвоза этого

[1]) Румянцевскій музей, по описанію рукописей Востокова. С. II. (101). Дѣла пушарскаго приказа.

продукта, легко понять всю выгоду для Болотовыхъ и для всего ихъ сосѣдства отъ близости заводовъ Марселиса.

Такъ оправдало себя мѣстоположеніе, выбранное Василіемъ Романовымъ, а особенно Ерофеемъ, построившимся на Скнигѣ. Обиліе рѣкъ, въ то время не маловодныхъ, помогло развитію промысла, а промыселъ много помогалъ хозяйству крестьянъ и помѣщиковъ.

Отдыхъ нашихъ жильцовъ послѣ андрусовскаго перемирія былъ, повидимому, непродолжителенъ; всѣ трое не разъ выходили на службы въ Малороссію. Ларіонъ былъ подъ Чигириномъ и получилъ награду за этотъ походъ. Кирило и Гаврило въ 1682 г. ходили къ Троицкому монастырю на защиту царей, Ивана и Петра, отъ стрѣльцовъ, и подъ самый конецъ своей службы участвовали въ крымскихъ походахъ Голицына; затѣмъ обоихъ дядей и Ларіона отставили отъ полковой службы [1]). Первымъ дали довольно почетную награду для небогатыхъ дворянъ: наравнѣ со стольниками, они получили въ вотчинное владѣніе по 20 ч. съ каждыхъ 100 ч. помѣстья. Гаврило получилъ при этомъ сразу, какъ перечисляетъ одна бумага, за крымскіе походы 43 ч., по случаю заключенія вѣчнаго мира съ Польшей—28 ч., и за Троицкій походъ 36 ч. Всего 107 ч. перешли ему изъ помѣстья въ вотчину; у Кирилы оказалось нѣсколько больше—143 ч. Ларіона обошли вотчиной, да за нимъ и не были записаны троицкій и крымскіе походы.

Первымъ изъ поколѣнія жильцовъ умеръ Ларіонъ въ 1690 г. А. Т. Болотовъ отмѣчаетъ этого прадѣда послѣднимъ предкомъ „въ бородѣ“. Ларіонъ славился отличнымъ ходокомъ по приказнымъ дѣламъ, никогда не давалъ себя въ обиду, былъ права неуступчиваго и часто ссорился съ родными, въ разговорѣ употреблялъ примолвку: „реку“. Во многихъ чертахъ онъ напоминаетъ своихъ современниковъ по чигиринскимъ походамъ, дѣдовъ другого автора мемуаровъ XVIII в. Данилова [2]), охотно прославлявшихъ эти походы далеко выше

[1]) Въ 1688 г., когда, послѣ неудачнаго похода своего фаворита, правительница Софья усердно ласкала и награждала служилыхъ людей.

[2]) Записки маіора Данилова.

Полтавской „викторіи“; тѣ же странныя рѣчи, полныя ничего незначущихъ примолвокъ, тѣ же суровые, крутые нравы, не выносящіе возраженій и препятствій, тѣ же ссоры между родными и сосѣдями, въ силу которыхъ деревенскіе самодуры ухитрялись сидѣть многіе годы въ своихъ усадьбахъ, не видаясь съ братьями и племянниками, жившими рядомъ за огородомъ. Только Ларіонъ Болотовъ, какъ жилецъ и офицеръ, значительно бойчѣе и, вѣроятно, грамотнѣе закоснѣлыхъ арзамасцевъ. Между дѣдами и внуками рѣзкой полосой прошла эпоха реформъ, и внуки, судя по словамъ Данилова, плохо понимали этихъ стариковъ, чигиринскихъ героевъ, и даже дивились ихъ страннымъ рѣчамъ.

Кирило Ерофеевъ умеръ въ 1696 г., а Гаврило въ самомъ началѣ XIII в. Такъ, старое поколѣніе XVII в. своевременно уступило мѣсто новому, когда для быстро измѣнившихся условій потребовались новые люди.

ПОКОЛѢНІЕ ЭПОХИ ПРЕОБРАЗОВАНІЙ.

Въ первой главѣ мы прослѣдили съ грѣхомъ пополамъ жизнь нѣсколькихъ поколѣній семьи изъ служилаго сословія, насколько позволяли ограниченность и сухость матеріаловъ: по самымъ свойствамъ этихъ матеріаловъ намъ не удалось дать сколько-нибудь выпуклой, цѣльной картины, но и изъ тѣхъ малыхъ данныхъ, какія есть на-лицо, очевидна извѣстная своеобразная стройность быта общественнаго и семейнаго. Служилый человѣкъ съ дѣтства, съ рожденія ставился въ опредѣленный кругъ жизни и дѣятельности. Существованіе и права женской личности тоже крѣпко связывались съ формами этого служилаго быта. Поколѣніе за поколѣніемъ выходило все на ту же службу, на ту же борьбу за развитіе государства, получало за то обезпеченіе въ видѣ помѣстья, и въ немъ выращивало новое поколѣніе въ томъ же кругѣ преданій и понятій. Только не было въ этомъ порядкѣ того,

что придаетъ живыя краски и захватывающій интересъ историческому прошлому: не процвѣтала личная жизнь, не было жизнерадостныхъ порывовъ личныхъ силъ; а если въ сплошной однообразной массѣ и сказывались индивидуальные порывы, то въ формѣ мрачнаго удальства, разбойничества или, наоборотъ, подвижничества, аскетизма.

О двухъ первыхъ поколѣніяхъ XVIII в. записки Болотова высказываются кратко, но многозначительно: „Какъ около сихъ временъ отечество наше подъ премудрымъ правленіемъ славнѣйшаго въ свѣтѣ государя Петра Великаго начало изъ прежняго невѣжества выходить, и часъ отъ часу просвѣщаться, то и дѣдъ мой воспиталъ дѣтей своихъ не по примѣру своихъ предковъ. но гораздо лучше". Онъ отдалъ обоихъ сыновей въ нѣмецкую рижскую школу, и съ этой поры для мемуариста какъ бы начинаются времена историческія—явленіе очень характерное. Рѣзкое отношеніе къ дореформеннымъ предкамъ вполнѣ соотвѣтствовало общему настроенію русской сколько-нибудь образованной публики Екатерининской эпохи, когда писались мемуары. Подобные восторженные отзывы о реформѣ очень характерны и для той среды, изъ которой они выходили и къ которой принадлежалъ Болотовъ; это была среда московской дружины, послушной и дисциплинированной подъ давленіемъ принудительной государственности. Дружина вѣками вела темную незамѣтную работу надъ созданіемъ своего государства на глухомъ сѣверо-востокѣ и только послѣ тяжкихъ испытаній XVII в. среди нея проявилось сознаніе, какъ можно освѣтить и улучшить свой бытъ, появились и новыя потребности, примирявшія ее съ иностранцами. Въ эту же пору присоединились къ Москвѣ южныя приднѣпровскія земли съ населеніемъ иного историческаго воспитанія; къ переписаннымъ закрѣпленнымъ сиротамъ и слугамъ московскаго государства примкнула многотысячная толпа вольницы, среди которой изстари всякъ былъ себѣ панъ, и оборванный голышъ, и разубранный атаманъ. гдѣ не существовало никакихъ элементовъ государственности и процвѣтали только вольныя товарищества. Слабая шляхетская республика только поддерживала вольное пановань свопхъ сосѣдей, но. за то дала ка-

зацкому народу кое-какіе юридическіе обычаи да извѣстную привычку къ школьному образованію. Новый этнографическій элементъ далъ сильный толчекъ быту московскаго общества. Движеніемъ овладѣлъ молодой вождь, олицетворившій въ себѣ всѣ черты эпическаго богатыря, и призвалъ къ дѣлу обновленія государства ближайшее орудіе своей власти — ту же служилую дружину; въ общемъ. она охотно откликнулась на призывъ, давно утомившись монотоннымъ существованіемъ; надоѣла постоянная возня съ неугомонными сосѣдями среди необезпеченныхъ границъ, обратившаяся въ мучительное топтанье въ заколдованномъ кругу; не сладка была безрадостная жизнь — служба безъ опредѣленной выслуги, съ перспективой безвѣстной кончины на дальней сторожѣ или рабства въ татарскомъ плѣну. И покрехтывая, по слабости человѣческой, отлынивая отъ дѣла, дружина охотно все-таки пошла за смѣлымъ вождемъ добывать права и средства для усовершенствованія своей жизни. За то съ первыми успѣхами вѣра въ вождя и въ силу нововведеній стала быстро расти среди дружины преобразователя, тѣмъ болѣе, что она же первая пожала плоды этихъ успѣховъ; служилые люди еще скорѣе старались позабыть свои прежнія холопскія клички, и изъ Ерошекъ, Ивашекъ и Кирюшекъ съ восторгомъ обращались въ ихъ благородія и высокородія, въ благородное россійское шляхетство. Дѣти и внуки ихъ, подъ впечатлѣніемъ этого восторга, съ особеннымъ удовольствіемъ стали вести историческую эпоху отъ этихъ счастливыхъ временъ.

Что касается обитателей Дворенинова и Болотова. то они принадлежали даже къ числу самыхъ подготовленныхъ къ реформѣ сельскихъ дворянъ; благодаря Каширскимъ заводамъ, они имѣли возможность давно освоиться съ иноземцами; нѣмецкіе приказчики и мастера со своими семьями прочно усаживались тутъ же близъ ихъ деревень; изъ частыхъ столкновеній и разговоровъ узнавали порядки и обычаи другихъ народовъ, оцѣнивали ихъ и привыкали къ нимъ. Вмѣстѣ со службой въ строевыхъ полкахъ нѣмецкаго образца и выучки,— все это должно было воспитать изъ Болотовыхъ и ихъ родичей особый, еще совсѣмъ блѣдный для исторіи типъ помѣстнаго дворянства конца XVII вѣка. которое энергично защи-

щало правительство юныхъ братьевъ-царей отъ стрѣльцовъ, старой гвардіи, устарѣвшей вѣрой и обычаями.

Съ наступленіемъ эпохи преобразованій старые воины Болотовы выбывали изъ строя. Всѣ трое, Кирило, Гаврило и Ларіонъ, оставили каждый всего по одному наслѣднику; то были уже безбородые дѣды мемуариста А. Т. Болотова, первые въ родѣ носители нѣмецкаго мундира. Свою служебную карьеру они начали по проторенной отцами московской дорожкѣ; небогатые каширцы давно чувствовали себя въ Москвѣ, какъ дома, и на царскомъ дворѣ имѣли свояковъ и милостивцевъ, а потому ихъ сыновей еще мальчиками вносили въ жилецкій списокъ. Сынъ грамотѣя Кирилы, Матвѣй, юношей произведенъ въ стряпчіе, а на полевой службѣ, въ новыхъ регулярныхъ полкахъ, быстро получилъ чинъ капитана; его родичи, Иванъ Гавриловъ и Петръ Ларіоновъ, остались жильцами, а первый такъ и не выслужился изъ поручиковъ; Иванъ рано захирѣлъ и умеръ въ 1713 г., не оставивъ дѣтей. Обезпечивъ его вдову, его вотчину и помѣстья раздѣлили поровну между Матвѣемъ и Петромъ. Для потомковъ Петра это наслѣдство оказалось весьма важнымъ; какъ старинные владѣльцы нѣсколькихъ десятковъ четей вотчинной земли, они были впослѣдствіи записаны въ старинное столбовое дворянство.

Со смерти Ивана линіи Матвѣя Кирилова и Петра Ларіонова совсѣмъ раздѣляются и ведутъ врозь свою исторію; поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи мы оставимъ въ сторонѣ линію Кирилы и займемся исключительно потомствомъ Петра, то-есть семьей мемуариста.

Петръ Ларіоновъ, судя по его служебнымъ записямъ, родился около 1680 г. Его отецъ, умирая въ 1690 г., оставилъ своей вдовѣ съ сыномъ и двумя дочерьми помѣстье въ 240 ч. въ полѣ (360 дес.). Года черезъ три вдова Аксинья собралась выдавать замужъ старшую дочь Дарью за какого-то Нестера Иванова; чтобы устроиться хозяйствомъ и выдѣлить ей на приданое, она отъ себя и отъ имени сына просила справить за ними помѣстье мужа; при этомъ въ своихъ челобитныхъ оба умолчали о существованіи младшей дочери Аграфены. Но уловка не удалась; первый раздѣлъ между вдовой и сыномъ отмѣнили, и прислали новую вводную гра-

мату, по которой обиженной Аграфенѣ опредѣлили цѣлыхъ 46 ч. изъ общаго достоянія, больше прожиточнаго самой вдовой. Дарья же, невѣста, получила всего 14 ч., которыя дали ей мать и братъ въ складчину, и вышла замужъ куда-то вдаль; имя ея больше не поминается въ семейныхъ дѣлахъ.

Сама вдова Аксинья была еще молодой женщиной, имѣла достатокъ, 50 ч. своего приданаго да 38 ч. отъ мужа вдовьихъ прожиточныхъ. Пристроивъ старшую дочь, она вышла сама замужъ за сосѣда каширца, стряпчаго Игнатія Бакѣева [1]). Близъ Дворенинова верстахъ въ 10-ти въ деревушкѣ Калитинѣ и нѣсколько дальше въ Пироговѣ жило много Бакѣевыхъ; большого достатка у нихъ не замѣтно; у каждаго изъ шести родичей была своя усадьба и всего по одному крестьянскому двору. У нѣкоторыхъ были еще двора по два, по три въ болѣе южныхъ и хлѣбородныхъ уѣздахъ, какъ въ Черпскомъ и Епифанскомъ; оттуда въ малоземельныя деревеньки возили хлѣбъ. Самый важный по чину стряпчій Игнатій Антоновъ жилъ на широкую ногу, держалъ въ своей усадьбѣ цѣлую толпу дворовыхъ, чѣмъ и отличался отъ смирныхъ небогатыхъ сосѣдей. Онъ оказался, впрочемъ, добрымъ, заботливымъ вотчимомъ, уступилъ пасынку 28 ч. изъ прожиточнаго жены, а себѣ оставилъ только 10; Сообща съ товарищами московской дворцовой службы, дядями Болотова, устроилъ его судьбу: Петра записали еще недорослемъ въ жилецкій списокъ 1696 г. и сдѣлали такъ, что его два года не требовали на службу; „для малыхъ лѣтъ посылать не велѣно“, гласили приписки дьяковъ противъ имени новаго жильца.

Между тѣмъ, недоросля малолѣтка женили за это льготное время, и довольно выгодно; за женой, Катериной Бабиной, Петръ получилъ 60 ч. съ 3-мя дворами крестьянъ въ Каширскомъ и Епифаньскомъ уѣздахъ, да впереди предвидѣлось наслѣдство послѣ слабаго женинаго брата; получилъ, вѣроятно, хорошую приданую движимость, „рухлядь“, по выраженію того времени, такъ какъ тесть кромѣ помѣстья

[1]) Вводная А. Т. Болотова.

имѣлъ свой дворъ въ Москвѣ [1]). Едва справили свадьбу, Петру нужно было собираться на службу; тогда царь Петръ вернулся, наконецъ, изъ за-границы, и ожидались большіе походы.

За свадебными затратами пошли сборы на Московскій смотръ и затѣмъ на долгую отлучку, которая требовала запасовъ и денегъ. Начало службы стоило Петру очень дорого и оставило тяжелые слѣды на его хозяйствѣ. Въ 1698 году онъ заключаетъ своеобразную мѣну съ сосѣдомъ Палицынымъ, отдаетъ 25 ч. своей земли за 2 ч. во Владимірскомъ уѣздѣ и получаетъ съ послѣдняго 200 р. „на расплату долговъ", какъ свидѣтельствуетъ документъ [2]).

Въ этомъ же году Петръ впервые является на службу. Въ разрядѣ по челобитной, поданной дьякомъ Замятнинымъ,

---

[1]) Ни одной „рядной", форменной описи приданаго, не сохранилось въ Болотовскихъ документахъ XVIII в. Только въ дѣлахъ Тимирязева, сосѣда и свояка одного изъ Болотовыхъ, сохранилась опись дореформеннаго приданаго, по условіямъ подходящая къ состоянію Петра Ларіонова. Въ 1696 г. Тимирязевъ благословилъ свою дочь за Писарева „четырьмя иконами въ ризахъ серебряныхъ". „Ларечной кузки" — цепь позолочена, двои серьги серебряныя позолочены съ каменьемъ и съ жемчуги, да ошивка цѣновая, передѣника низовая, 10 перстней съ каменьемъ и съ жемчуги; да трехъ соболей, верхъ низанный, да рукавья низаны. Приданова платья: шуба атласная червчатая, мѣхъ бѣлій хребтовый, кружева серебряныя „згороды", пуговицы позолочены; шуба камчатая луданова дымчатая, мѣхъ бѣлій, кружево золотое згороды, пуговицы сереб. позол.; шуба тафтяная мѣхъ бѣлій, кружево кизылбацкое, пуговицы сереб. позол. Тѣлогрѣя луданова жеркая, кружево кизылбацкое, пуговицы серб. поз. Тѣлогрѣя камчатая бѣлая съ кружевомъ золотнымъ, пуговицы серб. позол. Шуба кындячная червчатая на зайцахъ, тѣлогрѣя кындячная. Перина съ сголовьемъ и подушки, наволоки тафтяныя, одѣяла выбойчатая на зайцахъ. Сундукъ съ бѣльемъ.— Всего платья на 100 р. Если онъ, Иванъ Тимирязевъ не выдастъ, то зятю тѣ деньги съ него взыскать.

Изъ госуд. жалованья съ своей вотчины въ Епифанской у. дер. Починки 33 ч. въ полѣ земли со всѣми угодьи, и на ту землю переводитъ крестьянъ два двора (2 души муж. и съ семьями) со всякою скотиною и лошадьми; ставитъ ихъ избами, даетъ по 6 дес. распашной земли и хлѣба на обзаведенье. Даетъ дворовыхъ людей Мишку Петрова да одну дѣвку. Если Тимирязевъ въ 1696 г. всего этого не выдастъ и не выполнитъ, зятю получить съ него неустойки 500 р.

[2]) Столбецъ 326, № 7.

его записываютъ поручикомъ въ большой полкъ, а на его мѣсто въ неизвѣстный пѣшій полкъ, гдѣ онъ только числился недорослемъ. переведенъ изъ большого дворянинъ Елотинъ. Тутъ каширцу пришлось сойти съ прародительской дорожки: юношѣ не довелось отращивать бороды; его скоро облачили въ нѣмецкое платье. „Настало регулярство“, какъ выражается мемуаристъ, и настало среди мрачной обстановки; Москва дымилась кровью; розыски. пытки, казни поглощали время и энергію царя; начиная съ терема и собственной семьи. всюду гремѣлъ его неукротимый гнѣвъ, и нигдѣ не было отъ него спасенья: отражался онъ и въ мрачномъ ожесточеньѣ, съ съ какимъ начался походъ на бороды и старое московское платье.

Въ теченіе 1699 г. миръ еще не нарушался; по всюду усиленно готовились къ войнѣ и всесторонниимъ реформамъ. Гвардія и Большой полкъ (подъ начальствомъ Шеина) все время держались въ готовности; люди возбужденно настраивались; ожидали походовъ тяжелыхъ и рѣшительныхъ. Еще въ февралѣ служилымъ людямъ объявили въ виду этого отсрочку въ ихъ дѣлахъ по судамъ. Только въ концѣ лѣта 1700 г. начался первый шведскій походъ.

Далѣе о службѣ Петра Ларіонова мы имѣемъ почти такъ же мало извѣстій. какъ о его отцѣ и дядяхъ. Только слѣдя за именами полковъ и начальниковъ, можно догадываться, гдѣ какую судьбу имѣли наши каширцы: въ общемъ можемъ сказать, что молодые Болотовы и ихъ родичи Бакѣевы отслужили вѣрой и правдой за все время великой и шведской войны. Петръ до самаго взятія Риги числился по старымъ разряднымъ книгамъ все въ томъ же огромномъ корпусѣ, который называли Большимъ полкомъ. Подъ Нарвой онъ раздѣлилъ горькую участь всѣхъ своихъ плохо обученныхъ по новому образцу земляковъ; потомъ съ остатками разбитыхъ войскъ стоялъ подъ командой Шереметева на Шведскихъ границахъ. Въ апрѣлѣ 1702 г., состоя съ другими жильцами въ полку окольничьяго князя Шаховского, былъ переведенъ на время въ Дорогобужъ; Петръ былъ тогда уже капитаномъ, чинъ не малый для его лѣтъ и для мелкаго дворянина того времени.

Вскорѣ послѣ этого похода жильцовъ отпустили изъ ихъ

полковъ на короткій отдыхъ, но всѣхъ ли на побывку домой или отправили прямо въ Москву, сказать мудрено; только въ декабрѣ 1702 г. изъ разряднаго приказа имъ велѣли по царскому указу съѣзжаться въ Москву на смотръ къ 15 янв. 1703 г. Петръ Ларіоновъ пріѣхалъ къ сроку, записался прибывшимъ „съ Каширы“ и помѣстился у своего тестя Бабина въ домѣ за Пречистенскимъ городомъ у Новаго Воскресенья [1]).

Въ февралѣ жильцы ходили отрядами въ разныя числа на смотры въ столовую палату. Со смотровъ ихъ дѣлили на группы и снова разсылали по полкамъ. Капитанъ Петръ оказался въ первой группѣ, въ числѣ 891 ч. начальныхъ людей и кадетъ, отправленныхъ въ Большой полкъ; съ тѣхъ поръ до прекращенія жилецкихъ списковъ (1710 г.) онъ неизмѣнно отмѣчался капитаномъ того же полка. Точность этихъ записей весьма сомнительна; старый разрядъ доживалъ тогда свои послѣдніе годы, и старое дѣленіе полковъ позабывалось; съ регулярствомъ явилась новая военная администрація и новая группировка военныхъ силъ. Капитаны и майоры, переселившись на Балтійское прибрежье, забывали свои московскіе чины жильцовъ и стряпчихъ и совершенно свыкались съ нѣмецкими рангами и титулами. Старый обиходъ понемногу таялъ въ новомъ, и жилецъ-Болотовъ давно могъ состоять капитаномъ въ Пигерманландскомъ или Невскомъ полку, этихъ воспитанныхъ шведскими побоищами полкахъ, которые боролись рука объ руку съ преображенцами и семеновцами, а дьяки по старой памяти все писали по своему.

Внукъ литераторъ не знаетъ всѣхъ службъ своего дѣда, но помнитъ, что онъ долго жилъ въ Ригѣ, тамъ умеръ и погребенъ (въ 1719 г.). По всей вѣроятности, Петръ закончилъ свою походную службу подъ командой того же Шереметева, и взятіе Риги было его послѣднимъ боевымъ подвигомъ; отсюда полки знаменитаго воеводы пошли въ Молдавію въ несчастный Прутскій походъ, но Петръ въ немъ не участвовалъ. При Петрѣ I-мъ раненыхъ, ослабѣвшихъ, а также въ награду за боевыя заслуги переводили изъ полковой службы на болѣе спокойную гарнизонную; между прочими, и Болотовъ

[1]) Жилецкіе списки, кн. 68.

оказался на покоѣ майоромъ гарнизоннаго полка въ важномъ портовомъ городѣ; здѣсь онъ провелъ послѣдніе годы жизни. Его жены, Катерины Григорьевны, тогда давно уже не было въ живыхъ; она всего лѣтъ пять прожила замужемъ и умерла одна въ помѣстьѣ, въ самую горячую пору мужниныхъ походовъ, оставивъ на произволъ судьбы двухъ мальчиковъ, младшаго грудного. Сиротъ взяла на воспитаніе ея замужняя сестра, вскормила и сберегла ихъ, пока отецъ, прочно устроившись на новомъ мѣстѣ, не перевезъ ихъ къ себѣ въ Ригу.

Здѣсь у Болотова скоро завелись земляки, а послѣ 1716 г. полковникомъ гарнизона сдѣлался владѣлецъ сосѣдняго съ Дворенниновымъ сельца Калитина, Степанъ Гавриловичъ Бакѣевъ. Такой же мелкій дворянинъ, какъ и Петръ Ларіоновъ, онъ сталъ современемъ истымъ героемъ петровской службы. Офицеръ Ингерманландскаго полка, одного изъ первыхъ вполнѣ регулярныхъ и воспитанныхъ военной реформой, онъ участвовалъ во всѣхъ знаменитыхъ битвахъ своего времени, наряду съ гвардейцами. Съ лучшими людьми арміи и гвардіи Бакѣевъ не разъ служилъ на морѣ, вникая въ таинства совершенно новой для москвичей морской службы. Въ 1716 г. онъ особенно отличился въ морской битвѣ при Гангутѣ, этой Полтавѣ на морѣ, когда нашъ флотъ одержалъ впервые настоящую побѣду надъ Шведами. Самъ царь, выстаивавшій тогда почти на карауле, руководилъ приготовленіями и самой битвой. Нашъ галерный флотъ въ тихую погоду обошелъ шведскую эскадру среди бѣлаго дня, держась внѣ выстрѣловъ, окружилъ отдѣлившіяся суда шаутбенахта Эршильда, и взялъ его въ плѣнъ послѣ отчаяннаго сопротивленія; эскадра же съ первымъ вѣтромъ отплыла къ Швеціи. Шведы громили осаждающихъ своей прекрасной артиллеріей, но наши рвались на абордажъ. Въ послѣднія минуты боя Эршильдъ бросился въ шлюпку, пытаясь скрыться за туманомъ, но его захватилъ капитанъ Бакѣевъ со своей ротой гренадеръ Ингерманладскаго полка. — „За сіе пожалована была ему отъ государя Петра Великаго золотая медаль съ цѣпью и записано имя его въ журналѣ сего монарха“, съ гордостью отмѣчаетъ мемуаристъ. Петръ былъ въ восторгѣ отъ своей побѣды; опи-

саніе ея въ журналѣ онъ заканчиваетъ словами: „Воистину нельзя описать мужества нашихъ, какъ начальныхъ, такъ и рядовыхъ; понеже абордированіе такъ жестоко чинено, что отъ непріятельскихъ пушекъ нѣсколько солдатъ не ядрами и картечами, но духомъ пороховымъ разорваны“.—Вскорѣ затѣмъ Бакѣевъ оказался полковникомъ рижскаго гарнизона, какъ бы на отдыхѣ; тамъ онъ сошелся и породнился съ Болотовымъ, выдавъ свою единственную дочь за его сына.

Такова въ краткихъ чертахъ судьба двухъ представителей самыхъ крутыхъ лѣтъ петровской эпохи. Вглядываясь въ нее, сопоставляя съ судьбой другихъ современниковъ, нельзя не замѣтить, что, въ общемъ, жизнь и служба людей перваго поколѣнія XVIII в. были свѣтлѣе и легче незамачивой доли ихъ отцовъ и дѣдовъ; о новомъ поколѣніи гораздо больше заботились, и положеніе служилаго класса улучшалось и съ служебной, и съ хозяйственной стороны. Правда, и при Петрѣ, по свидѣтельствамъ современниковъ, у Меншикова, Шереметева и другихъ воеводъ терялась чуть-ли не половина армій на пути въ Польшу и прибалтійскій край; было много побѣговъ отъ недостатка провіанта, отъ неакуратнаго платежа жалованья; по результатомъ тринадцати-лѣтней польской войны оказалась деморализація русскихъ войскъ всѣхъ родовъ оружія и полное пораженіе помѣстнаго ополченія; наоборотъ, болѣе продолжительная Сѣверная война воспитала новую русскую армію и дала ей боевой закалъ. Все царствованіе Петра I полно заботъ объ усовершенствованіи военныхъ силъ и обезпеченіи военнаго люда; среди нихъ было положено начало особому военному сословію, такъ какъ военное дѣло того времени требовало большой подготовки; основой этой спеціальной группы населенія сдѣлали рекрутъ, сдаточныхъ солдатъ, собираемыхъ на постоянную службу съ податныхъ дворовъ; поэтому вся тяжесть военной службы ложилась теперь на низшее сословіе; скоро солдатчина обратилась въ одинъ изъ видовъ наказанія. Реформа въ военномъ дѣлѣ много способствовала тому, что судьбы высшаго и низшаго класса быстро раздѣлились.

Но пора вернуться къ Болотовымъ. Цѣлая каширская семья переселилась въ Ригу; сдѣлалось это легко и просто.

Петръ Ларіоновъ оказался покорнымъ слугой своего времени, быстро подчинялся его запросамъ и съ готовностью сжился съ нѣмцами. Учась смолоду у нѣмецкихъ офицеровъ, много лѣтъ прослуживъ съ ними, онъ вполнѣ подготовился къ новой обстановкѣ. Блестящіе успѣли регулярства послѣднихъ лѣтъ войны подѣйствовали на него неотразимо убѣдительно: въ Ригѣ онъ отдалъ обоихъ сыновей учиться въ нѣмецкую школу, и такъ держалъ ихъ, что оба, особенно старшій, очень любили общество иностранцевъ, сдѣлались даже поклонниками нѣмецкаго генія. Старшаго, Тимофея, судьба на всю жизнь связала съ нѣмцами и прибалтійскимъ краемъ. Школьныя воспоминанія и рижская обстановка должны были положить свою печать на личности этихъ питомцевъ эпохи преобразованій. Что же представляла въ ту пору Рига?

Послѣ 1710 г. городъ и весь край представляли крайне печальную картину. Съ начала Сѣверной войны всякая производительная дѣятельность въ Лифляндіи и Эстляндіи прекратилась надолго; страна съ каждымъ годомъ бѣднѣла и пустѣла отъ голода, эпидемій и военныхъ погромовъ. Уже въ 1705 г. она не могла выплачивать шведскому правительству и 12 доли того что платила въ XVII в. Русскія войска медленно и неумолимо надвигались на нее, разрушая съ сѣвера и востока старые ливонскіе города. Населеніе озлоблялось и дичало въ мучительномъ ожиданіи исхода борьбы; а исходомъ явилась осада полками Шереметева, во время которой развилась чума въ осажденномъ городѣ и помогала нашей артиллеріи истреблять рижанъ. При сдачѣ, если не считать прислуги, въ городѣ оказалось всего 800—900 чел. жителей. Тяжка была жизнь этой кучки рижанъ и непривлекательны, конечно, первыя картины хозяйничанья нашихъ утомленныхъ и раздраженныхъ долгой войной войскъ. Затѣмъ въ теченіи первыхъ 10 л. русскаго владычества почти каждый годъ приносилъ Ригѣ какія нибудь бѣдствія; въ 1712 г. появилась чума, въ 1713 страшныя бури, въ 1714 г. падежъ скота, въ 1716 г. необыкновенные холода и т. д. Во время войны, многолѣтнихъ тревогъ, одичанія и притупленія первыхъ поколѣній XVII в., образованіе сильно упало въ Лифляндіи.

Гимназія, основанная въ 1631 г. и кое какъ замѣнявшая университетъ въ 1710 г., закрылась навсегда; лицей, въ которомъ получали образованіе исключительно сыновья дворянъ и офицеровъ, бездѣйствовалъ до 1733 г., когда его снова открыли. Не закрывалась одна только соборная школа (Domschule) и работала потихоньку, сократившись до двухъ классовъ, вслѣдствіе малаго числа учениковъ. Полагаемъ, что именно въ этой простой школѣ грамотности учились Тимофей и Матвѣй Болотовы; они научились въ ея классахъ нѣмецкой грамотѣ и ариѳметикѣ; русской ихъ обучали домашними средствами. Съ этими элементарными знаніями они поступили на службу, и уже числясь въ нижнихъ чинахъ своихъ полковъ, принялись за высшія математическія науки, необходимыя для успѣшной карьеры въ офицерскомъ званіи. Твердо усвоивъ ариѳметику, предметъ основной въ лифляндскихъ школахъ, обыкновенно подготовлявшихъ коммерческихъ людей, они охотно и хорошо изучили геометрію и фортификацію, старшій Богъ знаетъ у кого, а младшаго, унтеръ-офицера Ингерманландскаго полка, судьба столкнула гдѣ-то съ однимъ изъ Петровскихъ любимцевъ, Ганнибаломъ, и онъ подъ его руководствомъ прошелъ эти науки. Матвѣй Петровичъ свято до самой смерти хранилъ тщательно переписанныя тетрадки съ ганнибаловскими задачами; по нимъ учился въ 50 гг. его племянникъ-мемуаристъ, когда готовился къ офицерскому чину.

Оба брата состояли на службѣ, старшій былъ офицеромъ [1]) и едва ли уже не женатымъ, когда умеръ отецъ въ 1719 г. Долго пустовавшее Дворенпиново, заброшенное за служебнымъ недосугомъ, перешло къ новымъ владѣльцамъ при очень неудобныхъ условіяхъ; указъ о майоратѣ, такъ называемые пункты, не позволяли братьямъ дѣлиться поровну. Чтобы избѣжать непріятныхъ послѣдствій обдѣленія младшаго, они долго не справляли за собой наслѣдства; долго семьи ихъ жили въ одной усадьбѣ [2]). пока указъ Анны Іоанновны, от-

---

[1]) Въ 1714 г. Тимофей писался драгуномъ перваго драгунскаго полка.

[2]) Впрочемъ въ 1730 г. Тимофей Петровичъ рѣшился было взять помѣстье на свое имя, по первородству.

мѣнявшій майоратъ, не разрѣшилъ имъ раздѣлиться по старинному обычаю.

Слѣдя за службой нашихъ героевъ, мы перешли было въ болѣе культурную эпоху, перепеслись на давно желанное для Россіи балтійское прибрежье, гдѣ западныя начала стали понемногу приспособляться къ русскимъ, и зарождалось пресловутое европейзированіе. Возвращаясь къ экономическому положенію семьи, къ дворянскому хозяйству, мы окунемся опять въ старый XVII в.; предъ нами возникнетъ та обстановка сельской Россіи, которая крѣпко на крѣпко связывала всѣхъ фортификаторовъ и навигаторовъ, учениковъ нѣмецкихъ и прочихъ школъ съ родной Каширской, Калужской и Тульской почвой. Ландратская переписная книга 1710 г. [1]), разсказываетъ дальнѣйшую судьбу Дворенинова и Трухина. Въ ея извѣстіяхъ прежде всего поражаетъ та тѣснота, которая возникла на мѣстахъ прежняго простора Каширской украйны. Деревушки и сельца наполнились помѣщичьими усадьбами; мелкія дворянскія семьи множились и вѣтвились, не переселяясь въ болѣе просторные уѣзды, что должно было производить не малое давленіе на крестьянскія хозяйства, на личную жизнь и свободу дѣйствій сельскаго люда. Въ маленькомъ Дворенинovѣ оказалось уже 4 усадьбы, 3 болотовскія и одна Архарова, зятя Петра Ларіонова; а Матвѣй Кириловичъ выстроилъ себѣ еще усадьбу въ двухъ шагахъ въ Трухинѣ Болотовѣ. Правда въ помѣщичьихъ домахъ въ то время жили только помѣщицы съ дѣтьми, увѣчные старички и старушки, многіе стояли пустыми, какъ дворъ рано овдовѣвшаго Петра Ларіонова. У него жили въ этой усадьбѣ 8 душъ дворовыхъ; на деревнѣ стояли всего 2 двора отцовскихъ крестьянъ, очень многолюдные; всего 20 душъ м. п.; въ Трухинѣ у него было три двора съ 14 душами м. п., изъ нихъ одинъ новый, не отцовскихъ крестьянъ. На всѣ эти дворы въ 1710 г. приходилось всей земли съ усадебной и барской запашкой 180 ч. въ полѣ; если раздѣлимъ это число на все количество ревизскихъ душъ Петра Болотова, вмѣстѣ съ дворовыми 42 д., то придется на душу по 4 ч.,

[1]) Книга Ландратская Каширскаго уѣзду № частный 1910.

или по 6 дес. да еще земли плохой, требовавшей по свидѣтельству мемуариста, постояннаго удобренія. Если же барская запашка занимала большую часть помѣстной земли [1]), то крестьянскіе надѣлы оказывались весьма малыми; такое помѣстье трудно признать доходнымъ для своего времени.

Только два наслѣдства и женино приданое, которымъ онъ владѣлъ фактически, хотя его справили въ 1714 г. за обоими его сыновьями, какъ наслѣдство Бабиныхъ, помогло майору Болотову прилично содержаться на службѣ. Въ 1713 г. дядя, Иванъ Гавриловъ, оставилъ ему 75 ч. вотчинной и помѣстной земли съ населеніемъ; послѣ бездѣтной сестры Аграфены Архаровой онъ получилъ обратно ея приданыя 46 ч. изъ отцовскаго помѣстья. Въ общемъ онъ оставилъ сыновьямъ болѣе 360 ч. въ п. и 10 — 12 крестьянскихъ дворовъ, что съ дворовыми должно было составлять болѣе 70 душъ. — Поэтому внукъ мемуаристъ, приписывая своему дѣду имѣнье менѣе чѣмъ въ 50 душъ, ошибается сравнительно съ документами; за то нельзя не согласиться съ нимъ, что всѣ эти разбросанныя деревеньки, мелкіе клочки въ 4-хъ мѣстахъ, перепутанные черезполосицей съ землями другихъ помѣщиковъ, страдали недостаткомъ земель и, за исключеніемъ приданаго Епифанскаго клочка, плохими ея качествами. Слѣдующее поколѣніе принуждено было относиться гораздо внимательнѣе къ своимъ деревнямъ; оно начало выселять разроставшіеся дворы на степной просторъ и лучшія петронутыя земли въ Тамбовскій и Воронежскій край.

Судя по возрасту Тимофея Петровича, онъ женился еще при жизни отца. У Степана Бакѣева была единственная дочь Мавра уже на возрастѣ; возить дѣвочку съ собой и держать ее по гарнизонамъ не приходилось; она росла дома въ Калитинѣ подъ опекой дѣда. Небогатый помѣстьями, полковникъ былъ знатенъ чиномъ и выслугой и могъ много помочь родинѣ на службѣ, имѣлъ, можетъ быть, и капиталецъ, прикопленный на службѣ; во всякомъ случаѣ его единственная наслѣдница была завидной невѣстой для Болотова. За сто-

---

[1]) Записки свидѣтельствуютъ, что продажа зернового хлѣба въ Москвѣ составляла главный доходъ помѣщика.

личнымъ и болѣе знатнымъ родствомъ наши герои не гнались, а считали для себя болѣе прочнымъ и хозяйственнымъ скромное сватовство въ своемъ уѣздѣ; по сосѣдству всѣ знали другъ друга, и могли до мелочей взвѣшивать семейное и имущественное положеніе жениха и невѣсты. Имѣнья Мавры Степановны были близъ самаго Дворенинова и прекрасно округляли владѣнія жениха; одно маленькое заброшено было далеко, въ Чернскомъ уѣздѣ, за то больше другихъ обезпечивало помѣщика хлѣбомъ. Съ своей стороны Тимофей Петровичъ былъ юноша дѣловитый, съ нѣмецкой выдержкой; еще въ малыхъ чинахъ онъ исполнялъ особыя порученія Петра I; полковникъ не искалъ другого зятя, и отцы могли ударить по рукамъ. О любви здѣсь конечно не было и рѣчи; молодые люди врядъ ли и видались когда нибудь, развѣ въ дѣтствѣ. Порѣшивъ дѣло, молодой Болотовъ покатилъ домой въ Каширу, и въ Калитинѣ дѣдъ Бакѣевъ обвѣнчалъ внуковъ. — Мавра Степановна оказалась нравомъ не изъ кроткихъ и умомъ не изъ дальнихъ, и не мало докукъ доставляла мужу;— но въ старину изъ этого несчастій не дѣлали.

Въ 1720 г. выступаютъ представители второго поколѣнія XVIII в., молодежи, родившейся въ эпоху преобразованій и воспитанной на новый манеръ. Это воспитаніе очень немного давало само по себѣ. Мы знаемъ, чему могли научиться Болотовъ съ братомъ въ рижской Domschule того времени, при общемъ упадкѣ образованія въ краѣ. Нужно было внести много собственнаго содержанія, таить въ себѣ глубокую потребность въ знаніи, чтобы съ такой подготовкой развиться въ дѣятельнаго, всѣмъ интересующагося полковника Елизаветинскихъ временъ, какимъ сдѣлался отецъ мемуариста. Нѣмецкой школѣ, въ сущности, не чѣмъ было похвастаться; для дѣльнаго юноши петровскихъ временъ она могла только имѣть значеніе перваго толчка. Но время уже было такое живое, впечатлѣніе общественнаго поворота такъ сильно, что въ самомъ ученикѣ, какъ это часто бываетъ, воспоминанія о школѣ совсѣмъ спутались съ тѣмъ, что онъ самъ внесъ въ свое образованіе; ведя отъ нея итоги своей умственной жизни, онъ невольно идеализировалъ ее, и заразилъ этой идеализа-

ціей своего сына. Подобно многимъ современникамъ, обладавшимъ отзывчивостью и гибкимъ нравомъ, Болотовъ охотно перенималъ у нѣмцевъ все, что находилъ у нихъ полезнаго и интереснаго, скоро догналъ ихъ по умственному развитію, и съумѣлъ сдѣлаться уважаемымъ членомъ и родного, и нѣмецкаго общества.

Офицеромъ Тимофей Петровичъ перешелъ изъ драгунскаго полка въ гренадерскій полкъ де-Ласси, скоро переименованный въ пѣхотный Бѣлозерскій, стоявшій тоже въ Ригѣ и прибалтійскомъ краѣ; офицеръ петровскаго кондунта, т.-е. на все способный и всегда исполнительный, онъ получалъ исключительныя порученія: въ 1722 г. собственноручнымъ приказомъ Петра I-го ему поручили отвезти нѣмецкихъ жнецовъ изъ г. Риги въ степныя мѣста, гдѣ ихъ работа должна была служить образцомъ для русскихъ. Ему не удалось получить боевой закалъ отца и тестя. Тогда послѣ Ништадскаго мира настало затишье въ военной дѣятельности, длившееся и при двухъ первыхъ преемникахъ Петра Великаго; армія съ трудомъ поддерживала боевую подготовку, насколько могла, при частыхъ отлучкахъ на разныя техническія, совсѣмъ не военныя работы. Тимофей учился по традиціямъ и временнымъ упражненіямъ, но съумѣлъ до тонкости постичь фронтовую науку. За обходительный характеръ, умѣнье ладить со всѣми онъ былъ любимъ въ полку, а за исполнительность и аккуратность—начальствомъ, особенно нѣмецкимъ. Симпатіи къ нѣмцамъ и нѣмецкому обществу навсегда и глубоко залегли въ немъ; онъ завелъ себѣ прочныя дружественныя связи и знакомства въ остзейскомъ краѣ. По этимъ симпатіямъ онъ оказался вполнѣ подготовленнымъ къ положенію дѣлъ, созданному воцареніемъ Анны Іоанновны. Новое царствованіе очень благотворно отразилось на его карьерѣ, отчасти именно тѣмъ, что вліяніе многочисленныхъ нѣмцевъ подвергало тогда порядочнымъ испытаніямъ гибкость русскаго человѣка.

Какъ извѣстно, въ противовѣсъ старой петровской гвардіи, рѣшили учредить новый гвардейскій полкъ, Измайловскій; Левенвольде, которому было поручено это дѣло, набиралъ офицеровъ преимущественно изъ остзейскихъ нѣмцевъ и изъ особо-рекомендованныхъ лучшихъ людей армейскихъ полковъ.

Бѣлозерскій поручикъ Болотовъ, аттестованный нѣмецкими пріятелями, попалъ въ число избранниковъ [1]), и здѣсь-то вполнѣ оцѣнили его аккуратность и выдержку. Сперва маіоромъ одного изъ баталіоновъ, а затѣмъ командиромъ полка сдѣлался Густавъ Биронъ, младшій братъ фаворита; типичный нѣмецъ-фронтовикъ, тупой, безъ всякаго образованія, но благодушный, онъ самъ былъ олицетвореніемъ мелочныхъ распорядковъ, какіе вводились въ полку: аккуратное хозяйство въ узко полковыхъ интересахъ, фронтовой формализмъ, ученье по темпамъ, какъ по камертону, внѣшній видъ подтянутости строго по формѣ. Во все это погрузился Болотовъ, и очень удачно. Командиръ отличалъ его отъ прочихъ русскихъ и оставилъ въ подчиненномъ самыя пріятныя воспоминанія. Правда, Густавъ по характеру вовсе не походилъ на старшихъ братьевъ: по формѣ строгій, онъ при всей своей ограниченности былъ все-таки отецъ-покровитель своего полка; тѣмъ не менѣе, отзывъ о немъ въ запискахъ звучитъ довольно странно; мрачныхъ преданій о бироновщинѣ не существовало для семьи Болотовыхъ, и сынъ Тимофея съ умиленіемъ восклицаетъ: „Одинъ изъ славныхъ нашихъ Бироновъ любилъ его особливымъ образомъ, и онъ былъ у него въ милости“... Какъ же наивно, просто и легко умѣли чисто русскіе люди сживаться со всякими порядками.

Тогда въ русскомъ военномъ дѣлѣ Минихъ властвовалъ почти единолично, безъ противовѣса; будучи въ своей сферѣ головой выше своихъ современниковъ, онъ заготовилъ много нововведеній, но бралъ слишкомъ за много дѣлъ сразу, а потому многаго не успѣлъ провести; его система строевого обученія при Елизаветѣ была тотчасъ замѣнена старой петровской. Нѣмецкихъ выходцевъ въ его время принимали на службу массами и безъ разбора, а съ ними вмѣстѣ быстро входили

---

[1]) Болотовъ поселился въ Петербургѣ на жалованьѣ въ 180 р. въ годъ, но былъ въ гвардіи не изъ самыхъ бѣдныхъ. Въ спискахъ чиновъ Измайловскаго полка отъ 1733 г. съ указаніемъ на ихъ имущественное положеніе за поручикомъ Болотовымъ записано 60 душъ, а вокругъ него находимъ пеструю компанію товарищей, съ одной стороны богачей, владѣвшихъ тысячами душъ, а съ другой мелкихъ помѣщиковъ съ 40, 20 душами; за однимъ офицеромъ ничего не записано.

въ обычай палки, батоги и широкое примѣненіе шпицъ-рутена. По мнѣнію нѣкоторыхъ военныхъ историковъ, злоупотребленіе палочной расправой не имѣло ничего общаго съ военнымъ уставомъ Петра Великаго; оно введено нѣмецкимъ авторитетомъ, проводившимъ то механическое начало нѣмецкаго строя, излишествъ котораго старался избѣжать преобразователь въ своемъ регламентѣ. Вполнѣ ли справедливо это мнѣніе, не беремся провѣрять; но оно вполнѣ согласно съ отзывами французскихъ военныхъ прошлаго вѣка, которые называли вымученную тѣлесными наказаніями дисциплину „la discipline à la prussiénne“.

Успѣхамъ палочной дисциплины много помогали перемѣны, происходившія въ составѣ арміи; онѣ клонились къ выгодѣ дворянства, понемногу переставшаго быть главнымъ военнослужилымъ элементомъ; масса нижнихъ чиновъ набиралась изъ податныхъ и крѣпостныхъ сословій, съ которыми не церемонились въ обращеніи.

Но боевой духъ и выносливость, воспитанные петровскими войнами, еще крѣпко держались. Даже на показъ вымуштрованный Измайловскій полкъ, помня старыя преданія, стойко выдержалъ мучительные крымскіе походы Миниха; его отправили на войну по личной просьбѣ самого командира Бирона. Измайловцы сильно пострадали подъ Очаковымъ; разбитый семейнымъ несчастьемъ, Густавъ нарочно искалъ смерти. Самый талантливый офицеръ полка Кейтъ былъ тяжело раненъ. За то Очаковскія ворота, въ которыя вошли гвардейцы, названы Измайловскими.

Походы тяжело отзывались на служащихъ и на настроеніи ихъ семей. Жены ѣздили провожать мужей въ украинскіе города. Мавра Степановна въ 1738 г. караулила въ Нѣжинѣ возвращеніе войскъ, чтобы повидаться съ мужемъ. Оттуда уже осенью она отправилась въ Дворепиново, и тамъ 7 окт. родила сына Андрея, литератора и мемуариста. Рожденіе наслѣдника привело родителей въ восторгъ; оба они были уже не молоды, не надѣялись имѣть еще дѣтей, а въ живыхъ у нихъ остались къ тому времени только двѣ дочери; мальчики умирали. Справивъ крестины, Болотовъ спѣшилъ къ полку, который готовился къ третьему походу. Къ великой радости

семьи, онъ вышелъ цѣлъ изъ Ставычанской битвы, принудившей къ сдачѣ Хотинъ.

Едва отпраздновали заключеніе мира, Болотовъ отправился въ новый своеобразный походъ, болѣе пріятнаго свойства: его командировали въ сѣверо-восточныя губерніи объявлять по городамъ объ этомъ радостномъ событіи. Путешествіе было тяжелое по торопливости, съ которой совершалось; педантъ Биронъ, забывая о русскихъ дорогахъ и губернскихъ порядкахъ, обыкновенно не давалъ своимъ офицерамъ ни отдыха, ни срока, бомбардировалъ ихъ ордерами, понуждая скорѣе оканчивать „что надлежитъ“ и ѣхать къ полку. У него душа была не на мѣстѣ, если его офицеръ не стоялъ при своей ротѣ. Такія посылки бывали весьма выгодны вѣстникамъ радости: города подносили имъ цѣнные подарки и деньги. Тимофей Петровичъ былъ вполнѣ доволенъ результатами своей поѣздки.

За крымскіе походы его произвели въ капитаны гвардіи, чинъ, равный полковнику арміи. Теперь ему, незнатному человѣку, нечего было больше дѣлать въ гвардіи, гдѣ жизнь была дорога, а служба неприбыльна. Пріобрѣтенные въ Петербургѣ знакомцы и покровители, сильные люди, какъ Шепелевъ, де-Ласси, выхлопотали ему болѣе выгодную службу: въ 1740 г. Болотовъ былъ сдѣланъ командиромъ Архангелогородскаго пѣхотнаго полка Положеніе всей семьи сразу весьма выгодно измѣнилось; полковникъ получалъ 600 руб. жалованья и имѣлъ кромѣ того доходы съ полковаго хозяйства, такъ что его почтительный сынъ съ большими оговорками допускаетъ, однако, что отецъ „почти“ только жилъ однимъ жалованьемъ; на стоянкахъ его ожидали почетъ и комфортъ; онъ могъ возить съ собой жену и дѣтей, и разставался съ ними только въ Петербургѣ или въ лагерное время.

Архангелогородскій полкъ квартировалъ все въ томъ же прибалтійскомъ краю, съ которымъ такъ свыкались наши герои; вслѣдствіе этого, среди солдатъ и особенно офицеровъ оказывалось очень много нѣмцевъ; впрочемъ, встрѣчались среди нихъ и заправскіе россіяне, не говорившіе ни слова по-нѣмецки. Въ началѣ царствованія Елизаветы Петровны, когда, въ силу реакціи, такъ легко вспыхивало ожесточеніе противъ

нѣмцевъ, такое разнообразіе въ составѣ полка сильно усложняло командованіе. Самая сильная вспышка произошла въ Финляндіи именно въ то время, когда Архангелогородскій полкъ былъ выдвинутъ въ числѣ прочихъ противъ Швеціи, подъ общимъ командованіемъ болотовскаго однополчанина Кейта.

Время и нравы были еще весьма грубы, въ обществѣ не сложилось еще никакихъ прочныхъ отношеній, а потому если мы и откинемъ кое-что изъ хвалебныхъ отзывовъ сына объ отцѣ, зная заранѣе, что сынъ не любитъ распространяться о темныхъ сторонахъ бытія человѣческаго, но и не сочиняетъ своихъ отзывовъ, нельзя не признать почтенныхъ достоинствъ командира и человѣка, какимъ рисуется въ запискахъ Тимофей Петровичъ. Въ званіи полковника онъ прослужилъ всѣ
1752. послѣднія 10 л. своей жизни (ум. 1750 г.); онъ отлучался отъ полка только разъ,—на все время второй ревизіи, когда завѣдывалъ переписью населенія Псковской губ. и разъѣзжалъ по ея уѣздамъ. Достигнувъ самостоятельнаго положенія, Болотовъ является вполнѣ самимъ собой, сложившейся цѣльной личностью. Не обладая никакими особыми талантами, это лучшій типъ изъ среднихъ людей, добросовѣстный самоучка петровскаго образца, достигшій возможнаго въ его положеніи умственнаго развитія; онъ отзывчивъ на все, что исходитъ изъ просвѣщенной среды, гибко поддается требованіямъ времени. Такіе люди бываютъ прекрасными передатчиками между сталкивающимися культурными вѣяніями. Отлично приглаживаясь къ нѣмцамъ, полковникъ опѣмечился ровно на столько, сколько это считали полезнымъ по традиціямъ вѣка реформъ. За 10 лѣтъ службы въ гвардіи онъ далъ нѣмцамъ въ волю мудрить надъ собой; цѣнилъ таланты и трудолюбіе Миниха, де-Ласси, въ ближайшемъ командирѣ Уставѣ Биронѣ цѣнилъ вниманіе, преданность службѣ; охотно простилъ имъ педантизмъ и мучительную придирчивость. Но избавившись отъ ихъ гнета, онъ обратился къ образцамъ юности и сталъ служакой дѣльнымъ безъ педантизма, авторитетно строгимъ, но съ воспитанностью и выдержкой, рѣдкими и въ иностранцахъ. Въ качествѣ чина крупнаго и самостоятельнаго, Болотовъ уже не давалъ нѣмцамъ спуску, если они пробовали надъ нимъ ломаться; противъ Нарвскаго коменданта Штейна, не пропу-

ствшаго его полкъ черезъ крѣпость, онъ подпялъ цѣлое дѣло. Онъ воспитался, жилъ и умеръ на службѣ, а потому зналъ ее „съ фундамента“, и былъ прежде всего дѣловитъ и практиченъ, содержалъ полкъ исправно, но вовсе не на показъ, безъ мелочности и щегольства, попемножку входившаго въ обычай при имп. Елизаветѣ.

Продолжительное мирное время дало ему возможность ввести разныя техническія и эстетическія усовершенствованія; онъ завелъ мастерскія и ремесла въ полку, такъ что его солдаты сооружали цѣлые рессорные экипажи. Большой любитель музыки, Болотовъ самъ игралъ на „флейтузѣ“, и его заботами полковые оркестръ и хоръ были въ прекрасномъ состояніи; кромѣ того, онъ устроилъ особый хоръ пѣвчихъ изъ солдатскихъ дѣтей и писарей и компатный оркестръ изъ духовыхъ инструментовъ флейтъ и фаготовъ; его мягкими звуками онъ увеселялъ духовенство тѣхъ городовъ, гдѣ стоялъ; эта музыка такъ и называлась архіерейскою. Болотовъ-отецъ любилъ общество, умѣлъ сходиться съ людьми и былъ гостепріимный хлѣбосолъ, несмотря на свои небольшія средства; эта общественная сторона его жизни любопытна тѣмъ, что нѣкоторыми чертами уже напоминаетъ намъ XIX в.—широкое гостепріимство, пріемы командировъ и великихъ самостоятельныхъ начальниковъ, умѣнье соединять общество, входящія до сихъ поръ въ служебныя обязанности высшихъ чиновъ нашей провинціи. Устраивалъ въ городахъ съ полкомъ или одинъ по особо-важной командировкѣ, какъ во Псковѣ по дѣламъ 2-й ревизіи, онъ поступалъ сообразно съ своимъ чиномъ, дѣлалъ обѣды мѣстному архіерею, воеводѣ и всѣмъ губернскимъ чинамъ. Полковникъ не отказывалъ себѣ въ обществѣ по обычнымъ днямъ; нѣсколько человѣкъ офицеровъ и мѣстныхъ помѣщиковъ, съ которыми онъ всегда знакомился на всѣхъ стоянкахъ, ежедневно бывали за его столомъ. Бесѣда съ разумными иностранцами,—говоритъ сынъ,—была его любимымъ отдыхомъ. Съ остзейскими помѣщиками онъ бесѣдовалъ о сельскомъ хозяйствѣ, интересуясь имъ издали, прикованный къ своему полку.

Въ книжномъ ящикѣ, который разбиралъ Андрей Тимофеевичъ послѣ смерти отца, нашелся рукописный переводъ

Лифляндской экономіи, отрывки исторіи этого княжества, свидѣтельствующіе о томъ, что представитель поколѣнія, воспитаннаго реформой, занимался всѣмъ, что̀ могло заинтересовать русскаго на новой окраинѣ. Ящикъ былъ полонъ книгъ, но сынъ запомнилъ только 3, 4 заглавія изъ тѣхъ, которыя оказались доступными его 12-ти годамъ: Сокращенная Исторія Курраса, Исторія походовъ принца Евгенія, переводъ „Исторіи Лифляндіи“ и „Лифляндской экономіи“. Не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ о Лифляндской экономіи. Если она дѣйствительно переведена самимъ полковникомъ, то переводъ этотъ сдѣланъ имъ не случайно и не имъ однимъ. Въ русскомъ обществѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ прошлаго вѣка, съ наступленіемъ болѣе мирнаго времени, появился, должно быть, интересъ къ нѣмецкому сельскому хозяйству. Въ Москвѣ, въ Румянцевскомъ музеѣ хранятся два рукописныхъ экземпляра перевода этой экономіи. Первый представляетъ прекрасно переписанную рукопись въ листъ съ заглавіемъ: „Лифляндская экономія, переведена съ нѣмецкаго на россійскій языкъ химіи профессоромъ Ломоносовымъ. Въ С. П. 1747 г. Съ подлинной списана изъ дому бароновъ Черкасовыхъ“. Мы не нашли этого перевода ни въ одномъ спискѣ трудовъ Ломоносова; можетъ быть, онъ былъ сдѣланъ для какого-нибудь лица и потомъ разошелся въ спискахъ по рукамъ. Во всякомъ случаѣ произведеніе, удостоенное подписи знаменитаго академика, почиталось въ свое время полезнымъ для русской публики. Начало этого произведенія—нравственно-догматическаго характера: оно трактуетъ о должности христіанской вообще, со ссылками на священное писаніе, и поучаетъ: „кто славенъ добродѣтелями, тотъ у Бога большой дворянинъ“. Относительно образованія ставятся идеальныя требованія: староста, приказчикъ или просто богатый землями крестьянинъ долженъ знать кромѣ грамоты по крайней мѣрѣ тройное правило. Далѣе экономія трактуетъ о порядкѣ сельскихъ работъ, о содержаніи усадьбы и зданій съ такими подробностями, что даются совѣты и о выведеніи клоповъ. Послѣдняя часть заключаетъ всевозможные хозяйственные рецепты. Повидимому, рукопись Черкасовыхъ—вѣрный списокъ съ перевода, сдѣланный одной писарской рукой.

Другая рукопись представляетъ только перефразировку той же экономіи; она писана разными лицами въ разное время, начиная со второй половины XVIII вѣка, и кѣмъ-то пріобрѣтена въ послѣдній разъ въ 1826 г. Тутъ сельскіе хозяева прибавляли много своихъ собственныхъ замѣтокъ, выписокъ изъ календарей, гадательныхъ книгъ, и проч. Видно, что Лифляндская экономія нравилась нашимъ помѣщикамъ.

Воспитаніе петровской эпохи сказывалось еще въ полковникѣ Болотовѣ его любовью къ географіи, къ чертежамъ и картамъ, во вниманіи, съ какимъ онъ заботился о занятіяхъ сына по этой части. И такъ, повторяемъ, это былъ отрадный представитель среднихъ людей своего времени. Чувство собственнаго достоинства, извѣстная воспитанность пріятно отличали его отъ современниковъ и родичей [1]); его серьезная дѣловитая внушительность была очень привлекательна для пріятелей; его помнили, о немъ прекрасно отзывались всѣ, кто имѣлъ съ нимъ дѣло, начальники и подчиненные, нѣмцы и русскіе; сынъ много разъ въ этомъ убѣждался. Въ сношеніяхъ съ людьми, которыхъ считалъ нужнымъ держать въ рукахъ, онъ былъ суровъ и авторитетенъ; оба зятя, довольно пустые дворянскіе сынки, боялись его; дѣти почитали и любили; Болотовъ былъ хорошъ и справедливъ съ ними, а единственный сынокъ на правахъ своего положенія былъ за просто съ родителемъ, хотя зналъ, что тотъ строго взыскивалъ за лѣнь и глупыя шалости. Онъ умеръ въ 1750 г. на службѣ

[1]) Описаніе докум. и бумагъ Моск. Архива М. Юст. Т. 4-й. Протоколы Сыскного приказа, № 97, за 1733 г. „Слушалось дѣло Шлиссельбургскаго нѣх. полка о подпоручикѣ Болотовѣ, о пріѣздѣ къ отцу его въ домъ Каширскаго у. села Русятинова попа Василья Никитина, о которомъ онъ Болотовъ, въ разспросѣ показалъ: пріѣхалъ къ нему, Болотову, оный попъ въ сапяхъ самъ другъ, котораго посадивъ за столъ и наливъ вина сталъ ему подносить, а за непитье вина того попа ударилъ онъ, Болотовъ, въ щеку, а потомъ билъ палкой, которой можно подпираться“... И послѣ битья палкой сталъ паки подносить попу вино, которое онъ пить не сталъ. И приказалъ онъ, Болотовъ, стоявшимъ тутъ солдатамъ принесть батожье, которое и принесли, и раздѣвъ, оные солдаты били батожьемъ съ четверть часа“. Далѣе изъ протокола видно, что побои попа, Болотовъ оправдываетъ тѣмъ, что попъ не слушался его; по мнѣнію помѣщика, сельскій попъ долженъ ему во всемъ повиноваться. Это дѣло одного изъ братьевъ Кириллы Матвѣевича, двоюрод. дѣда мемуариста.

въ Выборгѣ, гдѣ стоялъ полкъ, и торжественно погребенъ въ самой соборной церкви. При немъ былъ тогда одинъ 12-лѣтній сынъ. Это событіе сильно повліяло на его будущность: записанный 8-ми лѣтъ въ солдаты, онъ успѣлъ получить только чинъ сержанта и долженъ былъ, самъ безъ покровительства отца, выслуживаться въ офицеры.

Тимофей Петровичъ оставилъ сыну 343 ч. въ полѣ земли въ разныхъ уѣздахъ, не считая клочка, пріобрѣтеннаго имъ въ Шацкихъ степяхъ, и не менѣе 60 крѣпостныхъ душъ; послѣднее число даетъ списокъ офицеровъ Измайловскаго полка. Къ сожалѣнію, ревизскія сказки по Каширѣ 1-й и 2-й ревизіи не сохранились до нашего времени, и потому нѣтъ возможности точно опредѣлить населеніе родовыхъ болотовскихъ деревень; приходится прибѣгать къ случайнымъ указаніямъ документовъ разныхъ временъ. Для службы въ гвардіи, а затѣмъ для званія командира полка такое состояніе было весьма незначительно, особенно при малодоходности каширскихъ земель. Чтобы увеличить свои доходы, братья надумали завести деревеньку на степномъ просторѣ въ Шацкомъ уѣздѣ. Есть указаніе, что Тимофей у кого-то купилъ тамъ всего 10 ч. въ п.; Матвѣй Петровичъ ничего не покупалъ, но они вмѣстѣ заселили жалкій участокъ дворами; переводили ли они кретьянъ изъ другихъ невыгодныхъ деревенекъ или просто завлекли сюда бродившихъ бѣглыхъ или вольныхъ людей, неизвѣстно; только въ 60 гг. на половину мемуариста здѣсь приходилось 10 дв. съ 35 душ. муж. п. Кругомъ деревушки тянулась на десятки верстъ непочатая степь, покрытая ковылемъ, и на ней-то водворенные барскимъ иждивеніемъ мужички пахали и косили вволю, сколько силъ хватало; сами кормились и снабжали хлѣбомъ своихъ помѣщиковъ.

Вотъ вмѣстѣ съ 600 р. жалованья состояніе небогатаго полковника, не касаясь неоффиціальныхъ доходовъ; на это онъ жилъ хорошо, откладывалъ дочерямъ на приданое, платилъ 100 р. слишкомъ въ годъ за обученіе сына въ пансіонѣ; но не возилъ всей семьи въ Петербургъ: тамъ содержаніе семьи было ему не по средствамъ, а лишнихъ доходовъ онъ не бралъ. При всемъ своемъ хлѣбосольствѣ, онъ обхо-

дился дома полковой прислугой, изъ крѣпостныхъ держалъ при себѣ только троихъ людей. Семья радовалась, когда Архангелогородскій полкъ стоялъ въ остзейскихъ провинціяхъ; здѣсь, на мызахъ помѣщиковъ, имѣлись хорошіе дома, отдѣланные чисто и съ комфортомъ, съ мебелью и гаруспыми обоями. На эти удобныя квартиры Мавра Степановна выѣзжала заблаговременно, по хорошему пути, медленно перебираясь на своихъ подводахъ изъ уѣзда въ уѣздъ. Передъ походомъ въ Петербургъ или въ Финляндію, гдѣ не было помѣщичьихъ усадебъ, она отправлялась тѣмъ же путемъ въ Дворенпово.

Веселѣе всего жилось семьѣ во Псковѣ, когда полковникъ заѣдовалъ ревизіей. Тамъ вышла замужъ его старшая дочь уже 20-ти лѣтъ отъ роду. Отецъ не торопился выдавать дочерей; онъ твердо рѣшился не дробить своихъ имѣній, и не опредѣлилъ имъ на приданое ни клочка земли и ни одного крестьянскаго двора; на хорошихъ жениховъ въ своемъ уѣздѣ поэтому нельзя было разсчитывать; приготовивъ имъ въ приданое небольшую сумму денегъ да рухлядь, приходилось отпускать ихъ куда-нибудь вдаль. Главной приманкой для жениховъ былъ чинъ отца и его слава, какъ достойнаго человѣка и семьянина. Во Псковѣ нашлись знакомцы, которые рекомендовали дочку Болотова мѣстному помѣщику Неклюдову; юноша былъ изъ самыхъ простыхъ недорослей, служилъ сержантомъ въ рижскомъ гарнизонѣ, но имѣлъ хорошій достатокъ; чтобы остепенить его, родные искали не богатой невѣсты, а дѣвушку изъ хорошей, строгой семьи. Свадьба устроилась. Болотовъ занялся карьерой зятя, перевелъ его къ себѣ въ полкъ и произвелъ въ офицеры.

По поводу этой свадьбы въ Псковской провинціальной канцеляріи у крѣпостныхъ дѣлъ была явлена сговорная запись. Въ ней сказано, что полковникъ благословилъ свою дочь Прасковью образомъ Казанской Божіей Матери въ серебряномъ окладѣ, далъ деньгами 300 руб. да приданымъ платьемъ на 300 р. Наряды модные, нѣмецкіе, и поражаютъ только странными сочетаніями цвѣтовъ. Самый нарядный туалетъ—шлафоръ объярпнный [1]) зеленый на юбкѣ такой же

[1]) Одинъ объярпнный шлафрокъ небогатой женщины стоилъ 20 р. с.

алой; второй шлафоръ алый, юбка голубая; полушлафоръ желтый полуобъярпный, а юбка зеленая тропцепелевая; всего 4 шлафрока и 3 полушлафрока. Парадныя матерін здѣсь по большей части тѣже, какія мы видѣли на епанчахъ и тѣлогрѣяхъ XVII в.

Выше перечислены туалеты показные, парадные. Обычная одежда тогдашнихъ средней руки помѣщицъ представляла смѣсь русскаго съ нѣмецкими образцами; дома носили бостроки или кофты со складками, шуган, головы украшали низаными передками. У нашей невѣсты изъ повседневнаго наряда находимъ только канифасные балахоны. Имѣются еще пять корсетовъ [1]), одинъ объярпный, два штофныхъ; три головныхъ убора кружевныхъ, шесть шитыхъ шапочекъ, лисья крытая штофомъ шуба [2]) и двѣ пары соболей.

Золотыхъ вещей мало, трое золотыхъ серегъ, одна пара съ алмазами, два кольца. Видно, женихъ дѣйствительно не смотрѣлъ на приданое; второй дочери на ту же сумму 600 р. дали какъ будто больше. И той и другой опредѣлили по равному числу дворовой прислуги: одинъ холостой слуга, одна степенная вдова для присмотра (наприданая пянька) и три горничныя дѣвушки.

Вторая сестра вышла въ 1747 г. Эту свадьбу устроили свои полковые офицеры на винтеръ-квартирѣ въ Эстляндіи; женихъ опять оказался мелкаго чина: того же полка сержантъ Травинъ, небогатый тверской помѣщикъ. По сговорной записи Марфѣ Тимофеевнѣ дали 3 образа въ серебряныхъ позолоченыхъ окладахъ да крестъ съ мощами. Туалеты ея моднѣе сестрипыхъ; каширская маменька видимо присмотрѣлась къ заграничнымъ костюмамъ и, вѣроятно, пользуясь близостью столицы, подновила, что было припасено; къ объярпнымъ шлафрокамъ появились юбки полегче, грезетовыя, парцепелевыя, штофныя; первый шлафрокъ вмѣстѣ съ юбкой составляютъ цѣльный пунцовый туалетъ. Нѣтъ уже въ этомъ приданомъ азіатскаго сочетанія цвѣтовъ. Есть по столичному модный туалетъ, — серебряный газъ (сѣтка?) на малиновомъ

---

[1]) Лифъ на жесткомъ китовомъ усѣ.

[2]) Штофная шуба стоила 45 р.

полушлафрокѣ при черной гарнитуровой юбкѣ; одинъ корсетъ шитъ серебромъ; къ этому являются у сержантши корнеты съ золотыми лентами. Ел трое серегъ аттестованы новоманерными; у Марьи имѣется цѣлый серебряный уборъ и 4 золотыхъ кольца; за то, впрочемъ, у нея нѣтъ соболей. Еще новость: для мужа въ ея приданое включена дюжина рубашекъ ворантдорскаго полотна; кромѣ того ткацкія три скатерти съ салфетками. Шуба, постель, дворовые люди, какъ у сестры. На пространствѣ трехъ лѣтъ замѣтно нѣкоторое развитіе вкуса и опытности въ семьѣ.

Подобное приданое, при начинавшей уже развиваться роскоши среди дворянства, считалось скромнымъ. „Самого движимаго приданаго дано было весьма умѣренное количество“, свидѣтельствуютъ записки.

ВОСПИТАНІЕ ВЪ XVIII ВѢКѢ.

Приступая къ этой главѣ, всякій читатель уже заранѣе ожидаетъ, что встрѣтится здѣсь со многими тяжелыми явленіями, съ такими искусами юныхъ душъ и организмовъ, какіе совсѣмъ не подъ силу молодымъ поколѣніямъ нашей эпохи; тогдашнія общественныя отношенія, при слабомъ вліяніи науки на западѣ и его полномъ отсутствіи у насъ, вырабатывали иной нравственный складъ. Уже многіе и тогда сознавали всѣ недостатки воспитанія; писатели-моралисты, особенно сатирики прошлаго вѣка ядовито бичевали и родителей-воспитателей, и учителей, и школьные пріемы своего времени. Это одна изъ самыхъ любимыхъ и самыхъ разработанныхъ темъ нашей русской сатиры. Судя по отзывамъ сатириковъ, можно, пожалуй, подумать, что нелѣпые преподаватели изъ кучеровъ и сапожниковъ выпадали главнымъ образомъ на нашу безтолковую русскую долю; что только у насъ, въ старой крѣпостной Россіи, могли такъ безгранично

царствовать розги и плети дьяковъ Брудастыхъ, штыкъ юнкеровъ и нѣмецкихъ каторжниковъ, и пр., что только у насъ поступали на службу едва грамотные мальчики. Ѣдкое сознаніе пороковъ своего общества — большая заслуга лучшихъ людей прошлаго вѣка; но теперь, подводя итоги прошлаго, желательно прежде хотя бы въ краткихъ чертахъ намѣтить, что̀ въ этихъ темныхъ явленіяхъ нашего, національнаго, и что̀ составляло еще общее достояніе всей эпохи. Ради этого при обзорѣ учебныхъ лѣтъ русскаго юноши полезно имѣть въ виду, какъ шло воспитаніе на западѣ и у нашихъ ближайшихъ сосѣдей въ Польшѣ и прибалтійскомъ краѣ.

Философія и этика достигли въ XVIII вѣкѣ высокаго развитія, а главное—широкаго распространенія; онѣ захватили въ кругъ умственной жизни цѣлыя массы общества. Во всѣхъ уголкахъ Европы съ восторгомъ принимали горячую проповѣдь французскихъ философовъ объ уваженіи личности человѣка, свободы мысли и слова, религіозныхъ убѣжденій; съ другой стороны, въ Германіи пріобрѣтали широкую популярность ученія нѣмецкихъ мыслителей объ обязанностяхъ человѣка къ самому себѣ и къ ближнимъ, объ обязательномъ внутреннемъ самоусовершенствованіи, и проч. Но на дѣлѣ въ повседневной жизни еще туго прививалось простое человѣческое отношеніе сильнаго къ слабому, старшаго къ младшимъ; древнее право сильнаго замѣтно сказывалось въ семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ. Если кое-гдѣ мелькало сознаніе, что пора изъять подрастающія поколѣнія изъ-подъ гнетущей власти сильныхъ и старшихъ, ввести больше сдержанности въ обращеніе съ дѣтьми, поставить ихъ ростъ въ болѣе разумныя условія, то и на западѣ, не только что у насъ въ Россіи, не оказывалось на-готовѣ средствъ, съ которыми можно бы было выполнять новыя, зарождающіяся задачи воспитанія; долго не создавалось для нихъ исполнителей, и лучшіе мыслители-педагоги своего времени оказывались безсильны въ практическомъ примѣненіи новыхъ теорій. И на западѣ мы нерѣдко встрѣчаемся съ такими же мрачными сторонами въ воспитаніи и школьной жизни, какимъ привыкли дивиться въ родныхъ литературныхъ памятникахъ прошлаго вѣка. Не даромъ великій Кантъ говари-

валъ, что дѣтство въ тотъ вѣкъ было временемъ нга египетскаго: „Eine wahre ägyptische Jochzeit“.

Во Франціи во всю первую половину вѣка въ школахъ для средняго и низшаго класса сохранялись въ силѣ чуть не средневѣковыя преданія школьной педагогики, хотя потребность въ образованіи, а тѣмъ болѣе въ грамотности здѣсь давно сложилась. До революціи, заключаетъ Тэнъ, говоря о среднемъ образованіи, во всякомъ департаментѣ было по нѣскольку коллежей; учили въ нихъ даромъ; платили только полные пансіонеры отъ 300—450 фр. Если мелкій землевладѣлецъ не могъ платить 300 франковъ, то отсылалъ сына въ знакомую семью буржуа того городка или ремесленника съ платой по нѣскольку ливровъ въ мѣсяцъ. Подъ конецъ царствованія Людовика XV крестьяне и мастеровые начали посылать сыновей въ такіе коллежи маленькихъ городковъ, гдѣ жизнь была еще очень дешева. Населеніе серьезно цѣнило образованіе, а между тѣмъ. изъ оконъ школъ еще слышались шлепанье розогъ, крики, стоны и рыданья [1]). Въ концѣ XVII вѣка отъ высшаго начальства получались уже инструкціи школьнымъ учителямъ наказывать умѣренно и съ разборомъ, а по рукамъ и въ XVIII в. еще ходила популярная гравюра-реклама, изображавшая нѣмецкіе волчки и толпу школьниковъ съ надписью [2]): „чѣмъ больше ихъ бьютъ, тѣмъ лучше они дѣйствуютъ“. Гравюра оправдывала существованіе многихъ свирѣпыхъ педагоговъ, одинъ видъ которыхъ внушалъ ужасъ школьникамъ. Современники говорили, что послѣ извѣстныхъ своей жестокостью шотландскихъ (?) учителей французскіе были самыми лрыми экзекуторами; многіе изъ нихъ являлись только случайными педагогами. Одинъ состоятельный обыватель г. Анжу разсказываетъ, что началъ учиться въ школѣ сборщика городской таможни, оборванаго, бѣдно одѣтаго старика, отъ котораго издали несло водкой и табакомъ; но этотъ старикъ обла-

[1]) Delahante. Une famille de finance. Въ 1760 г. авторъ учился приватно у хорошаго учителя письменности, а рядомъ, въ общемъ классѣ слышался почти безъ перерыва вопль наказываемыхъ; при чемъ каждый урокъ длился по 2 часа. 4 Babeau: Les artisans et les domestiqes.

[2]) Plus on les frappent, mieux ils tournent.

далъ недюжинными педагогическими способностями, и въ 10 мѣсяцевъ выучивалъ ребятишекъ читать, писать и считать. За учебное дѣло брались самые разнообразные люди: учили мастеровые, потерявшіе способность къ физическому труду, учили набожныя старыя дѣвы, безхитростно передавая нѣсколькимъ ребятишкамъ все, что̀ сами знали; но были учителя-спеціалисты, называвшіе себя учителями письменности.

Также безхитростно устраивались и штатныя школы во Франціи XVIII в. На помѣщеніе классовъ, мебель, и проч., не обращали вниманія. Въ началѣ этой эпохи городская школа Вріансона, въ которой кромѣ грамоты и счисленія преподавали латинскій языкъ, помѣщалась въ конюшнѣ одного обывателя за 36 ф. въ годъ. Въ такихъ школахъ учились дѣти разныхъ сословій отъ ремесленниковъ до провинціальнаго дворянства; только первыхъ не обучали латыни, какъ предмету безполезному въ ихъ дѣлѣ.

Дѣти титулованныхъ аристократовъ начинали свое воспитаніе дома въ своихъ замкахъ, и многимъ изъ нихъ приходилось помнить свое дѣтство главнымъ образомъ суровою строгостью родителей. Викторъ Мирабо [1]) (род. 1715 г.), отецъ депутата, извѣстный подъ именемъ „друга людей“, разсказываетъ въ поученіи своимъ дѣтямъ, что родители относились къ нимъ съ такой неуклонной строгостью, что ни онъ, ни братья его не запомняютъ отъ нихъ ни малѣйшей ласки. Всякое проявленіе откровенности или нѣжности считалось постыдной слабостью въ ихъ семьѣ. — „Я никогда не имѣлъ чести прикоснуться къ кожѣ этого почтеннаго человѣка, этого добрѣйшаго отца“,—писалъ Мирабо. Дома мальчиковъ училъ какой-то учитель за 30 экю въ годъ; по дешевизнѣ и ничтожеству онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ нашимъ педагогамъ той же эпохи. Потомъ мальчиковъ отдавали въ іезуитскій коллежъ, не имѣвшій ничего общаго съ военной службой, къ которой они готовились; оттуда, едва достигнувъ 4-го класса, каждый изъ нихъ лѣтъ 13, 14, поступалъ въ полкъ или во флотъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ воспитаніе пополнялось въ какой-нибудь военной привиллегированной Академіи, гдѣ обучали

[1]) Loménie. Les Mirabeaux.

только военнымъ физическимъ упражненіямъ, и это время бывало обыкновенно самымъ бурнымъ періодомъ юношеской жизни. Братъ друга людей, морякъ 15, 16 лѣтъ пилъ безъ просыпа; не проходило недѣли, чтобы онъ не посидѣлъ въ мичманской тюрьмѣ; однако, строгіе родители этимъ не безпокоились и начальство вовсе не сердилось; такой періодъ переживали всѣ юноши.

Въ Германіи гуманныя начала въ воспитаніи прививались еще медленнѣе; поучительно—сатирическая литература рѣзко обличала родителей и особенно отцовъ въ безсмысленной жестокости [1]). „Дѣти трепетали передъ ними какъ рабы передъ тиранами, подъ часъ боялись, какъ чертей", свидѣтельствуютъ однѣ современныя записки. Битье считалось повсемѣстно единственнымъ средствомъ противъ дѣтскихъ и юношескихъ увлеченій; власть отца и старшихъ тяжкимъ гнетомъ ложилась на дѣтей. На ряду съ этимъ встрѣчалось и безумное баловство, причемъ слѣпая нѣжность быстро переходила въ слѣпой же гнѣвъ. Даже образованные выдающіеся люди варварски обращались съ младшими, совершенно не понимали дѣтской души. Отецъ Гёте былъ прекраснымъ отцомъ для своего времени; но, слѣдуя тогдашнимъ воспитательнымъ правиламъ, слишкомъ усердно пріучалъ дѣтей ко всякимъ ужасамъ, привидѣніямъ, внезапному испугу; дѣтей заставляли спать однихъ, и если они въ нервномъ волненіи бѣжали къ прислугѣ, то отецъ, натягивая шлафрокъ на голову, бѣлымъ неслышнымъ привидѣніемъ загонялъ ихъ въ дѣтскую. Южная Германія стояла въ культурномъ отношеніи выше сѣверной, но и тутъ встрѣчаются самыя нелѣпыя проявленія права сильнаго и старшаго.

Рыцарь фонъ-Лангъ, на мемуары котораго часто ссылается Бидерманъ, очень живо описывая свое дѣтство, приводитъ слѣдующій характерный эпизодъ [2]): будучи гимназистомъ, онъ сдружился съ честной семьей своего квартирнаго хозяина, золотыхъ дѣлъ мастера; чтеніе вслухъ стало любимымъ раз-

---

[1]) Biedermann—Deutschland im achzehnten Jahrhundert.

[2]) Дѣло было въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка. Ritter fon Lang — Memoiren.

влеченіемъ ихъ компаніи, и особенное наслажденіе доставляла имъ Римская Исторія Роллена въ нѣмецкомъ переводѣ. Лангу приходилось ходить за этими книгами очень далеко къ старшему брату, уже кончившему курсъ въ университетѣ; братъ выдавалъ ему по одной изъ 16 книжечекъ всего изданія, и каждый разъ сопровождалъ эту выдачу разными издѣвательствами: то отказывалъ въ книгахъ, бранилъ и гналъ вонъ, тотчасъ же приказывая вернуться; то травилъ его собаками, наслаждаясь изъ-за угла зрѣлищемъ этой охоты. За малѣйшее возраженіе, недовольную мину, за каждую попытку вырваться, мальчика били, сѣкли, драли за волосы. А слушатели, между тѣмъ, съ нетерпѣніемъ ожидали дома любимаго увлекательнаго чтенія. 16-ть разъ приходилось начинать съизнова выхлопатываніе книги все съ новыми мытарствами. Съ юморомъ, достойнымъ француза, Лангъ высчитываетъ, что чтеніе Роллена стоило ему болѣе 80 часовъ бѣготни по улицамъ, 150 розогъ и 200 полновѣсныхъ пощечинъ, не считая собачей травли, мелкихъ тычковъ и заушеній. За-то, какъ только дочитали послѣднюю главу, братъ разомъ подарилъ ему все изданіе. Такое издѣвательство молодого образованнаго нѣмца надъ младшимъ и слабѣйшимъ, сознательно-жестокое, съ чувствомъ и толкомъ продѣлываемое, могло отражаться на дѣтской натурѣ тяжелѣе и оскорбительнѣе, чѣмъ дикіе и безтолковые пріемы нашихъ педагоговъ, дьяковъ и отставныхъ солдатъ.

Въ Германіи гувернеру-воспитателю (гофмейстеру) [1]) не платили больше 40 талеровъ въ годъ, возлагали на него веденіе книгъ по хозяйству, а обращались съ нимъ чуть-чуть лучше, чѣмъ съ прислугой. Въ школахъ, особенно провинціальныхъ масса учителей состояла изъ ремесленниковъ всѣхъ возможныхъ профессій; объ этомъ оффиціально свидѣтельствуетъ прусскій указъ 1722 г.; въ пономари и школьные учителя могутъ поступать: портные, ткачи, кузнецы, колесники и плотники; иныхъ ремесленниковъ не принимать. А въ школьномъ уставѣ 1736 г. сказано: если учитель ремесленникъ, онъ

[1]) Въ домашнемъ обученіи, заучиванье наизусть играло главную роль во всемъ, что преподавалось. Часто мучили дѣтей выше всякой мѣры заучиваніемъ молитвъ, цѣлыхъ главъ библіи, гимновъ, катехизиса.

можетъ прокормиться; если же онъ не знаетъ ремесла, ему разрѣшается на шесть недѣль отходить на поденную работу. Что же въ самомъ дѣлѣ смѣшного и страннаго, что почтенный нѣмецъ Вральманъ, переселясь въ варварскую Россію, съ чистою совѣстью изъ кучеровъ поступалъ въ гувернеры, а изъ гувернеровъ въ кучера, и какими идеалистами были въ свое время Фонъ-Визинъ и всѣ тѣ, кто вполнѣ понималъ его творенія?!

Что касается прибалтійскихъ провинцій, то даже остзейскіе патріоты проговаривались, что учебное дѣло и вообще образованіе стояло у нихъ довольно низко въ XVIII-мъ в. [1]). На это приводилось много вѣскихъ оправдательныхъ причинъ, но сущность дѣла для насъ осталась та же. Въ Лифляндіи городскія и элементарныя школы самими туземцами назывались дѣтскимъ адомъ. Учителей для этихъ школъ выбирали непремѣнно изъ мѣстныхъ обывателей, и выше всего цѣнили у нихъ красоту почерка и умѣнье быстро считать; въ городѣ ихъ титуловали шульмейстерами, и, какъ мейстеры, они имѣли право нанимать себѣ подмастерьевъ и помощниковъ, а сами занимались конторскими книгами и счетами, которыми ихъ заваливали мѣстные купцы. По разсказамъ школьника того времени, его школьный учитель всегда величественно возсѣдалъ на высокой каѳедрѣ, и оттуда окидывалъ толпу учениковъ мрачнымъ взглядомъ „озлобленнаго кота“. Передъ нимъ на большомъ столѣ были разложены книги, которыя онъ переписывалъ, а рядомъ съ ними лежали плеть и большой запасъ розогъ. Между лавокъ ходили его помощники и спрашивали за него уроки изъ катехизиса и ариѳметическія задачи; они имѣли право расправляться съ учениками только кулаками, тасканьемъ за волосы и за уши; настоящія порки выполнялись шульмейстеромъ самолично. Преподаваніе заключалось въ заучиваньѣ отвѣтовъ, и было лишено всякой осмысленности; просиживая въ такой школѣ по нѣскольку лѣтъ, дѣти едва едва выучивались грамотѣ и счету. Въ дворянской средѣ дѣтей, кажется, не тиранили битьемъ, но суровая подавляющая строгость держала ихъ въ тискахъ. Отецъ былъ

[1]) Eckardt, Liland im XVIII jahrh.

для нихъ только повелителемъ, домовладыкой; никакихъ рѣзвостей, веселыхъ выходокъ въ домѣ не допускалось. Образованіе было большею частью домашнее, съ помощью сосѣдняго пастора; а затѣмъ дѣти сами развивались и выходили въ люди, какъ умѣли. Немногіе имѣли средства посылать дѣтей въ германскіе университеты. Графъ Сиверсъ, напримѣръ, учился у домашняго учителя, о которомъ совсѣмъ нечего сказать, кромѣ развѣ того, что будущій замѣчательный администраторъ обязанъ ему своимъ прекраснымъ почеркомъ; въ дѣтствѣ онъ не учился ни древнимъ, ни новымъ языкамъ; на 15-мъ году былъ отправленъ изъ деревни въ Петербургъ, къ одному родственнику, который состоялъ при дворѣ Елизаветы, и затѣмъ выучился самою жизнью и службой.

Еще строже въ семьѣ и школѣ содержались дѣти польскаго шляхетства; школьное образованіе шло по старымъ французско-католическимъ образцамъ. „Дома насъ сѣкли часто и много“, разсказываетъ мемуаристъ Охотскій, современникъ послѣднихъ лѣтъ рѣчи Посполитой. При его матери состояла немолодая дѣвица-шляхтянка для занятій по хозяйству, и вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдывала всѣми экзекуціями. Весь домъ, начиная съ дѣтей, отлично зналъ извѣстный тонъ, съ которымъ отсылали къ ней хозяева. Обыкновенно давали 15-ть ударовъ плетью, и отсчитывали ихъ методически. До 15-ти лѣтъ Охотскій подвергался этому домашнему наказанію и за шалости и просто по раздраженію родителей. Въ школахъ тоже доставалось! И патеровъ и префектовъ родители усердно упрашивали не прощать намъ ничего. Директоръ-репетиторъ обязанъ былъ не прощать подъ страхомъ лишиться праздничнаго подарка. Бывали и такіе счастливцы, которыхъ драли по два и по три раза въ день. Вслѣдъ за идущимъ въ классъ патеромъ піаромъ несли нагайку и клали ее вмѣстѣ съ книгами на кафедру. Мы не должны были терять изъ виду этого монитора. Количество и качество плетей, надо впрочемъ отдать справедливость, были всегда сообразны съ лѣтами и силами ученика. Въ классѣ infimy (младш.) плеть была тонкая, и болѣе 10-ти ударовъ не давали. Съ каждымъ переводомъ въ высшій классъ воспитанникъ ознакамливался съ болѣе толстою плетью и получалъ увеличенное число ударовъ. Въ

классѣ философіи ученикъ и плеть выростали въ нормальную величину; и въ этомъ классѣ уже не давали менѣе 50 плетей". Тяжело жилось юношамъ и дома послѣ окончанія курса. Когда къ отцу пріѣзжали гости, взрослые сыновья стояли въ струнку въ гостиной въ полномъ парадѣ при саблях, не смѣя ни на минуту присѣсть, ни даже прислониться къ стѣнѣ; выходить безъ спроса тоже не смѣли. Имъ строго приказывали слушать внимательно разговоръ гостей, такъ какъ когда послѣдніе уѣзжали, отецъ требовалъ у сыновей по латыни отчета въ томъ, что они слышали.

Въ свою очередь Малороссія скопировала латинскія школы Польши, по необходимости присоединяя къ этой системѣ кое-что своего русскаго, и въ XVII-мъ в. настолько развила привычку къ школѣ въ своемъ населеніи, что оказалась далеко впереди Великороссіи. Въ XVIII-мъ в. ея высшему классу приходилось уже приспособляться къ великороссійскимъ требованіямъ, созданнымъ реформой, и отъ этого получалась странная смѣсь старыхъ и новыхъ, классическихъ и реальныхъ началъ. Вотъ, что разсказываетъ о своей юности малоросъ Винскій въ своихъ запискахъ, сообщающихъ вообще много любопытныхъ данныхъ для характеристики воспитанія человѣка XVIII стол. Учиться грамотѣ онъ ходилъ къ дьячку; учитель изрѣдко наказывалъ учениковъ по всѣмъ учебнымъ днямъ; по суббота была днемъ исключительнымъ;—дьякъ встрѣчалъ ребятишекъ грозными словами: „Треба сѣкты васъ!" И начиналась общая экзекуція, при чемъ усердно приговаривали: „Учись, не лѣпись, помни субботку." Послѣ дьячка, Винскій учился нѣкоторое время дома у инспектора, т.-е домашняго учителя, по нѣмецки гофмейстера; подготовленный немного, мальчикъ былъ отвезенъ въ Черниговъ, и поступилъ въ тамошнюю коллегію. Жить ему пришлось на одной квартирѣ съ товарищами-земляками подъ надзоромъ ихъ инспектора; въ эту пору онъ много бѣдствовалъ по своему малолѣтству и беззащитности, часто переходилъ отъ одного инспектора къ другому, но учился хорошо. Лѣтъ 12-ти онъ поступилъ въ Кіевскую Академію; тамъ въ это время (около 1765 г.) учили: грамматикѣ, пінтикѣ, риторикѣ, философіи, богословіи, языкамъ — латинскому, греческому, еврейскому,

польскому; по нѣмецкому и французскому учили мало. Винскій просидѣлъ 3 г. въ риторикѣ, „набилъ голову тропами и фигурами, и выѣхалъ изъ Кіева настоящимъ дурнемъ“; если бы какой-то канонерскій штыкъ-юнкеръ не показалъ ему ариѳметики, то онъ бы считалъ по пальцамъ. Въ 1768 г. онъ поступилъ въ г. Стародубъ въ пансіонъ Карповича для обученія французскому языку, и тамъ въ 16 лѣтъ кончилъ курсъ наукъ. Французскій языкъ и литературу Винскій полюбилъ на всю жизнь и цѣнилъ его такъ же высоко, какъ Болотовъ нѣмецкій языкъ. Онъ находилъ, что французское вліяніе было въ высшей степени благотворно для Россіи, и что его не умѣли достаточно цѣнить. Онъ зачитывался французскими сочиненіями, особенно по общественно-политическимъ вопросамъ, и съ восторгомъ останавливается въ своихъ запискахъ на положеніи одного писателя (Mercier), что самыя необходимыя науки для ума человѣческаго—мораль и политика.

Вотъ нѣсколько краткихъ чертъ воспитанія на западѣ и у нашихъ ближайшихъ сосѣдей. Всюду, даже въ передовой Франціи встрѣчались и безалаберность и жестокость; всюду была масса учителей случайныхъ, ни мало не подготовленныхъ къ школьному дѣлу и самымъ неприхотливымъ задачамъ воспитанія; да и люди подготовленные, какъ патеры различныхъ орденовъ, сообщали непригодный въ жизни запасъ знаній, какой не всегда могъ удовлетворить и въ отсталой Россіи. А между тѣмъ разница между русскимъ обществомъ XVIII-го в. и обществами западными была громадна, и нигдѣ недостатки школы и пороки учителей не были такъ чувствительны, какъ у насъ. На западѣ школъ и учителей было уже довольно много; грамотность и элементарное общее образованіе сдѣлались достояніемъ всѣхъ достаточныхъ классовъ; и сама жизнь, сложившіяся общественныя отношенія и правовые порядки, въ которые вступалъ грамотный человѣкъ и съ которыми долженъ былъ считаться, довоспитывали его и поправляли недостатки школы Съ другой стороны дѣятельность многочисленныхъ университетовъ, высшія школы, широкая литература, постоянно развивавшаяся на твердой почвѣ, унаслѣдованной отъ римскихъ временъ, продолжали дѣло воспитанія, поддерживали въ массѣ интересъ къ знанію и ум-

ственную жизнь вышедшаго изъ школы человѣка. У насъ въ первой половинѣ прошлаго вѣка общественная жизнь еще не существовала; своя литература едва едва зарождалась; масса пробавлялась кое-какими переводами и пересказами западныхъ повѣстей въ рукописяхъ. Русская школа только заводилась; учителей нехватало и на скромное число жаждавшихъ просвѣщенья. Высшихъ школъ не было, кромѣ академіи наукъ, дѣятельность которой дала тогда 3, 4 русскихъ имени. Ничто не развивало, не довоспитывало русскаго человѣка, съ трудомъ и мученіями постигшаго элементарную науку, не поддерживало въ немъ зародившихся умственныхъ потребностей. Обстановка жизни, домашняя и служебная, неразвитость общественнаго смысла была такова, что мало-мальски научившійся человѣкъ только позабывалъ то, что постигалъ въ юности. Въ уѣздной глуши, въ деревнѣ, гдѣ сохранялся старый обиходъ XVII в потухала всякая умственная жизнь, юныя силы грубѣли и спускались до окружавшаго уровня. Нужны были недюжинная стойкость характера, не малое мужество и извѣстныя дарованія, чтобы въ тогдашнихъ условіяхъ съумѣть продолжать свое образованіе. Весь гражданскій строй XVIII в. представлялъ слишкомъ тяжелые искусы отдѣльнымъ просвѣщеннымъ и нравственно развитымъ личностямъ, оттого то они часто ломались и развращались. А другіе, сохранявшіе до конца жизни жажду знаній и умственной дѣятельности, таились съ нею, отодвигали ее далеко отъ повседневной жизни и общественныхъ столкновеній, и часто обращались въ безпочвенныхъ, комичныхъ, часто безсмысленно жестокихъ съ ближними философовъ, легистовъ, эстетиковъ, въ тѣ курьезные и жалкіе типы, которые давно извѣстны въ исторической литературѣ подъ именемъ „чудаковъ XVIII в.“.

Недаромъ одинъ изъ симпатичнѣйшихъ мемуаристовъ Винскій додумался, подъ вліяніемъ французскаго просвѣщенія, что существеннѣйшія и необходимѣйшія знанія для благодетствія человѣка именно тѣ, которыхъ не давала ему русская школа: „святая нравственность и составъ людскихъ обществъ или яснѣе: чѣмъ каждый человѣкъ обязанъ обществу, и, наоборотъ, общество человѣку“.

Авторъ записокъ, Андрей Тимофеевичъ, родился въ Дво-

рениповскомъ домѣ въ 1738 году 7 октября. Рожденіе его произошло при обычной въ старину обстановкѣ; бабушкой-повитухой служила самая старая и довѣренная женщина дворни. Глубокой ночью старуха дежурила одна при своей боярынѣ; прочая прислуга держалась подальше, сидѣла въ людской и спала или представлялась по старому обычаю, что не знаетъ о совершающемся событіи. Набожная женщина, въ ожиданіи разрѣшенія, начала молиться, истово и усердно кладя земные поклоны. Тутъ-то было и случилась бѣда: натѣльный крестъ бабки спустился до полу, да и завязъ въ щели половицъ; повитуха оказалась крѣпкимъ гайтаномъ туго привязанной къ полу, когда родильница позвала ее на помощь. Обѣ подняли крикъ и насилу дозвались одну изъ запрятавшихся женщинъ, и освобожденная старуха едва поспѣла къ своему дѣлу. Первые годы жизни, проведенные на женскихъ рукахъ матери и мамки, той же старухи повитухи, были для единственнаго сынка временемъ ласкъ и баловства. Въ 1741 г. Болотовъ получилъ полкъ и вызвалъ жену съ дѣтьми къ себѣ въ селеніе Наровскъ, близъ Нарвы. Съ тѣхъ поръ начались продолжительныя странствія полковничьей семьи. Ребенокъ подрасталъ между впечатлѣніями стоянокъ въ Остзейскомъ краѣ, среди не-русской обстановки, и родной деревней. Тутъ же гдѣ-то въ Эстляндіи отецъ, на правахъ командира и пріятеля всего генералитета, записалъ 5-ти-лѣтняго сына рядовымъ въ свой полкъ, и будущій литераторъ къ соблазну другихъ отцовъ офицеровъ, ѣздилъ въ салазкахъ на козлѣ получать отъ комиссара жалованье по нѣскольку копѣекъ деньгами.

Во Псковѣ на шестомъ году мальчикъ началъ учиться грамотѣ. Въ тотъ вѣкъ контрастовъ одни родители начинали учить дѣтей слишкомъ рано, другіе приступали къ этому весьма поздно; на ряду съ Митрофанушками, отправлявшимися подъ вѣнецъ прямо изъ-подъ надзора своихъ мамокъ, встрѣчались 4-хъ, 5-ти-лѣтніе усердные грамотѣи; такъ, мать Державина выучила сына читать на 5 году и тотчасъ отдала его учиться писать; молодые Воронцовы съ пяти лѣтъ увлекались книгами. Знакомство съ остзейскими нѣмцами не могло дать полковнику никакихъ готовыхъ образцовъ по части воспитанія, и обученіе сына началось обычнымъ русскимъ поряд-

комъ. Во Псковѣ какой-то старикъ малороссіянинъ занимался обученіемъ дѣтей, приходившихъ къ нему на домъ; къ нему отправили и нашего героя. Была ли это школа, или просто случайный учитель собиралъ вокругъ себя учениковъ, мемуаристъ не помнитъ. Весьма можетъ быть, что это были остатки цифирной школы того типа, какія основаны при Петрѣ во многихъ городахъ; эти школы не долго просуществовали въ своемъ первоначальномъ видѣ; иныя закрылись, другія существовали кое-какъ, въ той формѣ, какую имъ придавалъ учитель. Обученіе грамотѣ шло здѣсь, конечно, по часослову и псалтирю. Болотовъ плохо помнитъ свои занятія съ этимъ учителемъ, но говоритъ, что его способностями и успѣхами были довольны. Но мудрена была наука того времени съ безконечными складами, тяжелыми упражненіями по книгамъ, недоступнымъ дѣтскому пониманію. Проучившись болѣе года, Андрей при всемъ своемъ стараніи плохо разбиралъ часословъ, и далеко не освоившись съ механизмомъ чтенія, уѣхалъ съ матерью въ деревню, когда отецъ, покончивъ ревизію, отправился въ полкъ.

Тутъ единственнымъ грамотѣемъ былъ его дядька, одинъ изъ многочисленныхъ представителей стариннаго типа способныхъ и дѣльныхъ боярскихъ людей, крѣпостной интеллигенціи ранняго времени. Такіе люди вырабатывались сами собой при общемъ складѣ жизни того времени. Помѣщикъ проводилъ время на службѣ; жена его бывала безграмотна или малограмотна; между тѣмъ, по хозяйству, по куплямъ и продажамъ нужно было имѣть грамотнаго человѣка; кромѣ того, всегда находились дѣла по приказамъ и воеводскимъ канцеляріямъ; часто случались тяжбы; еще въ XVII в среди служилаго и землевладѣльческаго класса появилась страсть къ тяжбамъ, къ пріобрѣтенію юридическими уловками и тонкостями того, что̀ плохо закрѣплено за владѣльцемъ. Приходилось поручать такія дѣла своимъ людямъ и снабжать ихъ полными довѣренностями; для этого выбирали людей сообразительныхъ и способныхъ, твердыхъ въ грамотѣ, которой ихъ, вѣроятно, и обучали съ особой заботливостью; вообще эти люди ни въ чемъ не должны были уступать дьякамъ и приказнымъ; это были свои домашніе юристы и адвокаты. Крѣпостному чело-

вѣку такія занятія бывали и лестны, и выгодны; узкія рамки холопскаго бытія его расширялись; у богатаго барина онъ становился чиновникомъ; у средняго приходилось исполнять и должности слуги, но положеніе его все-таки было почетное, и всѣ способности его, какъ человѣка, развивались и шли въ дѣло. Но много тяжелаго, трагичнаго встрѣчалось въ долѣ и этихъ раннихъ крѣпостныхъ грамотѣевъ.

Болотовскій дядька Артамонъ былъ по своему начитанъ, весьма силенъ въ Св. писаніи и въ Св. исторіи, зналъ кое-что о прошломъ Россіи, хорошо зналъ исторію святынь и памятниковъ Москвы, гдѣ долго живалъ по господскимъ дѣламъ. Господамъ онъ служилъ повѣреннымъ по дѣламъ, перебывалъ во всѣхъ приказахъ и канцеляріяхъ столичныхъ и провинціальныхъ, и отлично зналъ всякое дѣлопроизводство; дома онъ былъ гофмейстеръ, гувернеръ барчука, дворецкій и секретарь барыни. Какъ гувернеръ, Артамонъ добросовѣстно посвящалъ воспитанника во всѣ знанія, какими обладалъ самоучкой; въ описываемое время онъ доучилъ его русской грамотѣ, покончилъ часословъ и прошелъ псалтирь. Стараніями ли учителя, преданнаго всей душой дому, или собственной охотой, только мальчикъ сталъ у него читать хорошо и съ толкомъ.

Письму Андрей Тимофеевичъ началъ учиться немного позже, когда они съ матерью снова пріѣхали къ отцу въ Эстляндію; отецъ назначилъ въ преподаватели своего лучшаго полкового писаря. Послѣдній принесъ не малую пользу будущему литератору, съумѣвъ быстро пріохотить его не только къ письму, но и къ рисованью, въ которомъ немного мараковалъ. Среди сельскаго и полкового досуга рисованье доставило нашему герою, какъ и его знаменитому современнику Державину, много пріятныхъ минутъ.

Къ девяти годамъ Болотовъ произошелъ понемногу элементарную науку, подвергаясь при этомъ такимъ же помѣхамъ и неудобствамъ, какъ и всѣ дѣти дворянства средней руки. Иначе воспитывались только дѣти самыхъ могущественныхъ представителей придворной аристократіи. Р. И. Воронцовъ выписывалъ для своихъ дѣтей отличныхъ гувернантокъ, у которыхъ они шутя выучивались по французски; выписывалъ прекрасныя библіотеки, и сыновья его въ 12 лѣтъ были зна-

комы съ Буало, Корнелемъ, Расиномъ, Вольтеромъ и т. д. Но все это было пока доступно немногимъ избраннымъ; лучшая часть средняго дворянства, съ которой мы имѣемъ дѣло, принимала отчаянныя мѣры, чтобы гдѣ нибудь раздобыться познаніями.

Мы знаемъ, что Державинъ, рано осиротѣвшій, учился въ Оренбургѣ въ пансіонѣ нѣмца Розе, ремесленника и каторжника. Дѣло въ томъ, что основатель города Неплюевъ просилъ выслать къ нему для построекъ преступниковъ изъ купцовъ и мастеровыхъ; въ томъ числѣ оказался и нѣкто Розе; человѣкъ смѣтливый, онъ воспользовался потребностями только что съѣхавшагося населенія и открылъ школу для мальчиковъ и дѣвочекъ [1]). Учитель былъ жестокъ и безнравственъ, однако, выучивалъ вокабулами нѣмецкому языку и кромѣ того каллиграфіи и рисованію перомъ; по поэтъ былъ благодаренъ и за это. Нѣмецкій языкъ въ половинѣ прошлаго столѣтія еще почитался принадлежностью образованнаго человѣка; французскій смѣшилъ его только при дворѣ.

Какъ ученикъ петровской школы, полковникъ Болотовъ ставилъ нѣмецкій языкъ и ариѳметику на первой планъ въ обученіи сына; онъ самъ выросъ на нихъ, съ ихъ помощью выслужился; но даже въ балтійскихъ провинціяхъ онъ не могъ найти сыну порядочнаго нѣмецкаго учителя, а на выписыванье гофмейстера изъ-заграницы не хватало средствъ. Пришлось обратиться къ нѣмцамъ, служившимъ въ полку; тутъ Болотова ожидалъ своего рода Розе: учителемъ его сдѣлался унтеръ-офицеръ Миллеръ, пріѣхавшій изъ Любека на русскую службу. „Богу извѣстно, какого былъ онъ рода, но только то мнѣ извѣстно, что онъ никакимъ наукамъ не умѣлъ, кромѣ одной ариѳметики, которую зналъ твердо, да умѣлъ также читать и писать очень хорошо по-нѣмецки, почему заключаю, что надобно быть ему простому купеческому сыну, и притомъ весьма небогатому и воспитанному въ простой городской школѣ весьма просто и низко“. Подобно Розе, Миллеръ не зналъ грамматики и училъ мальчика вокабулами и заучиваньемъ нѣмецкихъ словъ наизусть по сотнямъ и тысячамъ; оба по-

[1]) Гротъ, Жизнь Державина, 8 т.

ходили на лифляндскихъ шульмейстеровъ, счетчиковъ и каллиграфовъ, какими ихъ рисуютъ матеріалы Экардта

Для мальчика начались ежедневныя продолжительныя занятія, несмотря на неудобства полковой жизни. Ундеръ усердствовалъ передъ начальствомъ, и при всей нелѣпости преподаванія, ученикъ довольно скоро началъ читать и писать по-нѣмецки; ариѳметика же шла вполнѣ успѣшно. Родители были довольны; при нихъ учитель хвалилъ его, но съ глазу на глазъ ученикъ никогда не могъ угодить на злой нравъ нѣмца. Простую брань мемуаристъ и въ счетъ не ставитъ, но битье и сѣченье его сильно угнетало. Миллеръ колотилъ его чѣмъ попало, старался только не оставлять кровавыхъ слѣдовъ, чтобы не возбудить вниманія командира; послѣдній былъ вполнѣ убѣжденъ, какъ и всѣ, что ученье безъ битья немыслимо, и преслѣдовалъ только самыя варварскія выходки учителя. Нѣмецъ же находилъ звѣрское наслажденіе въ самомъ процессѣ битья, часто досадовалъ на успѣхи ученика, потому что они лишали его предлоговъ продѣлывать свои экзекуціи: иногда онъ изощрялъ свои педальныя познанія на придумываньи запутанныхъ задачъ, чтобы затруднить мальчика. Разъ, заподозривъ какой-то обманъ, онъ звѣрски билъ его: „грызъ почти меня зубами и терзалъ, какъ лютый звѣрь безъ всякаго человѣчества и милосердія. Онъ такъ разъярился, что пѣна у него стояла во рту, и до тѣхъ поръ меня мучилъ, покуда выбился уже изъ силъ“. Эта экзекуція открылась, и учителю дали нагоняй, не особенно страшный, впрочемъ, потому что онъ скоро опять принялся за то-же, велѣлъ заучить невѣроятное количество нѣмецкихъ словъ наизусть, и заблаговременно приготовилъ цѣлый запасъ розогъ; насчитавъ 200 позабытыхъ словъ, принялся съ звѣрскимъ хохотомъ отсчитывать 600 ударовъ. На крики мальчика прибѣжала какая-то сосѣдка, отняла мученика и привела его къ матери. Тутъ только полковникъ запретилъ своему ундеру сѣчь безъ спроса.

Несмотря на все безобразіе учителя, Болотовъ обязанъ ему отличнымъ знаніемъ ариѳметики, которое дало ему возможность впослѣдствіи совершенно самостоятельно изучить геометрію и фортификацію; но успѣхи въ нѣмецкомъ языкѣ

скоро застыли, мальчикъ не выучился у Миллера говорить. Тогда отецъ изыскалъ другой способъ обученія.

Въ 1748 г. въ виду большихъ успѣховъ Фридриха II-го въ борьбѣ съ Австріей, наши войска сдвинули къ западнымъ границамъ, а Архангелогородскій полкъ ввели въ предѣлы польской Курляндіи. Тутъ полковникъ завелъ, по обыкновенію, знакомства среди мѣстныхъ дворянъ; узнавъ, что у одного изъ нихъ живетъ при дѣтяхъ прекрасный гувернеръ, онъ постарался поближе сойтись съ нимъ и упросилъ, наконецъ, принять къ себѣ въ домъ мемуариста, чтобы дать ему возможность учиться вмѣстѣ съ своими сыновьями.

Русскій барченокъ въ званіи каптенармуса, испытавшій рядомъ съ баловствомъ матери всѣ мучительства нѣмецкой педагогики, оказался теперь въ совершенно новой обстановкѣ, среди чужой семьи. Самъ хозяинъ былъ почти старикъ, суровый и строгій, державшій семью и домъ въ ежевыхъ рукавицахъ, но по образованію выдавался изъ массы сельскаго нѣмецкаго дворянства. Его сыновья оказались старше Болотова, почти юношами, и жили въ особо выстроенномъ для нихъ флигелѣ; для нихъ былъ выписанъ изъ Лейпцигскаго университета учитель-саксонецъ Чаахъ, показавшійся Болотову феноменальной учености. Юноши уже прошли элементарныя науки, знали древніе и новые языки, и саксонецъ занимался съ ними главнымъ образомъ философіей на латинскомъ языкѣ; съ нашимъ мальчикомъ онъ занимался немного особо чтеніемъ и разговорами по-нѣмецки, началъ учить его по-французски. Но у Болотова больше всего осталась въ памяти вся обстановка нѣмецкаго дома и обращеніе съ дѣтьми. Жизнь семьи текла чинно съ суровой аккуратностью: во всемъ домѣ царилъ строгій порядокъ, не допускавшій отступленій; дѣти не смѣли пикнуть передъ старшими. При своей суровости, дисциплина курляндца была разумна для того времени: дѣтей пріучали къ трудолюбію и сдержанности, но не застращивали и не забивали. Болотовъ не слыхалъ въ этой семьѣ ни одного браннаго слова, и никто его пальцемъ не тронулъ; самъ суровый хозяинъ былъ внимателенъ, иногда даже ласковъ къ русскому мальчику.

Всего полгода пробылъ у курляндца Болотовъ, но такъ

запомнилъ эту семью, что въ запискахъ преувеличиваетъ вліяніе этого эпизода на свое развитіе: „Въ семъ-то мѣстѣ и въ сіе то время впечатлѣлись въ меня первѣйшія склонности къ наукѣ, искусствамъ и художествамъ, производившія мнѣ толь безчисленные и пріятные часы и минуты въ жизни. Всему хорошему, что есть во мнѣ, положилось тутъ начало, а сверхъ того имѣлъ я и ту пользу, что живучи въ такомъ порядочномъ домѣ, имѣлъ я первый случай узнать о жизни нѣмецкихъ дворянъ и полюбить оную". — Чинная нѣмецкая семья идеализирована ради поучительнаго примѣра дѣтямъ и потомству. — Но, конечно, пребываніе у курлянца произвело сильное впечатлѣніе на мальчика; послѣ Миллера, его поразила спокойная внушительность лейпцигскаго философа, и онъ быстро сообразилъ, гдѣ свѣтъ и гдѣ тьма. Едва мальчикъ приступилъ съ гувернеромъ къ изученію географіи, какъ Архангелогородскій полкъ передвинули въ Финляндію. Полковникъ отправилъ жену въ деревню, а сына перевезъ въ Петербургъ.

Тамъ въ эту пору (1749—50-й г.) возникали одинъ за другимъ частные пансіоны, устраиваемые всевозможными иностранными выходцами. Лѣтъ черезъ 5, 6-ть ихъ столько развелось въ обѣихъ столицахъ, а рядомъ съ ними такое множество учителей, темныхъ невѣжественныхъ личностей, что при открытіи московскаго университета нашли необходимымъ провѣрять познанія этихъ выходцевъ. — Въ запискахъ Болотова мы встрѣчаемъ едвали не единственное описаніе пансіона того времени. Пансіонъ Ферри, съ которымъ они насъ знакомятъ, былъ, вѣроятно, однимъ изъ раннихъ; его содержалъ въ зданіяхъ кадетскаго корпуса учитель французскаго языка этого заведенія. Этотъ пансіонъ считался тогда самымъ лучшимъ. Заботливый отецъ совѣтовался съ родственникомъ, ротмистромъ конной гвардіи, хорошо знавшимъ Петербургъ, и заведеніе было выбрано по его рекомендаціи. Удобнѣй всего, казалось бы, отдать мальчика прямо въ корпусъ; но полковникъ почему-то находилъ это неудобнымъ; даже послѣ его смерти, когда друзья и родичи долго обсуждали вопросъ, какъ быть съ мальчикомъ, гдѣ его доучить и произвести въ офицеры, о корпусѣ и не поминаютъ.

Въ пансіонѣ было всего до 15 учениковъ живущихъ и приходящихъ; число послѣднихъ часто измѣнялось, то прибывало, то убывало. Для класса была отведена одна большая комната казенной квартиры; въ этой-же классной были отгорожены досками маленькія помѣщенія, конторочки, какъ выражаются записки, гдѣ жили самые знатные пансіонеры. Лучшую конторочку занималъ Болотовъ съ другимъ полковничьимъ сыномъ, Нелюбохтинымъ; а рядомъ за перегородкой помѣщались два сына сенатскаго секретаря. Среди приходящихъ являлась учиться французскому языку взрослая дѣвушка, дочь какой-то маіорши. При барчукахъ состояла прислуга, которая гнѣздилась тоже гдѣ-то въ казенномъ зданіи. Вѣрный дядька Артамонъ являлся утромъ и вечеромъ одѣвать и раздѣвать своего маленькаго воспитанника. Въ столѣ строго соблюдались скоромные и постные дни; но кормили по всѣмъ днямъ плохо; барчуки голодали; только булочникъ, состоявшій при корпусѣ, и щи, приготовляемыя ихъ слугами, подкрѣпляли ихъ.

Ферре и его жена были люди старые очень тихіе и добрые характеромъ: оба полюбили и ласкали Болотова. Самъ французъ проводилъ почти цѣлый день въ корпусѣ, всего часа два въ сутки отдавая пансіонерамъ; а съ ними занимался его старшій сынъ, уже юнопа, малый изрядный; младшій же былъ enfant terrible пансіона: за шалости и злыя выходки его всѣ не терпѣли. Отецъ и сынъ учили одному французскому языку. Обычнымъ упражненіемъ служили переводы съ русскаго на французскій языкъ басенъ Эзопа и русскихъ газетъ [1]); другихъ легкихъ пособій или хрестоматій еще не водилось; а ученики были очень благодарны и за эту методу, несравненно болѣе живую и занимательную, чѣмъ зубренье вокабулъ; они съ интересомъ читали газеты и кстати знакомились со всѣмъ происходившимъ въ свѣтѣ, съ именами странъ и государствъ. Под-

---

[1]) „Чтеніе вѣдомостей" входило въ программы пансіоновъ того времени. Въ 1772—1774 г. почетный профессоръ Берландъ де-ла Бордельеръ, читая публичный курсъ на французскомъ языкѣ, объяснялъ газеты критически и исторически.—Исторія Имп. Моск. Университета. С. Шевырева.

ряпившись обучать географіи, французъ нанялъ ради этого нѣмца, который приходилъ одно время каждый день объяснять ученикамъ карту Европы, но скоро исчезъ, заронивъ кое-какія свѣдѣнія только въ головахъ такихъ усердныхъ мальчиковъ, какъ нашъ герой. Исторіи вовсе не преподавали. Болотовъ пополнилъ этотъ пробѣлъ чтеніемъ Фенелопова Телемака, сперва по-французски вслухъ самому Ферре, а потомъ по-русски, и найденной у отца древней исторіей Курраса.

Таковъ былъ лучшій пансіонъ въ Петербургѣ. За французскій языкъ, карту Европы и скудное содержаніе мальчика Болотовы платили очень большія для того времени деньги — болѣе ста руб. въ годъ, то-есть всю ту сумму дохода, какую получали деньгами со своихъ деревень; да кромѣ того платили рисовальному мастеру нѣмцу, приватно обучавшему сына рисованію. Чтобы извлечь изъ этого пансіонскаго обученія что-нибудь дѣльное и прочное, нужно было имѣть всю старательность и раннюю серьезность мемуариста, съ интересомъ вникавшаго и въ басни Эзопа, и въ газетныя статьи, и въ Телемака.

У Ферре онъ не пробылъ и года; — болѣзнь и смерть отца прервала его школьную жизнь. Потуживъ и погадавъ надъ его судьбой, родные отправили мальчика къ матери въ Дворяниново, гдѣ онъ и просидѣлъ 2 года безъ дѣла, пока горькая вдова не надумала опять снарядить его въ Петербургъ въ ученье; но ученье со смерти отца стало еще случайнѣй; мальчикъ учился самостоятельно.

Водворенный у дяди ротмистра, Андрей Тимофеевичъ долженъ былъ ходить къ одному богатому генералу учиться у француза гувернера вмѣстѣ съ двумя его сыновьями. Тутъ онъ встрѣтилъ новый своеобразный типъ иностраннаго выходца. Мг. Лаписъ былъ по своему начитанный человѣкъ, образованный, даже, какъ полагали ученики, ученый; но его познанія и мысли оставались тайной для нихъ и, кажется, для всего дома. Прибывшій недавно изъ Франціи, онъ не зналъ ни слова по-русски; о преподаваніи не имѣлъ понятія, и видимо не зналъ, что дѣлать съ учениками. Цѣлый день онъ сидѣлъ, почти не отрываясь, за своими французскими книгами, а мальчикамъ давалъ списывать статьи изъ огромнаго

словаря французской академіи и выучивать ихъ наизусть. Статьи были скучны и совершенно непонятны для мальчиковъ; и ничего бы не вышло изъ занятій съ Ланнсомъ. если-бы не приходилось по-неволѣ говорить съ нимъ по-французски; веселый и добродушный, онъ прекрасно обращался съ мальчиками и никогда ихъ не наказывалъ.

Генеральскіе сынки, подобно Болотову, съ раннихъ лѣтъ числились въ полкахъ, и въ 1752 г. состояли въ званіи сержантовъ артиллеріи; въ виду близкаго экзамена на офицерскій чинъ имъ напяли артиллерійскаго капрала для обученія геометріи, и инженернаго кондуктора для фортификаціи. Сынки были тупы и лѣнивы на ученье; учителя подолгу бились съ ними надъ каждой задачей; а Андрей Тимофеевичъ, сидя въ уголку, внимательно слушалъ и все перенималъ: завелъ себѣ циркуль и все необходимое для черченья и чистенько составилъ для себя чертежи всѣхъ геометрическихъ задачъ, заимствовалъ кое-что по фортификаціи. Скоро онъ опять уѣхалъ въ Дворяниново по случаю смерти матери, и уже тамъ дополнилъ свои знанія по прекраснымъ тетрадямъ дяди премьеръ-майора, списавшаго ихъ у самого Ганнибала.

На этомъ покончилось обученіе сержанта: онъ учился весьма безпорядочно, прихватывая урывками, гдѣ что придется; цѣльнѣе прочаго усвоилъ онъ математику, отчасти потому, что съ петровскихъ временъ относительно этихъ знаній были поставлены самыя опредѣленныя требованія: а между тѣмъ Болотовъ вполнѣ подходилъ къ тому уровню знаній, который требовался отъ образованнаго офицера того времени. Единственнымъ заведеніемъ, дававшимъ общее образованіе дворянскимъ дѣтямъ, былъ тогда Шляхетный корпусъ; до нашего времени дошелъ маленькій печатный списокъ кадетъ съ аттестатами, какіе имъ выдавались при выпускѣ, весьма неполный. правда, заканчивающійся выпускомъ 1747 года. Въ аттестатахъ перечислены всѣ науки, какія кто проходилъ: поэтому эти аттестаты можно съ достаточнымъ основаніемъ принять за общую норму требованій отъ образованнаго по тому времени дворянина. Прикладывая эту норму къ познаніямъ нашего героя, легко замѣтить, что многіе ка-

деты не проходили и того, чему онъ хоть немного научился: далеко не всѣ учились французскому языку, фортификаціи, даже географіи, а выпускались прапорщиками, тогда какъ Болотовъ явился въ полкъ сержантомъ. Прапорщикъ Гнѣвушевъ вышелъ съ слѣдующимъ аттестатомъ: „Геометрію и практику окончалъ, иррегулярную фортификацію началъ; по-нѣмецки говоритъ и пишетъ нарочито, имѣетъ доброе начало во французскомъ языкѣ, исторію и географію началъ". Все это близко подходитъ къ уровню знаній автора записокъ; какъ старательный самоучка, онъ долженъ былъ знать это немногое тверже и отчетливѣй многихъ кадетъ; онъ умѣлъ рисовать и чертить, древнюю исторію прошелъ по Куррасу, читалъ историческія книги даже по военной исторіи. Вотъ еще аттестатъ болѣе успѣшнаго кадета прапорщика Колобова: „Геометрію и иррегулярную фортификацію окончалъ, обучается регулярной, рисуетъ ландшафты красками, переводитъ на французскій языкъ, разумѣетъ и говоритъ хорошо по-нѣмецки, переводитъ съ россійскаго на нѣмецкій языкъ, сочиняетъ нѣмецкія письма по диспозиціи; учится исторіи универсальной, географіи по Гомановскимъ картамъ и исторіи спеціальной новѣйшихъ временъ".

Ни въ аттестатахъ, ни въ домашнемъ обученіи Законъ Божій не помянается, какъ предметъ преподаванія. Всякое обученіе начиналось съ церковныхъ книгъ, и потому предполагалось, что всякій учащійся самъ собою знакомился съ основами своей вѣры. О священной исторіи не было и помину; всякій могъ вычитывать ее откуда угодно. Набожный по своему Болотовъ ни разу въ запискахъ не напомянаетъ объ Евангеліи, какъ будто онъ его вовсе не читалъ, или находилъ излишнимъ говорить о немъ. Впрочемъ онъ долго жилъ подъ вліяніемъ людей непосредственной вѣры и людей, занимавшихся иногда религіозными вопросами. Дядька Аѳанасій, перечитавшій не мало божественныхъ книгъ, разсказывалъ питомцу о сотвореніи міра, о разныхъ событіяхъ священной исторіи; а поселившійся въ деревнѣ дядя майоръ снабдилъ племянника Четьи-Минеями и книгой Яворскаго „Камень Вѣры". Внимательное чтеніе того и другого на сельскомъ досугѣ пріучило юношу вдумчиво и серьезно отно-

ситься къ религіознымъ вопросамъ. И многимъ, вѣроятно, барчукамъ XVIII-го в. крѣпостные дядьки грамотѣи послужили единственными учителями своей народной вѣры; въ высшемъ же слоѣ дворянства, гдѣ дѣти вовсе не соприкасались съ людьми народнаго склада, они часто оказывались внѣ всякихъ религіозныхъ понятій.

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО ВЪ ПОЛОВИНѢ XVIII-го ВѢКА.

За всю первую половину XVIII-го в. сельскій бытъ дворянства средней руки весьма мало измѣнился. Неизбѣжная служба по прежнему держала помѣщиковъ вдалекѣ, даже дальше прежняго, отъ родныхъ усадебъ. По прежнему въ деревняхъ жили только отставные старики да помѣщицы съ дѣтьми, охотно сохранявшіе старый обиходъ XVII-го в. Особенно охотно и крѣпко сохранялся онъ въ деревенькахъ старыхъ московскихъ областей; южнѣй и западнѣй дѣло шло нѣсколько иначе, въ силу географическихъ и этнографическихъ особенностей. Зять Болотова, каширскій помѣщикъ Травинъ, заѣзжалъ въ 50-хъ гг. къ тещѣ въ Дворяниново, и остался совершенно доволенъ его обстановкой, которую самъ мемуаристъ, вернувшись изъ Пруссіи въ 1762 г., призналъ убогой, и его обществомъ сосѣдей; видно, что и по ту сторону Москвы сельская жизнь текла тѣмъ же порядкомъ, какъ и подъ Каширой. За то у другого зятя въ Псковскомъ уѣздѣ жили комфортабельнѣй и веселѣй; тамъ заводился уже тотъ складъ помѣщичьей жизни, какой распространился при Екатеринѣ на всю крѣпостную Россію.

Въ 50-хъ гг. околодокъ Болотовскихъ владѣній былъ почти пустъ: всѣ помѣщики побогаче увозили съ собой свои семьи въ столицы или на мѣста своей службы; усадьбы кн. Горчаковыхъ, Инсаревыхъ, Тимирязевыхъ пустовали. Кое-гдѣ въ убогихъ усадебкахъ сидѣли только помѣщицы побѣднѣй.

кому было ни подъ силу слѣдовать за мужьями, да совсѣмъ бѣдняки, отставные рядовые, капралы и сержанты петровскихъ и аннинскихъ временъ; эти помѣщики отходяли свой вѣкъ за полкомъ безъ надежды на офицерство по своей безграмотности, и за выслугой лѣтъ или ранами отправлялись на теплыя печи своихъ избушекъ, мало чѣмъ отличавшихся отъ крестьянскихъ.

Въ Дворениновѣ, близъ деревеньки въ 15-ть, 16-ть крестьянскихъ дворовъ, стояли группами среди своихъ садовъ и огородовъ три барскія усадьбы въ 30, 40 саженяхъ другъ отъ друга. Одна изъ нихъ стояла совсѣмъ пустая до самаго года смерти императрицы Елизаветы Петровны, въ другую наѣзжала мать мемуариста, а въ третьей еще при жизни брата поселился майоръ въ отставкѣ Матвѣй Петровичъ, ученикъ рижской школы. Обѣ первыя были усадьбы старыя, хорошей постройки, сооруженныя при помощи издѣлій своихъ каширскихъ желѣзныхъ заводовъ; они помнили еще дѣловитаго помѣщика Кирилу Ерофеева, собиравшаго по ключкамъ наслѣдства послѣ погибшихъ родичей. Первая усадьба, окруженная старинымъ садомъ его посадки, принадлежала теперь его внуку Кириллѣ Матвѣевичу; послѣдній далеко обогналъ чинами всѣхъ своихъ родичей; въ самомъ концѣ царствованія Елизаветы Петровны онъ получилъ отставку съ переводомъ въ штатскіе чины тайнымъ совѣтникомъ, и вернулся въ дѣдовскую усадьбу, гдѣ и умеръ, пальцемъ не тронувъ старины XVII-го в. Усадьба, принадлежавшая мемуаристу, была подобна генеральской, и основаніе ея записки относятъ къ тѣмъ же временамъ и приписываютъ Ларіону Осипову. За много лѣтъ пустованья, она ни мало не улучшилась; все въ ней старѣло и гнило своимъ порядкомъ; службы, когда-то прекрасно крытыя тесомъ изъ роскошныхъ старинныхъ лѣсовъ, теперь покрывались соломой поверхъ истлѣвшихъ досокъ; собственная дворянская винокурня исчезла; высокая крыша дома вся позеленѣла отъ моха, и единственная труба на ней развалилась; испортилась старинная рѣзьба на толстыхъ вычурныхъ вереяхъ воротъ подъ широкой, поросшей кустами крышей. Самъ крѣпкій домикъ понемногу вросталъ въ землю, такъ что изъ окошка рука легко касалась земли.

Самая усадьба широко раскидывалась по обѣимъ сторонамъ деревенскаго проѣзда, по одну сторону барскій дворъ, по другую овины, скирдникъ, конопляникъ и пруды. Домъ стоялъ среди двора и отдѣлялъ чистую переднюю половину отъ задняго двора. Одноэтажный, безъ фундамента, онъ вмѣщалъ очень мало жилыхъ комнатъ; огромныя, по старинному, сѣни и кладовыя занимали бо́льшую часть его. Переднія и заднія сѣни отдѣляли три жилыхъ покоя отъ двухъ холодныхъ кладовыхъ; изъ переднихъ дверь вела въ переднюю же комнату, залъ; самая большая изъ всѣхъ, эта комната была холодная безъ топки, и въ ней никогда не жили; ея тесовыя стѣны и потолокъ почернѣли и закоптились отъ времени, что при маленькихъ окошечкахъ придавало комнатѣ мрачный видъ: вдоль темныхъ стѣнъ, по старинному, тянулись узкія деревянныя лавки, а у передняго угла стоялъ длинный стычной столъ, покрытый ковромъ. Кіоты и множество образовъ одни украшали покой. Только разъ въ годъ необитаемая комната оживлялась и наполнялась народомъ, именно на пасху, когда причетъ приходилъ со крестами и служилъ въ ней молебенъ. Вторая угольная комната была главнымъ, почти единственнымъ жильемъ хозяевъ; въ ней было больше оконъ и свѣту, а огромная печь изъ разноцвѣтныхъ кафель давала много тепла. Эта печь не мало забавляла просвѣщеннаго мемуариста: „не скоро можно было добраться, откуда она топилась; надлежало лѣзть напередъ за печь, а тамъ поворачиваться направо и искать устья, ибо оно сдѣлано было отъ стѣны и совсѣмъ въ темнотѣ. Таплливали ее обыкновенно дворовыя бабы поочередно и таскивали превеликія ноши хворосту, и съ нимъ залѣзали къ устью, притывались и завѣшивались власно какъ въ копурѣ“. Здѣсь опять сіяло много образовъ; древній кіотъ съ мощами и неугасимой лампадой занималъ передній уголъ. Нѣсколько стульевъ, почернѣвшій комодъ одни напоминали Европу. Здѣсь же стояла и кровать, постоянное мѣстопребываніе полковницы. Третья меньшая комната имѣла много назначеній; она сообщалась съ задними сѣнями, и служила одновременно дѣвичьей, лакейской и дѣтской. Здѣсь родился авторъ записокъ, и подолгу живалъ мальчикомъ въ уголкѣ, отгороженномъ досками отъ прислуги.

Заднія сѣни вели въ пристроенную отдѣльно кухню или черную горницу. Тутъ живали дворовые со своими семьями, жилъ дядька Артамонъ и всѣ бывшіе „на сѣняхъ", то-есть люди для домашней услуги. Вотъ и всѣ помѣщичьи хоромы, впрочемъ, изъ простыхъ еще лучшія. На востокъ отъ Москвы дворяне побогаче Болотовыхъ живали еще проще; стоитъ вспомнить арзамасскія усадьбы Данилловыхъ [1]): высокія хоромы на омшаникѣ, съ двумя горницами, черной или кухней, и чистой, гдѣ жилъ помѣщикъ; тамъ вся семья умѣщалась въ одномъ жильѣ.

Въ доброе старое время мало цѣнили красоты природы: усадьба Болотовыхъ хотя и стояла на красивой вершинкѣ близъ рѣки, но самый домикъ былъ такъ поставленъ и такъ застроенъ службами, что изъ его окошекъ ничего не было видно, кромѣ двора. Молодой помѣщикъ екатерининскаго времени, вернувшись изъ-за границы, не мало огорчался этимъ равнодушіемъ своихъ предковъ къ ландшафту.

Даже отъ сельской улицы домикъ былъ загороженъ амбаромъ и колясочнымъ сараемъ. У древнихъ воротъ стояла курная людская избушка, въ которой всегда жилъ отдѣльно отъ прочаго люда прикащикъ. Задній дворъ глаголемъ окружалъ барскій; на немъ тѣснилось много построекъ: на первомъ планѣ къ улицѣ стояли людскія избы, курныя, ничѣмъ не отличавшіяся отъ крестьянскихъ; ближе къ откосу горы были разбросаны коровники, овчарники, клѣти и клѣтушки, лошадиный загонъ; ближе къ кухнѣ еще избы, ткацкая и огородъ съ нчельникомъ, раскинутый надъ горой на самомъ лучшемъ мѣстѣ усадьбы: за нимъ шелъ крутой спускъ къ загрязненному скотомъ ручью, заваленный мусоромъ и навозомъ, впрочемъ обсаженный кое-гдѣ и деревьями.

Усадьба почти со всѣхъ сторонъ была окружена зеленью; за чернымъ дворомъ росла прекрасная рощица, разведенная полковницей; а со стороны дома стоялъ садъ, густо заросшій черноплѣсьемъ; прадѣдовскія фруктовыя деревья почти всѣ погибли отъ старости. Въ саду близъ заросшей тиной сажалки ютилась банька.—Два большихъ пруда, обычная принадлеж-

[1]) Манорь Даниловъ, Записки. Русскій Архивъ. 1883 г., кн. 3-я.

ность барскаго хозяйства находились по другую сторону улицы близъ гумна, овина и сараевъ съ сѣномъ и соломой. Эту часть усадьбы тоже окружала молодая саженая рощица, тщательно разведенная и поливаемая при полковницѣ; сю же на прежнемъ конопляникѣ былъ разведенъ плодовый и вишневый садикъ Хлѣбопашество было такъ недоходно на этихъ мѣстахъ, что еще ранѣе мемуариста. извѣстнаго садовода, его безхитростная мать безъ сожалѣнія отводила части своей пашни подъ рощи и сады. И такъ, въ усадьбѣ въ миніатюрѣ было все необходимое для помѣщичьяго хозяйства, до заброшенной винокурни включительно; но все въ крайне первобытномъ, неприхотливомъ видѣ;—даже овины оказывались не лучше и не больше крестьянскихъ.

По сосѣдству среди другой половины прадѣдовскаго сада стояла другая усадьба; ее отстроилъ въ царствованіе Анны маіоръ Матвѣй Петровичъ, какъ только раздѣлился съ братомъ по старинѣ. Опытный инженеръ и фортификаторъ, строивній укрѣпленія Миниху, маіоръ не придумалъ ничего новаго для жилья, и вывелъ свои хоромы вполнѣ подобными дѣдовскимъ, даже нѣсколько меньше. Мемуаристъ и выставляетъ свою усадьбу, какъ общій типъ дворянскихъ жилищъ, самый распространенный въ уѣздѣ.

— Впрочемъ, надобно замѣтить, говоритъ онъ далѣе съ своей точки зрѣнія, уже екатерининскаго времени, что каковъ бѣденъ былъ нашъ домъ и дворъ, таковы же были и всѣ деревни наши".

И правда, сельское хозяйство шло плохо у мелкихъ дворянъ Каширскаго уѣзда. Почва обладала всѣми свойствами черноземныхъ центральныхъ уѣздовъ; да и той для нашей первобытной культуры оказывалось мало; еще въ XVII в. помѣщики густой толпой засѣли у Оки и ея притоковъ; въ XVIII-мъ—жить на одномъ здѣшнемъ помѣстьи мелкому служилому человѣку стало очень тяжело: всѣ стремились посредствомъ купли или приданаго заполучить клочекъ деревеньки за степнымъ рубежомъ. Мы видѣли; что полковница Болотова охотно разводила рощи и сады на дворенниковской пашнѣ; вмѣстѣ съ мужемъ она очень дорожила клочками своихъ владѣній въ Черпскомъ уѣздѣ и подъ Епифанью. За то въ тѣхъ

мѣстахъ хозяевъ донимала разбросанность и черезполосица земель. Изъ владѣній Андрея Тимофеевича только старое Трухино-Болотово да материнское Калитино лежали подъ руками; въ каждомъ изъ нихъ было всего по два крестьянскихъ двора; въ послѣднемъ стоялъ господскій домъ, такія же низенькіе полныя древнихъ образовъ хоромы, какъ и Болотовскія; тамъ выросъ Степанъ Бакѣевъ, герой шведскихъ войнъ, и воспитывалась мать мемуариста. Недалеко было и Туленно, имѣнье бабушки Бабиной; тамъ въ 1762 г. оказалось цѣлыхъ шесть крестьянскихъ дворовъ; очевидно, этотъ клочекъ земли почитался самымъ доходнымъ изъ Каширскихъ владѣній, потому что тамъ поселили самое большое число крестьянъ, прикупленныхъ или переведенныхъ съ малодоходной земли, въ точности неизвѣстно. Но по документамъ значится, что Мавра Степановна въ 1737 г. продала свои приданыя 60 четей въ полѣ въ Серпуховскомъ уѣздѣ за 100 руб. безъ крестьянъ: можетъ быть ихъ то и перевели въ Туленно. Нѣсколько позже полковникъ Болотовъ выкупилъ обратно ту землю этой деревни, которую его отецъ Петръ Ларіоновъ продалъ Палицыну. Всего въ Тешиловскомъ стану близъ береговъ Скниги у мемуариста сосредоточивалось въ 4-хъ деревняхъ 11-ть дворовъ.

Далѣе въ Ростовскомъ стану въ деревнѣ Бурцовой одиноко стоялъ одинъ крестьянскій дворъ [1]) (тоже наслѣдство Бабиныхъ); другой дворъ отошелъ при раздѣлѣ къ Матвѣю Петровичу. Продавая свои земли въ подмосковныхъ еще болѣе заселенныхъ уѣздахъ мать Болотова очень охотно взяла за неуплату долга маленькій клочекъ въ 15 ч. въ Чернскомъ уѣздѣ по р. Плавѣ. Эта земелька находилась среди недавнихъ еще дикихъ полей; здѣсь и въ 40-хъ гг. XVIII-го в. могли еще лежать кое-гдѣ непропутыя мѣста, и бывали лишнія сверхъ дачъ самовольныя распашки; при незначительности клочка ($22^1/_2$ дес.) и при одномъ крестьянскомъ дворѣ это владѣніе было очень выгодно по количеству хлѣба, доставляемаго помѣщику. Такъ же доходенъ по прекрасной землѣ

[1]) Къ этому двору Тимофей Петровичъ выкупилъ часть земли другого наслѣдника изъ Бабиныхъ.

и урожаямъ былъ участокъ въ Епифанской деревнѣ Романцовѣ, гдѣ на 15 чет. числившейся по документамъ земли жили и работали на помѣщика два крестьянскихъ двора. Сдѣлавшись опытнымъ, выдающимся для своего времени хозяиномъ Болотовъ твердо держался своей дѣдовской Бабинки, не смотря на ея отдаленность.

Но самой значительной и хлѣбной деревней была самая отдаленная степная Болотовка въ Шацкомъ уѣздѣ. Она еще не числилась во владѣніяхъ полковника, хотя онъ положилъ ей основаніе вмѣстѣ съ братомъ чуть ли не въ 30-хъ гг. Еще въ молодости онъ купилъ у кого-то ничтожныя 10 ч. въ п. около самой непочатой ковыльной степи [1]); и оба брата нашли, что этого вполнѣ достаточно, что бы завести тамъ селеніе; исполнителями явились довѣренный прикащикъ и еще кое кто изъ каширскихъ людей или крестьянъ. Въ то время для небогатаго дворянина можно было рисковать деньгами и людьми, что бы улучшить свое помѣщичье состояніе: помѣстья и вотчины сравнялись въ одну частную дворянскую собственность, переходившую въ наслѣдство отъ поколѣнія въ поколѣніе.— Прекрасной дѣвственной земли было вдоволь вокругъ болотовскаго клочка, и начальство долго не вступалось въ вольную распашку никому не принадлежавшихъ дикихъ полей. Въ первую половину XVIII-го в. весь Тамбовскій край пребывалъ еще въ хаотическомъ состояніи; помѣщики и крестьяне законными и незаконными способами завладѣвали тамъ землями и лѣсами. Его заселеніе началось рано и работало потихоньку въ теченіи XVII-го в., но сопровождалось большими неудобствами и опасностями, борьбой съ мѣстными языческими племенами, съ набѣгами татаръ и ногайцевъ и со своими же разбойничьими шайками; но въ XVIII-мъ в. только эти послѣдніе и тревожили мирныхъ жителей, и населеніе стало прочнѣй усаживаться на мѣстахъ. Тѣмъ не менѣе и при Екатеринѣ II-й этотъ громадный край отличался патріархальной некультурностью: города казались слишкомъ маленькими и ничтожными даже и для каширскихъ помѣщи-

[1]) Записки т. 2-й стр. 682. Земля куплена въ однодворческихъ селеніяхъ до запретительнаго указа 1727 г.

ковъ; они состояли изъ деревянной ветхой крѣпости и слободокъ, отстроенныхъ какъ деревни. Были, впрочемъ, здѣсь обширныя села, основанныя богатыми боярами, очень людныя, со своими торгами и ярмарками; таковы Лысыя Горы, Ломовичъ, Разсказово; но въ общемъ степныя деревушки имѣли печальный видъ. Промышленность стояла на самомъ низкомъ уровнѣ; путей сообщенія не было; многіе необходимые предметы, какъ желѣзо, привозились съ большимъ трудомъ.

Болотовъ съ дядей посѣтилъ впервые свой поселокъ въ 1764 г. Ни отецъ, ни дядя никогда не заглядывали сюда. Селеніе состояло въ вѣдѣніи прикащика и старосты, которые и доставляли въ Дворенпново или куда укажутъ оброкъ и хлѣбъ. Тотчасъ за Козловымъ путешественники нашли изрядное степное пространство, тянувшееся до Лысыхъ Горъ. Переѣхавъ Цну за Тамбовомъ, онъ оказался въ громадномъ строевомъ лѣсу, болѣе чѣмъ на 100 в. въ длину; почти сутки ѣхали этимъ лѣсомъ; а отдохнувъ въ знаменитомъ селѣ Разсказовѣ, путники пустились по поросшей ковылемъ необозримой степи, и еще черезъ сутки прибыли въ свои владѣнія. Деревенька поразила помѣщиковъ своимъ неопрятнымъ, жалкимъ видомъ. Рядъ кое какъ сколоченныхъ хибарокъ утопалъ въ накопленномъ почти до крышъ навозѣ; да и крышъ то не было; хибарки стояли почти раскрытыя или едва закидашныя соломой; ихъ крошечныя слѣпыя окошечки были затянуты пузыремъ. Во всемъ селеніи не оказалось ни одной сколько нибудь сносной избенки. Здѣсь водился и такъ называемый господскій дворъ, гдѣ жилъ прикащикъ изъ лакеевъ; но и тамъ стояли лачуги ни мало не лучше крестьянскихъ съ дверками, какъ въ свиной хлѣвъ въ аршинъ съ чѣмъ нибудь вышиной, хотя лакей былъ малый бывалый, и не одинъ годъ провелъ съ барпномъ въ Пруссіи. Въ такой обстановкѣ существовали цѣлыя поколѣнія трудоваго люда, колонизовавшаго одну изъ нашихъ хлѣбороднѣйшихъ областей. У заброшенныхъ за лѣса и степи людей былъ только хлѣбъ, добываемый то тутъ, то тамъ съ новины, распаханной небрежно, самыми плохими орудіями; и при всемъ томъ они были самыми вѣрными кормильцами своихъ господъ. Впрочемъ, и у нихъ случались неурожаи; тогда лишенная своего

единственнаго имущества деревенька теряла свои жидкія соломенныя крышки и еще глубже зарывалась въ навозъ.

У мемуариста здѣсь оказалось 10 дворовъ съ 35 душами населенія; почти столько же было у его дяди, хотя тотъ никакой земли здѣсь не покупалъ; онъ только присоединился къ брату и прислалъ крестьянъ распахивать степь. Мы не знаемъ точно кѣмъ заселяли Болотовы этотъ участокъ: вѣроятно частью выведенными своими людьми, частью мѣстными пришлыми и купленными: оказывались здѣсь и бѣглые. Въ XVIII-мъ в. здѣсь стояла очень низкая цѣна на крѣпостную душу; за 20 съ небольшимъ рублей можно было пріобрѣсти цѣлую семью съ дѣтьми.

Послѣ указа о вольности дворянства 1762 г. тамбовскія степи стали быстро украшаться помѣщичьими усадьбами; въ 1764 г. Болотовъ нашелъ близъ своей грязной заброшенной деревушки сосѣдей-помѣщиковъ, прочно устроившихся на житье.

Итакъ, авторъ записокъ наслѣдовалъ отъ своихъ родителей 27 крестьянскихъ дворовъ. На 10 дворокъ въ Шацкомъ имѣніи приходилось по дѣламъ 3-ей ревизіи 35 душъ; въ остальныхъ деревенькахъ населеніе жило тѣснѣй, и мы можемъ смѣло положить до 5 душъ на дворъ [1]); получимъ приблизительное общее число въ 120 душъ, а съ дворовыми у нашего героя могло набраться и 140. Такое имущество въ половинѣ прошлаго вѣка обезпечивало существованіе дворянской семьи; оно доставляло готовое пропитаніе хлѣбомъ и запасами, и давало слишкомъ 100 р. чистыми деньгами; но на воспитаніе и обученіе дѣтей такихъ средствъ, конечно, не могло хватить. Даже гораздо позже, послѣ 1771 г., бабушка Энгельгардта, какъ свидѣтельствуютъ его записки, имѣя 100 душъ въ Арзамасскомъ уѣздѣ, получала съ нихъ всего 100 р. деньгами и жила безбѣдно. На ту же цифру дохода указываютъ и записки Болотова. Когда авторъ жилъ съ

[1]) Дѣла молод. лѣтъ, кн. 20-я, № 11-й. У двоюроднаго дѣда автора, Кирилла Матвѣевича, въ Дворенинов приходилось по 6 ч. на дворъ, а на усадьбѣ жило 26 чел. дворовыхъ. Въ Болотовѣ приходилось ровно по 4 ревизскихъ души на крестьянскій дворъ. Самъ авторъ говоритъ въ запискахъ, что на дворъ полагалось въ его время болѣе 4-хъ душъ.

полкомъ въ Остзейскомъ краѣ, а затѣмъ въ Кенигсбергѣ въ эпоху семилѣтней войны, дворовые люди, иногда крестьяне разъ въ годъ привозили ему изъ Каширы на подводахъ деревенскіе доходы и припасы. За первые два года онъ не помнитъ суммъ: разъ привезли ему „довольное количество денегъ“, а другой только „нѣкоторое количество“. Но въ 1758 г. онъ съ радостью получилъ болѣе ста рублей деньгами и, кромѣ того, нѣсколько покупныхъ вещей для похода въ Пруссію. Затѣмъ, черезъ 2 года, мужичекъ привезъ ему въ Кенигсбергъ всего 200 р. чистыми деньгами; онъ ѣхалъ въ непріятельскую землю съ опаской, деньги спряталъ въ выдолбленную ось телѣги, а самъ одѣлся нищенски, не желая возбуждать подозрѣній. Баринъ нашелъ, что такой доходъ недостаточенъ; „видно была въ нихъ изрядная экономія?“ — говоритъ онъ про свои имѣнья. Слѣдовательно нормальнымъ денежнымъ доходомъ со своихъ деревень авторъ считалъ 120—130 руб. въ годъ, то есть около рубля съ души; ста рублями онъ бывалъ недоволенъ. Какъ при матери, такъ и за время его малолѣтства и походной жизни все хозяйство лежало на рукахъ старостъ и приказчиковъ изъ дворовыхъ, и главнымъ образомъ старшаго приказчика, проживавшаго въ Дворенинovѣ старика, служившаго кучеромъ при покойномъ полковникѣ Въ эту важную должность управителя сельскимъ хозяйствомъ возводили не за знаніе дѣла и хозяйственныя способности, а за вѣрную службу въ домѣ барина, за внушительную старость.

Въ критическихъ финансовыхъ затрудненіяхъ молодаго помѣщика не разъ выручали преданные дворовые. Еще 14 лѣтнимъ мальчикомъ, учась въ Петербургѣ, Болотовъ съ помощью дядьки отдалъ одного изъ своихъ слугъ въ работники на фабрику, и тотъ не только самъ себя содержалъ, но еще приносилъ такой доходъ, что барчукъ заработанными имъ деньгами оплачивалъ свое ученье у М-г Лапис'а. Въ другой разъ въ Кенигсбергѣ чуть ли не тотъ же слуга, записки не называютъ его, еще болѣе одолжилъ барина. Получивъ въ 1762 г. неожиданный приказъ о своемъ назначеніи въ кираспрскій полкъ Корфа, мемуаристъ горько задумался, на какія средства ѣхать въ Петербургъ, шить себѣ форму по-

ваго образца, завести хорошую лошадь, сѣдло и т. д. Одинъ изъ его крѣпостныхъ, видя такое горе, тотчасъ принесъ ему полтораста рублей. „Возьмите ихъ, сударь, а мнѣ когда-нибудь отдадите ужо, а теперь на что мнѣ они? я, сударь, и самъ вашъ, извольте ихъ взять, и я радъ, что они у меня на ту пору случились". уговаривалъ онъ обрадованнаго барина. Отпущенный на собственное иждивеніе, смѣтливый человѣкъ напялъ квартиру съ конюшней и началъ промышлять покупкой, мѣной и продажей лошадей, добывая ихъ изъ русскихъ обозныхъ и браковокъ, и, какъ непьющій и дѣльный малый, нажилъ цѣлый капиталъ. Но люди съ беззавѣтной рабской преданностью были таки рѣдки. Другой дворовой во время похода позаботился прежде всего о своей свободѣ, и бѣжалъ отъ Болотова въ Польшу: „вѣроятно, потому, что я его никогда не билъ",—пронизируетъ авторъ. Грустно разстался съ барином ъ и умный дядька Артамонъ. Всю привлекательную для поклонниковъ старины патріархальность отношеній между дворяниномъ-воспитанникомъ и рабомъ-педагогомъ портилъ единственный недостатокъ дядьки: онъ былъ подверженъ „той проклятой слабости, которой такъ многіе наши рабы подвержены бываютъ, т.-е. любилъ выпивать", говорятъ записки. Находясь безотлучно при барчукѣ, онъ не могъ всегда скрыть отъ него свою слабость: поэтому, протрезвившись, наставникъ Закона Божія валялся въ ногахъ ученика, умоляя наказать его тутъ же, чѣмъ попало, только не говорить родным ъ. Позже страсть усилилась; Артамонъ сталъ такъ пить, что своихъ средствъ ему не хватало: онъ подобралъ ключи къ шкатулкѣ Болотова и бралъ оттуда деньги по мелочамъ. Когда дѣло открылось, произошла тяжелая сцена моленій, земныхъ поклоновъ и проч. Авторъ, тогда уже офицеръ, полагая, что исправленіе невозможно, отправилъ его въ деревню съ письменнымъ приказаніемъ приказчику употреблять его на всякую работу. „Симъ образомъ принужденъ я былъ наказать сего изшалившагося человѣка; но признаюсь, что при подписываньи сего письма, смущала меня нѣсколько совѣсть. Я вспомнилъ всю прежнюю его службу и обо мнѣ въ малолѣтствѣ попеченіе, и мнѣ казалось, что я наказываю его уже слишкомъ строго", пишетъ авторъ, но совѣсть его скоро

успокоилась; Артамону нашли дѣло по способностямъ; ему поручили хлопотать въ Москвѣ о вводѣ его питомца во владѣніе всѣми имѣньями, полученными отъ родителей. Чѣмъ кончился этотъ заурядный эпизодъ изъ исторіи нравовъ крѣпостной Россіи, мы не знаемъ; повидимому гофмейстеръ умеръ ранѣе отставки и водворенія Болотова въ Дворяниновѣ.

Какъ же жили каширскіе дворяне среди своей сельской обстановки?

Множество историческихъ матеріаловъ указываютъ на то, что реформа въ дворянской службѣ и въ образованіи встрѣтила массу противодѣйствій, уклоненій, побѣговъ; жалобы на уклоненія отъ службы встрѣчаемъ безпрестанно и въ царствованіе Анны и въ царствованіе Елизаветы. Однако въ общемъ реформа глубоко захватила весь служилый классъ, заставивъ его надолго оторваться отъ старыхъ насиженныхъ гнѣздъ и даже увести съ собой свои семьи, своихъ дѣтей, которые въ силу этого росли и воспитывались въ иной обстановкѣ. Описывая уединенную жизнь своей матери, нашъ мемуаристъ говоритъ: „околодокъ нашъ былъ тогда такъ пустъ, что никого изъ хорошихъ и богатыхъ сосѣдей въ близости къ намъ и не было. Все дворянство находилось тогда въ военной службѣ, и въ деревняхъ живали одни только престарѣлые старики, немогущіе болѣе нести службу или за болѣзнями и дряхлостью отставленные, и всѣхъ такихъ было не много“. Тѣмъ не менѣе вокругъ полковницы, какъ самой чиновной особы околодка, составился кружокъ лицъ, очень любопытныхъ для характеристики того времени.

Сама помѣщица по сознанію сына была женщина правная и неуступчивая, хотя въ сущности не злая. Старинная деревенская дворянка, она плохо сходилась съ мужемъ, человѣкомъ своего времени по воспитанію. Въ лицѣ ея передъ читателемъ записокъ встаетъ одинъ изъ самыхъ незамысловатыхъ типовъ старо-русской женщины; эта единственная дочка отца воспитывалась подобно той старушкѣ, которая говоритъ въ воспоминаніяхъ Дмитріева: „Мы у батюшки съ матушкой отлично воспитаны были: одного меду не въ проѣдь было“. Полковница крѣпко хранила свой старый закалъ: житье въ нѣмецкомъ краѣ, общество мужа и его пріятелей не имѣли

на нее вліяніе. и она осталась до смерти „стараго вѣка госпожей". какъ находилъ сынъ. Незамѣтно, чтобы она знала грамоту, а, впрочемъ, сынка строго заставляла учиться. Овдовѣвъ, еще не старая, она крѣпко засѣла въ единственной уютной комнаткѣ своего домика, очень рѣдко выѣзжала, и то только на богомолья, скоро отвыкла выходить за порогъ. и наконецъ. совсѣмъ слегла въ постель, чувствуя слабость ногъ и преждевременную дряхлость. Привыкнувъ къ лежанью. она уже боялась спускаться съ постели, а если и рѣшалась, то съ отвычки падала. зашибалась, и затѣмъ надолго отказывалась отъ движенья. Сынъ видѣлъ, что не лѣта уходили мать. а обрюзглость. слабость и хилость, что по словамъ иностранцевъ часто бывало удѣломъ русской женщины старинъ временъ: это являлось слѣдствіемъ сидячей неподвижной жизни въ теплѣ и нѣгѣ, при отсутствіи всякой живой дѣятельности, всякихъ возбуждающихъ интересовъ.

По своей набожности Болотова входила въ тѣсныя сношенія съ духовенствомъ своего прихода. и ея духовникъ, священникъ погоста Николы Чудотворца въ Рузятинѣ. былъ ея главнымъ совѣтникомъ и дорогимъ гостемъ. Записки относятся къ этому лицу съ тонкой, но ѣдкой ироніей; мемуаристъ всю жизнь былъ глубоко религіозенъ, но это не мѣшало относиться къ духовенству иронически, иногда съ оттѣнкомъ презрѣнія. Это пренебрежительное отношеніе нашего дворянства отмѣтилъ изслѣдователь Знаменскій въ своемъ трудѣ „Приходское духовенство въ Россіи": среди грамотнаго дворянства оно вызывалось низкимъ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ сельскаго духовенства и его несамостоятельнымъ положеніемъ, заставлявшимъ заискивать у помѣщиковъ; сельскій священникъ весьма мало соотвѣтствовалъ скромнымъ требованіямъ, съ которыми сознательно набожный человѣкъ того времени могъ относиться къ церковному пастырю.

Но духовникъ помѣщицы Болотовой съ выгодой для себя отличался отъ многихъ своихъ товарищей: „Сія духовная особа, говорятъ записки. была совсѣмъ отмѣннаго характера. нежели прочіе деревенскіе попы... отецъ Иларіонъ былъ не только умнѣе сотни другихъ поповъ. но и велъ себя сте-

ненно, важно, осанисто, и такъ, что не можно было не имѣть къ нему почтенія". Онъ любилъ говорить, и говорилъ складно и занимательно; но главной темой его разсказовъ были повѣствованія о его приказныхъ дѣлахъ и хлопотахъ, которымъ онъ предавался со страстью чуть ли не весь свой вѣкъ вслѣдствіи непримиримой вражды къ своему товарищу, другому попу того же прихода, отцу Ивану. „Чудное по истинѣ дѣло, восклицаетъ мемуаристъ, цѣлый свой вѣкъ старались они другъ друга погубить, но никто не могъ ничего другому сдѣлать, и вся польза отъ ихъ вѣчной тяжбы была та, что оба они обѣднѣли, и обоихъ въ консисторіи обирали, а безъ того были бы они богатые люди, ибо приходъ былъ богатый". Духовникъ обращалъ особенное вниманіе на полковницу, какъ на самую чиновную и знатную особу прихода; у нея на дому онъ часто служилъ всенощныя и молебны, и помимо того часто заходилъ побесѣдовать. Набожная, безпомощная вдова сильно поддавалась его вліянію, слушая его „сладкіе разсказы", и никакого семейнаго дѣла не предпринимала безъ его совѣта; съ своей стороны она всячески старалась ему угождать и помогала въ его хозяйственныхъ нуждахъ. Чтобы держать въ рукахъ духовную дочь, отецъ Иларіонъ пускалъ иногда въ ходъ мѣры весьма схожія съ тѣми, какими въ позднѣйшее время сельское духовенство устрашаетъ крестьянъ; „мстительный и злопамятный", по мнѣнію автора записокъ, онъ „связалъ на духу" помѣщицу, т.-е. не далъ ей отпущенія грѣховъ, за то, что она не исполнила какой-то его просьбы; къ этой карѣ онъ давно внушалъ ей смертельный страхъ. Бѣдная женщина захворала отъ ужаса; а духовникъ заставилъ себя долго умилостивлять, чтобы выхлопотать отпущеніе. Но и послѣ этого случая добрыя отношенія ихъ не измѣнились. Если Болотова рисковала иногда выѣхать на богомолье, отецъ Иларіонъ, несмотря на преклонные годы, сопровождалъ ее верхомъ на своемъ копѣ.

Оставшись послѣ смерти матери совсѣмъ одинокимъ въ своей усадьбѣ, 14-ти-лѣтній помѣщикъ не только примирился съ сельскимъ духовенствомъ, но даже радовался этому обществу, какъ обществу грамотныхъ людей. Отецъ Иларіонъ хорошо зналъ сельское хозяйство, былъ знакомъ со всѣмъ

околоткомъ и давалъ юношѣ очень практичные совѣты, какъ жить и хозяйство вести Въ его братѣ, дьяконѣ, Болотовъ цѣнилъ веселый нравъ и шутливость. Пріѣзжали иногда и другіе священники сосѣднихъ приходовъ. Юноша пускался съ ними и въ длинныя богословскія бесѣды. Начитавшись Четій-Миней и Яворскаго, онъ скоро началъ поражать гостей своими познаніями, совершенно забивалъ ихъ, запутывая вопросами, въ которыхъ они, никакихъ премудростей не читавшіе, ничего не понимали. Смущенные „попы“ прославляли его въ околодкѣ чуть не „богословомъ“, а онъ въ своихъ запискахъ называетъ ихъ „пеучами“, которые „не могутъ даже судить о томъ, что бѣло, что черно“. Такимъ образомъ, учителемъ мемуариста въ библейской исторіи, въ основныхъ догматахъ вѣры является крѣпостной дядька, сдѣлавшійся впослѣдствіи прикащикомъ въ его деревняхъ; а деревенскій духовникъ, который былъ несравненно умнѣе и почтеннѣе множества другихъ сельскихъ поповъ, поучалъ духовнаго сына веденію хозяйства и тяжебныхъ дѣлъ, тому, какъ поддерживать свое достоинство, чтобы заслужить хорошую славу у сосѣдей; онъ же наводилъ иногда страхъ на весь свой приходъ суевѣрной вознёй съ колдовствомъ и чарами, которые будто бы насылались на него врагами по тяжбамъ.

Другимъ интересомъ въ жизни вдовы-помѣщицы была давнишняя ссора съ братомъ мужа, Матвѣемъ Болотовымъ; оба они были людьми нравными, неуступчивыми; вдова, кромѣ того, придирчива и вспыльчива, а майоръ скупъ и питалъ страсть къ сутяжничеству; при невоспитанности и несдержанности, обычными въ обществѣ того времени, для такихъ характеровъ довольно было малѣйшаго столкновенья, и вражда разгоралась. Важную роль въ подобныхъ ссорахъ родичей-сосѣдей играли дворовые люди; при такихъ рамкахъ сельскаго быта помѣщики жили съ ними въ самомъ тѣсномъ общеніи, а дворовые привыкали принимать живѣйшее участіе въ интимной жизни своихъ господъ, и своими наговорами, перебранками и сплетнями разжигали несогласія между повелителями.

Какъ старшая чиномъ въ околоткѣ, вдова Болотова справляла у себя храмовые и другіе самые важные праздники и

созывала свое бѣдное сосѣдство и кое-какихъ родственниковъ. Обычными гостями были три семьи; ея двоюродный братъ, Писаревъ, отставной дворянинъ изъ нижнихъ чиновъ, невыслужившійся по незнанію грамотѣ, но любимый сосѣдями за шутливый нравъ и веселость въ компаніи; „жена его была старушка самая шлюшечка и человѣкъ препростой“; они были такъ бѣдны, что ихъ дочь, дѣвушка на возрастѣ, проживала на хлѣбахъ у Болотовой; а сынокъ старичка „была самая неугомонная, вѣтряная и такая голова, что нерѣдко онъ его на цѣпь приковывалъ“. Другого гостя и пріятеля матери авторъ тоже называетъ „напростѣйшимъ старикомъ“ и „сущею курочкою“; солдатъ гвардіи, отставленный капраломъ, Картинъ, помнилъ еще самую старинную службу; зато жена его была бойчѣе всего прочаго женскаго персонала. Родственникъ полковницы, Бакѣевъ, бывшій гвардейскій офицеръ, почитался умникомъ и „философомъ“ среди этой компаніи; онъ былъ грамотенъ, пожилъ въ столицахъ, вообще пообтерся на службѣ; въ этомъ и заключалось его образованіе. Гости съѣзжались на праздники въ странныхъ долгополыхъ кафтанахъ, въ такихъ старинныхъ уборахъ, что 12-тилѣтній ученикъ пансіона Ферре поразился ихъ внѣшнимъ видомъ и обхожденіемъ и съ трудомъ привыкъ къ нимъ. Въ будни же мелкопомѣстные шили дворянской статьи нашивали, вѣроятно, и крестьянскіе армяки. Ихъ жены носили русскіе шушуны, голландскіе бостроки (кофты со сборками), часто съ короткой юпкой, по старинной модѣ нѣмецкой слободы.

Хозяйка была хлѣбосольна и угощала гостей на убой, по старинному. „За обѣдами и ужинами гуляли чарочки, рюмки и стаканы, а нерѣдко гуляли они по рукамъ и въ прочее время; старички наши вставали отъ того изъ-за стола подгулявши, и они праздновали у насъ дня съ три и болѣе. По утрамъ бывали у насъ обыкновенно праздничные завтраки; тамъ обѣды и за ними подчиванья; тамъ закуски и заѣдки; послѣ того чай, а тамъ ужины. Спали всѣ на землѣ повалкою, а по утру, проспувшись, опять принимались за ѣду и за прочее тому подобное“. На Рождество пріѣхалъ разъ зять Травинъ, тверской помѣщикъ и офицеръ; гостей съѣхалось

тогда больше обыкновеннаго. Зять весельчакъ завелъ тогда святочныя игры, старинныя деревенскія забавы; катанья, пляски и пѣсни, и маленькая компанія шумно провела праздники. Въ двухъ теплыхъ и тѣсныхъ покойцахъ Болотовой веселились вмѣстѣ, какъ умѣли, три поколѣнія — отставные солдаты и капралы Петровскаго регулярства, молодой офицеръ щеголеватыхъ Елизаветинскихъ временъ и 12-ти-лѣтній почитатель книгъ и науки, будущій Екатерининскій помѣщикъ-литераторъ.

Эти немногіе типы и черты нравовъ сельскаго дворянства служатъ нѣкоторымъ образомъ поясните́льной иллюстраціей къ комедіямъ фонъ-Визина; это та почва, на которой росли Скотинины, Простаковы со своимъ потомствомъ, мирными неучами или звѣроподобными Митрофанами въ родѣ того юноши, котораго отецъ собственноручно сажалъ на цѣпь. Эта глава записокъ вполнѣ объяснятъ неизбѣжность существованія извѣстнаго контингента совершенно безграмотныхъ дворянъ, за которыхъ подъ наказами 1767 г. прикладывали руки по довѣренности.

Бакѣевъ и отецъ Иларіонъ являлись иногда вмѣстѣ въ Дворенниново по особому приглашенію помѣщицы: они были непремѣнными членами ея семейнаго совѣта по особо важнымъ дѣламъ, который собирался у ея постели при непосредственномъ участіи дядьки Артамона въ качествѣ секретаря и стряпчаго. На этомъ совѣтѣ рѣшено было путешествіе дядьки въ Петербургъ съ челобитной въ военную коллегію, гдѣ онъ долженъ былъ выхлопотать своему воспитаннику отпускъ до 16-ти-лѣтняго возраста, и порученіе было выполнено имъ блистательно. Тѣ же совѣтчики принимали живое участіе въ любопытной тяжбѣ Болотовыхъ, рисующей смутныя понятія общества того времени о законности и печальное состояніе судопроизводства. Полковникъ имѣлъ какія-то дѣла съ однимъ каширскимъ подъячимъ, и когда-то спасъ его своимъ вмѣшательствомъ отъ суда и кары за его мошенническія продѣлки. Между тѣмъ у подъячаго бѣжала крѣпостная женщина, укрылась въ Шацкой дальней деревнѣ Болотовыхъ, вышла замужъ за ихъ крестьянина и обзавелась домомъ и семьей. Подъячій, зная все это, молчалъ, пока живъ былъ

благодѣтель, а на его беззащитную вдову подалъ вдругъ жалобу, обвинялъ въ укрывательствѣ бѣглой и искъ на огромную сумму. Совѣтъ полковницы рѣшилъ, что на первую посылку изъ суда не стоитъ обращать вниманія, нужно ждать второй и третьей, а тѣмъ временемъ разузнать обстоятельства дѣла. Собравъ всѣ свѣдѣнія, всѣ три совѣтчика предупредили вдову, что законы и указы всѣ противъ нея; остается только одинъ выходъ —тормозить дѣло и всѣми мѣрами склонять противника на полюбовную сдѣлку съ тѣмъ, чтобы онъ уступилъ что-нибудь изъ своего иска. Но въ Каширѣ воевода и приказные были своими людьми отставному подъячему, и всѣ какъ слѣдуетъ задобрены. Перепуганной женщинѣ пришлось самой тащиться въ городъ. Воевода принялъ ее сперва надменно, но, получивъ по чину приношеніе, смягчился и обѣщалъ затянуть дѣло, что вполнѣ отъ него зависѣло и даже уговаривать противника. Дѣло, дѣйствительно, затянулось, но истецъ продолжалъ требовать громадную сумму. —„Подозрѣвали, что самъ воевода съ нимъ шильничалъ, — пишетъ мемуаристъ,—и его наущалъ, дабы ему самому тѣмъ болѣе отъ насъ и отъ него поживиться было можно“.

Какъ ни хлопотали Болотовы, но дѣло кончилось черезъ годъ съ громадными для нихъ убытками: они должны были отдать подъячему его женщину съ мужемъ, дѣтьми и всѣмъ дворомъ, который перевезли къ нему на свой счетъ и выплатили 800 р. деньгами, огромную сумму для того времени. Такъ неблагополучно окончилось знакомство полковника съ нечистымъ на руку подъячимъ съ „крапивнымъ сѣменемъ“.

Особнякомъ отъ всего дворянскаго околодка держался Матвѣй Болотовъ, геометръ и фортификаторъ выучки Ганнибала. Подобно брату полковнику, онъ немногому учился въ юности, но несложная программа петровской эпохи была имъ твердо усвоена, и интересъ къ знанію не покидалъ его и въ сельской глуши. Майоръ помогъ племяннику закончить необходимую для офицера программу математическихъ свѣдѣній; самъ любилъ почитать, любилъ писать и переписывалъ для себя особенно понравившіяся книги. Въ то время книгъ было очень мало, а въ Каширскихъ деревенькахъ онѣ

являлись цѣнной рѣдкостью, и любителямъ книжности волей-неволей приходилось воспроизводить для себя рукописные экземпляры. Матвѣй Петровичъ былъ все-таки самымъ образованнымъ человѣкомъ изъ всего сосѣдства; и племянникъ послѣ смерти матери очень сошелся съ дядей и съ пользой проводилъ у него время. Старикъ охотно разсказывалъ о своей воинной службѣ, о Миниховскихъ походахъ, объ укрѣпленіяхъ, которыя онъ строилъ на правахъ инженера. Въ отставкѣ въ деревнѣ ученикъ рижской школы сдѣлался дѣльнымъ, практичнымъ хозяиномъ; племянникъ про него одного изо всѣхъ сосѣдей говоритъ, что дядя любилъ свое сельское хозяйство.

Но подъ старость хозяйственныя наклонности майора омрачились непривлекательной скупостью; отказывая себѣ въ платьѣ и ѣдѣ, онъ не изнашивалъ одного кафтана въ нѣсколько лѣтъ, а столъ его долго удивлялъ племянника грубымъ безвкусіемъ. Кромѣ того онъ, живя въ деревнѣ, сдѣлался рѣдкимъ законовѣдомъ, законы и указы заучилъ чуть не наизусть, предался страсти къ сутяжничеству, и часто злоупотреблялъ своими знаніями, пользуясь всякимъ случаемъ, чтобы заводить ссоры и тяжбы съ сосѣдями, отважно пускался въ „ябедническія предпріятія“.

На немногихъ страницахъ записокъ пришлось уже встрѣтить не малое число лицъ, отличавшихся любовью къ тяжбамъ и умѣньемъ вести приказныя дѣла. Въ первой главѣ этой книги была уже отмѣчена эта наклонность тягаться изъ-за участковъ помѣстій среди помѣщиковъ до-реформенной эпохи; къ концу XVII в. когда судопроизводство усложнилось, указы и толкованія ихъ умножались, страсть къ сутяжничеству, къ пріобрѣтеніямъ на основаніи переголкованной въ свою пользу буквы закона стала замѣтно охватывать все московское общество. Реформа своими законодательными мѣрами далеко не остановила развитія этой страсти, и въ первой половинѣ XVIII в. она проявлялась среди всѣхъ сословій. Приглядываясь къ любопытнымъ типамъ, которые даютъ живые памятники эпохи, подобные запискамъ Болотова, поражаешься, до чего сутяжничество и ябедничество искажало нравственную

природу человѣка. Это искаженіе показываетъ какъ громадно для общества воспитательное значеніе законодательства и учрежденій. Неясность законодательства, печальное состояніе судопроизводства не развивали въ людяхъ чувства законности: напротивъ, они создали цѣлое сословіе приказныхъ, промышлявшее именемъ закона, слывшее въ народѣ подъ презрительной кличкой „крапивнаго сѣмяни"; своими темными свойствами оно скоро заразило и прочія сословія; знаменитый Татищевъ настойчиво совѣтуетъ сыну въ своей „Духовной" изучать не только законы, но и ябедническіе пріемы, чтобы не проигрывать въ тяжбахъ. Такіе же совѣты давали юношѣ Болотову отецъ Иларіонъ и дядя майоръ.

Мы знаемъ, что зять Болотовыхъ, Тверской помѣщикъ Травинъ, заѣхавъ въ Каширу, остался вполнѣ доволенъ обстановкой жизни дворенинновскихъ помѣщиковъ и ихъ гостями; нѣсколько иначе относился къ нимъ старшій зять Неклюдовъ, помѣщикъ Псковской губерніи. Самъ онъ ни разу не заѣзжалъ въ Дворенниново; но когда 16-ти-лѣтній каширеңъ, проживъ года полтора одинъ въ своей деревнѣ, навѣстилъ ихъ проѣздомъ въ Лифляндію, Неклюдовы нашли, что юноша одичалъ и распустился; пожилая сосѣдка, недавно перебравшаяся изъ Петербурга, взялась пообтесать и вышколить его. Дѣйствительно, въ этой губерніи складывалась болѣе веселая, свѣтская, на европейскій манеръ, дворянская жизнь; самое домашнее хозяйство велось иначе.

Псковская губернія издавна отличалась производствомъ льна: всѣ тамошніе помѣщики занимались разведеніемъ его, сбывали въ Нарву, а оттуда за-границу; онъ служилъ самой доходной статьей ихъ хозяйства. Неклюдовъ, имѣя обширныя помѣстья, засѣвалъ ленъ въ большемъ количествѣ, кромѣ того, скупалъ у своихъ и сосѣднихъ крестьянъ; осенью особые наемные рабочіе трепали, перечищали этотъ ленъ и вязали въ опрятные тюки для продажи. Обработка доходнаго продукта очень оживляла хозяйство, вызывала постоянныя сношенія съ торговыми пунктами, близкими къ столицѣ. Самъ помѣщикъ, кромѣ начальной грамоты, никакимъ наукамъ не обучался и не имѣлъ ни малѣйшей склонности къ книжнымъ занятіямъ, за то очень любилъ всякія мастерства и художества;

для себя лично онъ держалъ ящики разнообразныхъ инструментовъ, самъ точилъ и рѣзалъ, и всѣхъ своихъ дворовыхъ обучилъ мастерствамъ; у него были хорошіе ткачи, портные, сапожники, свои токари, рѣзчикъ, слесарь, кузнецъ, даже сѣдельникъ; и чтобы никто не сидѣлъ безъ работы и не ѣлъ даромъ хлѣба. хозяинъ всѣмъ находилъ заказы и работу.

Дома Псковскихъ помѣщиковъ, по словамъ мемуариста. строились особеннымъ образомъ,—всегда на двѣ половины, одну жилую занимали хозяева. другую чистую, всегда прибранную, готовили для гостей и пріѣзжихъ. Домикъ Неклюдова, какъ достаточнаго человѣка, былъ хорошо отдѣланъ, стѣны оштукатурены и даже раскрашены масляными красками. Болотовъ по-долгу гостилъ у зятя и благодаря его открытой жизни перезнакомился съ его псковскимъ сосѣдствомъ. По именинпымъ и праздничнымъ днямъ у Неклюдовыхъ собиралось очень многочисленное общество; многія помѣщичьи семьи являлись во всемъ своемъ составѣ, съ прислугой, такъ какъ пріѣзжали не на одинъ день. Самымъ выдающимся гостемъ былъ полковникъ Сумароцкій. державшій даже свою „музыку"; но эта музыка еще мало походила на помѣщичьи оркестры конца XVIII в.; она состояла изъ трехъ или четырехъ человѣкъ дворовыхъ, игравшихъ на скрипкахъ самые употребительные танцы, а помѣщики возили музыкантовъ съ собой за колясками въ качествѣ лакеевъ. Именины у Неклюдовыхъ справлялись большимъ обѣдомъ. за которымъ много бесѣдовали, мальчика Болотова, пріѣхавшаго разъ прямо изъ Петербурга, усердно распрашивали, интересовались всѣмъ, что дѣлалось въ столицѣ. Вскорѣ послѣ обѣда появлялся оркестръ Сумароцкаго, и молодежь принималась за танцы; всѣ старательно выводили менуэты и контрдансы. Пожилыя барыни садились играть въ карты, которыя уже начинали распространяться въ провинціяхъ; любимой игрой былъ тогда пафелъ. Что касается мущинъ въ лѣтахъ, то „сіи упражнялись, держа въ рукахъ то и дѣло подносимыя рюмки, въ разговорахъ, а какъ подгуляли, то захотѣли и они танцами повеселиться". По ихъ приказанію музыка стала играть русскія плясовыя; барыни бросали карты и присоединялись къ пляшущимъ. „Къ музыкѣ присовокуплены были дѣвки со

своими пѣснями, а на смѣну имъ созваны были умѣющіе пѣть лакеи; и такъ попеременно то тѣ, то другіе утѣшали подгулявшихъ господъ до самаго ужина". Европейскіе танцы являлись только принадлежностью молодежи въ уѣздной глуши, и служили первымъ шагомъ къ сближенію общества: когда праздникъ разгорался, переходили къ старымъ русскимъ забавамъ. У сосѣднихъ псковскихъ помѣщиковъ, къ которымъ Болотовъ ѣздилъ вмѣстѣ съ родными, веселились точно также. Эти комнатныя забавы часто замѣняли охотой разныхъ видовъ, огромными рыбными ловлями, неводами и въ прорубяхъ и проч.

О столичной жизни дворянства Болотовъ говоритъ мало; онъ много разъ бывалъ въ Петербургѣ въ дѣтствѣ и молодости, но всегда былъ занятъ ученьемъ или службой, и его отзывы о людяхъ и нравахъ столицы приходится разнести по разнымъ главамъ нашего обзора. Эту главу мы закончимъ нѣсколькими словами по поводу пребыванія нашего героя въ Петербургѣ въ 1751 году; это оттѣнитъ и хорошо дополнитъ очеркъ дворянской жизни и нравовъ въ половинѣ прошлаго вѣка, какъ ихъ рисуютъ записки.

Въ 1751 году мальчику пришлось жить у дальняго родственника, ротмистра конной гвардіи Арсеньева. Послѣдній помѣщался при казармахъ, „свѣтлицахъ" своего полка, и занималъ цѣлый домъ пополамъ съ другимъ офицеромъ; его половина состояла изъ 4-хъ просторныхъ комнатъ; первая составляла залу или, по старинному, переднюю комнату и вмѣстѣ столовую, вторая спальню, третья и четвертая— дѣтская и лакейская; обѣ первыя были отдѣланы обоями и хорошо прибраны. Ротмистръ жилъ аккуратно и степенно, но въ довольствѣ, имѣлъ кружокъ хорошихъ знакомыхъ. Его молодая жена была „великая щеголиха", по словамъ Болотова, и предана вполнѣ свѣтской жизни, однако не выходила изъ повиновенія мужу; у нея была пріятельница, такая же свѣтская модница, и онѣ вмѣстѣ часто выѣзжали и принимали гостей. Въ обществѣ женщины и мужчины занимались картами, вошедшими уже въ столицѣ во всеобщее употребленіе: но игра еще не сдѣлалась въ массѣ такой дорогой и разорительной, какъ при Екатеринѣ II-й; играли только по вече-

рамъ въ ломберъ и тресетъ на маленькія суммы или вовсе безъ денегъ. и тогда принимали въ игру и племянника. Въ то время въ столицѣ нравы настолько смягчались, что нѣжныя ухаживанья, извѣстная тонкость обращенія и деликатная свѣтскость проникали въ самыя скромныя гостинныя. „Тогда, говоритъ Болотовъ, вся свѣтская нынѣшняя жизнь получала свое основаніе и начало. Все, что хорошею жизнію зовется тогда только что заводилось, равно какъ входилъ въ народъ тонкій вкусъ во всемъ. Самая нѣжная любовь, только подкрѣпляемая нѣжными и любовными и въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками, тогда получала первое только надъ молодыми людьми свое господствіе, и помянутыхъ пѣсенокъ было не только еще мало, но онѣ были въ превеликую еще диковинку. и буде гдѣ какая проявится, то молодыми боярынями и дѣвушками съ языка была неспускаема". Быстро, раньше другихъ подхватить новую пѣсенку, новое словцо. новую моду или манеру и составляло „щегольство". Мужчины изъ друзей Арсеньева послѣ обѣдовъ и ужиновъ занимались не виномъ. а вели оживленные разговоры. за которыми забывали время. Болотовъ. къ сожалѣнію. не могъ передать содержанія этихъ бесѣдъ; онъ былъ слишкомъ юнъ, чтобы понимать ихъ, такъ какъ бесѣдующіе по развитію стояли неизмѣримо выше деревенскихъ пріятелей его матери. По временамъ у ротмистра устраивались танцы; иногда компаніей ѣздили кататься на острова и за городъ. Вообще домъ дяди оказался для мемуариста школою свѣтской жизни: хозяева лаской и внушеньями заставили позабыть деревенскую грубость. и научили нѣкоторой развязности: мальчикъ скоро оказалъ такіе успѣхи, что принимался въ дамскій кружокъ, танцовалъ. игралъ въ карты, а тетушка модница разсылала его со своими порученьями.

Но и въ свѣтскомъ гвардейскомъ кружкѣ встрѣчались странные контрасты, свойственные неустановившемуся обществу: въ компанію щеголихъ заходилъ почти каждый день конно-гвардеецъ, пріятель Арсеньева, носившій, постоянно тулупъ; находясь подъ слѣдствіемъ, онъ не надѣвалъ мундира; впрочемъ, офицеръ былъ начитанный человѣкъ, очень любилъ

сентиментальные романы и, сойдясь съ Болотовымъ, развилъ въ немъ вкусъ къ этому чтенію.

Такъ кратко, но вѣско для изслѣдователя старины характеризуетъ нашъ мемуаристъ три фазы въ общественной жизни Елизаветинской эпохи: въ его родной Каширѣ глушь, пустота, старыя усадьбы XVII в., простые люди стараго закала, не прикасавшіеся къ этой старинѣ; въ одной изъ западныхъ губерній усадьбы подновлены и не пустуютъ; помѣщики устраиваются удобно и весело, обзаводятся пріятными и полезными новинками; третья фаза въ Петербургѣ, куда привлекались лучшія силы служилаго класса; здѣсь автора охватила свѣжая атмосфера веселой новой жизни молодого только что складывавшагося общества. Эта новая жизнь была тѣсно связана съ воцареніемъ Елизаветы Петровны, внесшимъ съ собой много успокоительнаго и вмѣстѣ оживляющаго; люди вздохнули свободнѣе и зажили вольнѣе и веселѣе. Съ паденіемъ исключительно нѣмецкаго вліянія ослабѣвала дисциплина и прежнія строгости; служилые люди, чувствуя себя свободнѣе отъ служебныхъ обязанностей, отдавали больше времени своей частной жизни и смѣлѣе слѣдовали въ ней индивидуальнымъ склонностямъ. Личная и общественная жизнь начали развиваться самостоятельнѣе. И прежде, при Петрѣ I, устраивались шумныя, грандіозныя увеселенія, за которыми отдыхали отъ усиленныхъ трудовъ работники и помощники преобразователя, но они носили оффиціально-государственный характеръ, совершались по поводу побѣдъ, удачныхъ предпріятій и вполнѣ соотвѣтствовали нравамъ и настроенію главы и кружка его сподвижниковъ. Въ слѣдующую эпоху вся общественная жизнь сосредоточивалась вокругъ двора, и маскарады, и праздники сохраняли придворный, тоже оффиціальный характеръ. При Елизаветѣ и въ среднихъ слояхъ дворянства, вдали отъ высшаго и придворнаго, явилась потребность въ общественной жизни, начали составляться веселые семейные кружки.

Центромъ кружковъ, зачинщицами веселья являются женщины, пересиливая старое первенство мужа; это уже не тѣ женщины, которыя вслѣдъ за юнымъ царемъ — „выбѣжали

изъ терема на улицу“ [1]), и немедленно бывали захвачены неопрятнымъ разгуломъ улицы; это въ извѣстномъ, довольно условномъ смыслѣ, конечно, сдержанныя нравственно сложившіяся личности, сами устраивающія себѣ „свѣтское“ положеніе; за ними появились въ общежитіи и болѣе мягкія взаимныя отношенія людей, больше вкуса и разнообразія въ удовольствіяхъ, больше живости и занимательности въ повседневной домашней жизни. При всѣхъ уродливыхъ крайностяхъ этой эпохи щеголей и щеголихъ, нельзя не признать за нею цивилизующаго значенія.

Въ кружкахъ мужчинъ въ эту пору играетъ роль живой общій разговоръ; это тоже до извѣстной степени историческое явленіе; возникновеніе общаго разговора въ общежитіи имѣло значеніе культурное, развивающее; на это указываетъ С. М. Соловьевъ, говоря объ европейскомъ значеніи Франціи и ея салоновъ въ XVIII в. Разговоръ является признакомъ выдѣленія индивидуальной жизни изъ массовой и обрядовой, появленія личныхъ мнѣній, которыя требуютъ обмѣна и подтвержденія. Но въ русскомъ быту умѣнье вести общій разговоръ развивалось весьма медленно. Винскій, долго жившій въ отдаленной провинціи за Волгой, писалъ въ началѣ XIX вѣка, что тамъ, въ компаніи, какой-нибудь ораторъ, человѣкъ бывалый, разсказываетъ, а все общество, собираясь вокругъ него, молча слушаетъ, и такъ проводятъ время.— Модныя любовныя пѣсенки, распространяемыя щеголихами, какъ выраженія личныхъ чувствъ, служили въ свое время средствомъ къ сближенію людей, смягченію нравовъ и оживленію общежитія. Болотовъ напрасно полагаетъ, что пѣсенки „получали тогда (1751 г.) только первое надъ молодыми людьми господствіе“; любовныя пѣсенки появились значительно раньше Сумарокова [2]); ихъ складывали галланты эпохи преобразованій. Вслѣдъ за переводными и своими русскими стишками и пѣснями появился интересъ къ французской и вообще западной беллетристикѣ и поэзіи; сентиментальные романы въ томъ же духѣ съ описаніями нѣжныхъ

---

[1]) Соловьевъ. Эпоха преобразованій. Т. 1.

[2]) Майковъ. Неизвѣстная русская повѣсть Петровскаго времени.

чувствъ переводились и списывались съ увлеченіемъ, и этотъ легкій матеріалъ сослужилъ свою службу тѣмъ, что пріучалъ и заохочивалъ къ чтенію.

ВОЕННАЯ СЛУЖБА.

Въ 1754 г. осенью Болотову минуло 16 лѣтъ, возрастъ, до котораго онъ, по распоряженію военной коллегіи, числился въ отпуску для обученія наукамъ. Еще съ лѣта отъ страха и печали у юнаго помѣщика кошки скребли на сердцѣ, и деревенская жизнь на полной волѣ, безграничнымъ властелиномъ своихъ домашнихъ, казалась ему особенно сладка, когда мрачной тучей надвигалась печальная необходимость обратиться въ сержанта армейскаго пѣхотнаго полка „и быть самому въ повиновеніи у многихъ“. Кромѣ начальства, избаловавшагося барчука страшилъ еще экзаменъ, безъ котораго сироту безъ покровителей могли надолго обойти производствомъ въ офицеры;—въ деревнѣ онъ позабылъ иностранные языки, практикуясь только по лексикону; за геометрію и фортификацію онъ не такъ боялся. Ему очень бы хотѣлось выпросить себѣ отсрочку; но отпуски вполнѣ зависѣли отъ военной коллегіи, и юношѣ все-таки приходилось разстаться со своимъ гнѣздомъ и выбирать между 2-мя исходами: ѣхать прямо въ свой полкъ, или отправляться въ Петербургъ попытать счастья въ коллегіи. Дядькѣ Артамону тоже не хотѣлось надолго покидать свою семью, и онъ стоялъ за эту попытку.

Любопытно, что юный новикъ въ половинѣ XVIII-го в. оказывался въ болѣе неопредѣленномъ положеніи, чѣмъ его предки, новики XVII-го в. О тѣхъ заботились на мѣстѣ, въ своемъ уѣздѣ, свои окладчики переписывали ихъ и отправляли куда слѣдуетъ, а сирота 1754 г. былъ предоставленъ самому себѣ; ни изъ полка, ни изъ Петербурга ему не присылали приказаній; и мальчикъ, сидя со своимъ дядькой, сильно трусилъ, какъ бы неправильнымъ поступкомъ не навлечь на себя взысканія. А тутъ еще безденежье, хозяйственныя хлопоты, заго-

товка форменнаго платья домашними руками задерживали выѣздъ. Только поздней осенью могли свезти хлѣбъ въ Москву на продажу и пріобрѣсти сумму, необходимую для обмундировки и выѣзда. Не мало курьезовъ приключилось во время сборовъ; по результатомъ возни съ деревенскими портными и бѣлошвеями оказалась рѣшительная мѣра для улучшенія домашняго хозяйства: одинъ камердинеръ былъ отданъ въ Москвѣ въ портные, чтобы въ будущемъ выручать барина изъ затрудненій по части гардероба

Въ Москвѣ юноша встрѣтился съ однимъ изъ старѣйшихъ офицеровъ своего полка и получилъ отъ него дѣльный совѣтъ,—отправляться прямо въ Лифляндію въ полкъ, гдѣ его уже давно ждутъ; поѣздку въ Петербургъ и хлопоты объ отсрочкѣ онъ считалъ напрасными, такъ какъ у Болотова не было тамъ милостивцевъ, которые бы похлопотали за него у Шувалова. Дворянниновцы доѣхали, однако, до Твери, но тутъ и дядька согласился, что здоровье будетъ направиться въ Лифляндію, не торопясь, черезъ Псковскую деревню Неклюдова, а тѣмъ временемъ послать слугу домой и выписать къ себѣ дорожный обозъ, то-есть полный штатъ прислуги, верховыхъ лошадей, коляску и телѣги съ запасами.

Все пока устраивалось хорошо. Неклюдовъ, сверхъ ожиданія, оказался дома въ отпуску; эти льготы, благодаря своимъ средствамъ, онъ себѣ довольно часто выхлопатывалъ. Родственники успѣли повеселиться на святкахъ и пріятно провести мясоѣдъ, и только по послѣднему зимнему пути двинулись въ полкъ. Поѣздъ нерстивыхъ служакъ былъ довольно громоздкій; сами они ѣхали еще въ саняхъ, а за ними двигался двойной обозъ съ ихъ лѣтними экипажами и колясками; каретами помѣщики стали обзаводиться нѣсколько позднѣе.

Отсюда начинается описаніе полковой жизни автора, страницы, полныя высокаго интереса для бытовой и военной исторіи прошлаго вѣка; по обилію фактовъ и подробностей, описаніе самое цѣнное въ этомъ родѣ; но, признавая эту цѣнность, нельзя не оговориться, что оно все-таки односторонне, одноцвѣтно и требуетъ поправокъ и дополненій. Причина односторонности, какъ уже указано, самая личность мемуариста, его удивительное душевное равновѣсіе и рѣдкое по тому

времени благонравіе; онъ не вникалъ въ темныя стороны быта, въ несчастьи и пороки. Кромѣ того слѣдуетъ помнить, что если въ описаніи сельскаго хозяйства и своихъ литературныхъ увлеченій онъ является вполнѣ самимъ собой и заставляетъ подумать надъ каждымъ своимъ показаніемъ, то въ военномъ мундирѣ онъ представляетъ довольно странную фигуру, подчасъ смѣшную. Онъ не только не проявлялъ никакихъ способностей къ военной службѣ, наоборотъ, питалъ внутреннее отвращеніе къ ней, въ которомъ долго не рѣшался сознаться самому себѣ. По своему трудолюбію и аккуратности онъ училъ солдатъ, блистательно постигалъ самые запутанные планы маневровъ, но и въ лагерѣ, и въ походахъ оставался неизмѣнно тѣмъ же кроткимъ и боязливымъ книжникомъ, чуждымъ военныхъ тревогъ, если онѣ не угрожали его жизни; онъ чаще и охотнѣе интересовался военными событіями, среди которыхъ жилъ, когда они доходили до него въ реляціяхъ и газетныхъ пересказахъ. Оттого-то многое, что занимало другихъ современниковъ, какъ напримѣръ, остроумнаго Данилова, совершенно не касалось сосредоточеннаго въ себѣ Болотова, не взирая на его отзывчивость.

Архангелогородскій полкъ въ 1755-мъ г., по прежнему, кочевалъ по Остзейскимъ провинціямъ; по прежнему, надъ массой русскихъ солдатъ господствовалъ весьма смѣшанный составъ офицеровъ; имъ тогда командовалъ полковникъ Планта де-Вильденбергъ, родомъ швейцарецъ, не говорившій ни слова по-русски. При немъ въ качествѣ ближайшаго довѣреннаго лица безсмѣнно состоялъ переводчикъ, подпоручикъ Зеллеръ, женатый на метрессѣ полковника и произведенный имъ въ офицеры. Командиръ былъ такой тихій и скромный старичокъ, что супруги Зеллеръ безконтрольно распоряжались имъ и его полкомъ, получали дань съ офицеровъ, давали отпуска и отставки за „барашка въ бумажкѣ“. Изъ двухъ полковыхъ майоровъ секундъ-майоръ былъ тоже кровный нѣмецъ, но образованный и дѣльный. Свирѣпый педагогъ Миллеръ, страстный любитель ручной расправы, оказался теперь уже въ числѣ иностранныхъ офицеровъ.

Среди генералитета находимъ тоже мало русскихъ на этой нѣмецкой окраинѣ, не смотря на народно-патріотическое на-

правленіе правительства Елизаветы Петровны. Когда автору записокъ пришлось выхлопатывать себѣ отпускъ въ Петербургъ, онъ имѣлъ дѣло съ представителями разныхъ націй отъ благодушнаго полковника швейцарца до бригаднаго генерала, не менѣе добродушнаго де-Бодэнъ [1]), чистѣйшаго француза старичка, и начальника всѣхъ войскъ края, строгаго остзейца, Матвѣя Ливена. Послѣдній доставлялъ не мало непріятностей русскимъ подчиненнымъ, иногда, не стѣсняясь, выражалъ свое презрѣніе къ нимъ и открыто покровительствовалъ своимъ землякамъ. „Я, сударь, лучше одному чухнѣ повѣрю, нежели всѣмъ офицерамъ полку вашего, а не только твоей командѣ и корчмарю, котораго ты, можетъ быть, закупилъ“, сказалъ этотъ русскій генералъ Неклюдову по поводу обвиненія его съ зятемъ въ покупкѣ завѣдомо краденой лошади.

Изъ лучшихъ офицеровъ самыми дѣльными, по отзыву записокъ, были все-таки ученики кадетскаго корпуса; о старѣйшихъ Гнѣвушевѣ и Колобовѣ есть свѣдѣнія въ маленькомъ сборникѣ аттестатовъ [2]). Капитанъ гренадерской роты Гнѣвушевъ считался лучшимъ ротнымъ командиромъ въ полку; онъ зналъ языки, и былъ очень любимъ полковникомъ Болотовымъ, но грѣшилъ страстью къ карточной игрѣ и завлекалъ въ игру товарищей. Вообще сынъ нашелъ довольно много отцовскихъ сослуживцевъ, и былъ ими принятъ самымъ сердечнымъ образомъ. На первое время юный сержантъ сошелся, впрочемъ, только съ ближайшими сосѣдями по ротной стоянкѣ, начитаннымъ нѣмцемъ майоромъ, снабжавшимъ его книгами, и молодымъ офицеромъ Грипевымъ, тоже изъ кадетъ, но позднѣй-

[1]) Въ 1736—38 гг. де-Бодэнъ служилъ майоромъ въ Сухоп. Кад. Корпусѣ, гдѣ дорожили практикой въ иностранныхъ языкахъ, и оттуда выпущенъ генераломъ въ армію.

[2]) Иванъ Гнѣвушевъ вступилъ 1732 г., выпущенъ изъ подпрапорщиковъ въ комерцъ-коллегію для обученія со слѣд. аттестатомъ: геометрію, планометрію, стереометрію окончалъ съ доказательствомъ, съ росс. на нѣмец. языкъ переводитъ хорошо, по-нѣмецки пишетъ хорошо, въ переводахъ съ нѣмец. на росс. имѣетъ начало изрядное, въ фехтованіи лексіоны принимаетъ хорошо, арпометику всю окончалъ, танцуетъ балетъ, въ универсальной исторіи въ окончаніи новой отвѣтствовалъ изрядно, въ географіи окончалъ. Штальянскую карту, нѣмецкую орфографію знаетъ изрядно.

шихъ; онъ бѣгло говорилъ по-нѣмецки и по-французски. Рядомъ съ этими исправными и подготовленными къ службѣ офицерами записки ставятъ добродушнаго капитана кн. Мышецкаго, перваго ротнаго командира автора, его друга и сожителя. Полковая поговорка позднѣйшихъ временъ „хорошій товарищъ, любимъ въ полку“ — вполнѣ подходила къ нему; никого такъ не любили въ полку, какъ добрѣйшаго и честнѣйшаго простяка князя. Въ тѣ времена грубаго произвола и злоупотребленій властью онъ былъ за панибрата съ подчиненными, оберегалъ низшихъ и покровительствовалъ младшимъ; любого солдата товарищи могли уговорить участвовать въ шуткѣ надъ веселымъ, лѣнивымъ капитаномъ, и солдатъ шелъ съ увѣренностью, что не получитъ и щелчка, что его благородіе самъ нахохочется до-сыта съ шутниками. Князь ухаживалъ, какъ пянька, за Болотовымъ, заболѣвшимъ горячкой, въ тревогѣ за ближняго позабывалъ даже свою неизлечимую страсть къ водкѣ. А лѣнь и водка совершенно искажали эту благородную натуру. Своимъ прямымъ дѣломъ, своей ротой, князь вовсе не занимался, довѣряя во всемъ младшимъ офицерамъ; по недѣлямъ нечесаный и немытый, лежалъ безшабашный добрякъ на постели, не снимая нагольнаго тулупа и разставивъ вокругъ себя бутыли съ водкой. Предчувствуя наступленіе буйнаго запоя, онъ приказывалъ себя заблаговременно связывать. Пилъ онъ всегда въ одиночку, не давая младшимъ офицерамъ и понюхать своей водки. Скоро, на глазахъ у мемуариста, этотъ честнѣйшій человѣкъ оказался настолько неспособенъ къ дѣлу, что передъ прусскимъ походомъ полковое начальство очень охотно отпустило его въ чистую отставку.

Былъ въ полку и комикъ, подпоручикъ изъ новгородцевъ, сохранившій во всей чистотѣ грубоватый говоръ своей мѣстности; кромѣ того, онъ былъ упрямъ, своенравенъ и не понималъ шутокъ, свойства, которыя, по отзыву мемуариста, общественное мнѣніе приписывало всѣмъ новгородцамъ. Его ссоры съ дельщикомъ, ворчня и новгородская брань служили обычнымъ предметомъ довольно ѣдкихъ шутокъ товарищей, а Болотовъ на нѣкоторое время прославилъ себя въ ихъ

кругу, сложивъ на похожденія подпоручика цѣлую пѣсню въ куплетахъ.

За очень немногими исключеніями, всѣ почти офицеры и сержанты полка были изъ дворянъ; только нѣмецъ Миллеръ считался мѣщанином; русскихъ офицеровъ изъ низшихъ сословій Болотовъ не указываетъ. Полковыя дѣла и порядки по службѣ велись въ Архангелогородскомъ полку довольно просто и патріахально; какъ и въ другихъ полкахъ они зависили отъ личныхъ свойствъ командировъ. Полковникъ Планта и французъ генералъ-маіоръ были добряки и справляли свое дѣло, не мудрствуя лукаво, не вступая въ близкія отношенія съ подчиненными, такъ какъ не понимали по русски. Вернувшись изъ отпуска, какіе довольно часто получалъ, не въ примѣръ прочимъ, черезъ всесильнаго Зелдера, Неклюдовъ поднесъ деревенскіе гостинцы полковнику и его фавориту переводчику. Болотовъ стыдливо умолчалъ о свойствѣ этихъ приношеній, но его смѣлый и остроумный современникъ Даниловъ свидѣтельствуетъ, что полковой секретарь за продолжительный отпускъ бралъ съ богатаго офицера до 12 душъ крѣпостныхъ, а полковой писарь за прописку паспорта—по одной душѣ; это—дорогая канцелярская такса; за нею слѣдовали безчисленныя подачки во всѣ протягиваемыя руки.

Къ новому сержанту-сиротѣ полковникъ отнесся довольно жалостливо и обласкалъ его. Вмѣсто экзамена онъ поговорилъ съ юношей немного по-нѣмецки, посмотрѣлъ его тетрадки съ чертежами по геометріи и фортификаціи, сдѣлалъ видъ, что понимаетъ по-русски, и вернулъ, похваливъ ихъ чистоту; этимъ формальность была выполнена: отъ сына бывшаго командира ничего больше не потребовали.

Незамѣтно, чтобы людей неволили работой въ этомъ полку; о тяжелыхъ временахъ Миниха, когда находили нужнымъ морить людей на одной верховой ѣздѣ, остались одни воспоминанія; тогда „почитали оную верховую ѣзду за солдатскую исправку и крѣпость, дабы скакать день и ночь, сутокъ 10 не спать, чего слабые люди не могли вынести, получали чахотку, лишались вовсе здоровья и даже жизни“, писалъ Даниловъ. При Елизаветѣ продолжительный миръ побаловалъ

служилое сословіе; гвардейцы изъ дворянъ [1]) ѣзжали на караулы въ бархатныхъ шубахъ съ муфтами, а слуги на запяткахъ держали шпаги и форменныя шапки своихъ господъ. Курьеры не скакали верхомъ, а мчались въ повозкахъ, проѣзжая тоже пространство быстрѣе и здоровѣе прежняго. — Сильно облегчившаяся съ эпохи преобразованій служба стала еще легче.

На сержанта Болотова не возложили никакихъ обязанностей, приказали только состоять при квартирмейстерскихъ дѣлахъ, т.-е. позволили жить съ зятемъ, квартирмейстеромъ и ничего не дѣлать. Мемуаристъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ это время и беззастѣнчиво высказываетъ по этому поводу весь тотъ просвѣщенный эгоизмъ, который составлялъ прочную подкладку его обычному душевному равновѣсію и примѣрному добронравію. „Ибо черезъ то избѣжалъ я опять песенія сержантской своей и многотрудной должности, не былъ принужденъ ѣхать въ роту, стоять въ какомъ-нибудь латышскомъ рею, жить съ солдатами вмѣстѣ и угождать во всемъ своенравію своего капитана“... „У меня была собственная моя коляска“, описываетъ онъ далѣе свои полковые походы, „трое людей (поваръ, лакей и дядька), а сверхъ того, верховая лошадь, почему и не имѣлъ я ни въ чемъ никакой нужды и не несъ никакой должности, а ѣхалъ себѣ въ прохвалъ въ своей колескѣ, между тѣмъ, какъ прочіе трудились и несли службу“. Тоже самое, если не худшее, могли сказать про свою службу и многіе изъ его полковыхъ товарищей; честнѣйшій изъ нихъ, капитанъ Мышецкій, находилъ возможнымъ ровно ничего не дѣлать; Неклюдовъ тянулъ лямку какъ попало, стараясь почаще возвращаться къ своему хозяйству и по возможности не упускать своихъ выгодъ и на службѣ, дѣлилъ командировки на выгодныя и невыгодныя и принималъ послѣднія, какъ немилость начальства, отъ которой не могъ откупиться.

Вообще офицерамъ и привилегированнымъ въ Архангелогородскомъ полку жилось недурно, нужно полагать, лучше и веселѣе, нежели въ глубинѣ и на востокѣ Россіи. Войска

[1]) Дмитріевъ, Мелочи изъ запаса моей памяти.

давно уже скучивались на прибалтійской окраинѣ въ виду тревожныхъ подвиговъ скоропалительнаго короля Фридриха II: товарищи однополчане жили недалеко другъ отъ друга, часто сближались съ другими полками, съѣзжаясь на шумные лагерные сборы и маневры. Офицеры, побойчѣе и пообщительнѣе, обзаводились знакомствами среди помѣщичьихъ семействъ, густо заселявшихъ весь край своими мызами. Наши военные, судя по ихъ отзывамъ, ничего не имѣли противъ стоянокъ въ балтійскихъ провинціяхъ. Почтенный маіоръ Даниловъ, избалованный службой въ столицахъ, остался очень доволенъ обходительной привѣтливостью рижанъ и находилъ, что тамъ прекрасно принимаютъ русскихъ офицеровъ.

Остзейскіе помѣщики въ виду частыхъ постоевъ, отстраивали близъ своихъ усадебъ отдѣльные домики для русскихъ офицеровъ, чтобы не стѣснять ихъ присутствіемъ свои семейныя помѣщенія. На долю полковыхъ квартирмейстровъ выпадали квартиры въ 4 комнаты, гдѣ они устраивались съ семьями еще удобнѣе, чѣмъ въ русскихъ дѣдовскихъ домикахъ; ротные командиры часто роптали, когда имъ давали только двѣ комнаты. У кого квартира оказывалась побольше, къ тому съѣзжались поболтать и поиграть въ карты. Неклюдовъ, дальше грамоты ничему на своемъ вѣку не учившійся, настолько отшлифовался полковой жизнью и своими псковскими сосѣдями, что водилъ компанію съ образованными нѣмцами и съ питомцами шляхетнаго корпуса; онъ былъ хлѣбосолъ, имѣлъ средства и принималъ гостей, не стѣсняясь.

Тяжеленько, конечно, приходилось сержантамъ и младшимъ офицерамъ, которымъ отводили квартиры по крестьянскимъ дворамъ. Болотовъ съ ужасомъ вспоминаетъ свой „чухонскій рей“ въ Эстляндіи. „Сіи реи составляютъ у тамошняго и глупѣйшаго въ свѣтѣ народа, вкупѣ и избы ихъ, и овины. Они и живутъ въ нихъ, и сушатъ свой хлѣбъ, и кормятъ свою скотину, а что того еще хуже, изъ тѣхъ же корытъ, изъ которыхъ сами ѣдятъ свою пудру или мѣсиво“. Здѣсь не было ни оконъ, ни дверей, ни лавокъ, и свѣтъ проходилъ только въ задвигающуюся дверь. Мелкій чинъ спасался отъ такой квартиры только дружбой съ кѣмъ-нибудь изъ старшихъ;

добрый ротный позволялъ подчиненному поселиться въ каморкѣ на своемъ подмызкѣ

Въ Лифляндіи крестьяне жили несравненно лучше эстонцевъ; ихъ избы, черныя и дымныя, строились съ окнами и разными пристройками, въ которыхъ устраивались русскіе постояльцы. Мемуаристъ, уже произведенный въ офицеры, выбралъ себѣ кладовую въ избѣ получше, сдѣлалъ въ ней потолокъ изъ рогожъ, перегородку изъ палаточнаго холста и бумажную окончину, и такъ дождался до благополучнаго времени, когда ему сдали роту и ротную квартиру.

Щегольство, охватившее гвардію въ царствованіе Елизаветы Петровны, замѣтно проявлялось въ армейскихъ полкахъ только во время маневровъ и лагерныхъ сборовъ, когда съѣзжался генералитетъ. Щеголяли, кромѣ маршировокъ и экзерцицій, убранствомъ лагерей; полки старались отличиться имъ другъ передъ другомъ. „Наилучшее украшеніе состояло тогда въ пирамидахъ и въ убраніи ротныхъ улицъ;“ ихъ усыпали разноцвѣтнымъ пескомъ и обкладывали дерномъ, по свидѣтельству записокъ.—Военные люди находили тогда, что— „цѣлое лѣто въ палаткахъ жить нѣсколько жутко и скучно“. Всякій, имѣвшій сколько нибудь денегъ, приказывалъ солдатамъ добыть лѣсу, и тѣ въ недѣлю сооружали ему избушку-свѣтличку съ сарайчикомъ и коморкой. Въ избушкѣ мемуариста было два окошка съ бумажными рамами, „каравать“, небольшой складной столикъ, скамейка и складной стулъ. „Я могъ въ ней себѣ сидѣть, читать и писать себѣ спокойно“, прибавляетъ преисполненный самыхъ мирныхъ наклонностей герой. Такимъ образомъ, вмѣсто походнаго лагеря, подъ мирнымъ женскимъ правленіемъ привыкали отстраивать цѣлую деревню.—Солдаты рыли себѣ тутъ же землянки, и, глядя на офицеровъ, тоже избавлялись отъ неудобствъ плохихъ, быстро промокавшихъ палатокъ.

Вотъ главныя черты изъ объемистаго болотовскаго повѣствованія о полковомъ житьѣ-бытьѣ служилаго сословія въ мирное время. О своей личной жизни и немногихъ товарищей, съ которыми доводилось сталкиваться, авторъ распространяется очень охотно; но составить себѣ общую картину военной жизни, по его повѣствованію, все-таки невозможно;

при всей своей правдивости въ мелочахъ, оно очень односторонне и монотонно, и потому рисуемая имъ картина далеко не обнимаетъ дѣйствительности; эта односторонность очевидна при сравненіи съ неменѣе правдивыми разсказами другихъ современниковъ. Записками Данилова не разъ уже приходилось дополнять свидѣтельства Болотова; возьмемъ краткія и малоизвѣстныя записки Лукина [1]), служилаго человѣка совершенно иного закала, и всего лѣтъ на 7, 8 старше нашего мемуариста. На невразумительно дикомъ разговорномъ языкѣ провинціи того времени мелкопомѣстный дворянинъ разсказываетъ, какъ его 16 л. взяли изъ геральдіи въ солдаты, и какимъ испытаніямъ онъ подвергался первое время своей службы. Не имѣя ни слугъ, ни лошадей, онъ шелъ пѣшкомъ изъ Москвы въ Выборгъ къ своему полку съ командой солдатъ и рекрутъ. Дорогой у него похитили съ общей повозки всѣ его вещи, мундиръ и деньги, и онъ остался въ шубѣ и нижнемъ деревенскомъ платьѣ. Въ Выборгѣ, истомленный усталостью, мальчикъ заснулъ на часахъ и подвергся тяжкому штрафу. Чтобы умилостивить своего капрала, ему посовѣтовали угостить его виномъ, на что и пришлось затратить послѣднія 4 коп.—Затѣмъ оставленный при ротной квашнѣ для печенія хлѣбовъ, онъ что-то попортилъ въ ней; капралъ опредѣлилъ взыскать съ него натурой 3 четверика муки, и Лукинъ въ тоскѣ прожилъ цѣлый мѣсяцъ безъ хлѣба.—А едва кончился этотъ искусъ, какъ стряслась другая бѣда; поставленный на караулъ на самомъ берегу моря, мальчикъ заснулъ, несмотря на всѣ усилія побороть дремоту. Капралъ, проходя дозоромъ, взялъ у спящаго ружье и передалъ одному изъ стоявшихъ на слѣдующихъ постахъ. Проснувшись, Лукинъ хватился ружья, вспомнилъ, что по артикулу за его проступокъ солдату полагается смерть, и съ отчаянія чуть было не бросился въ море, но одумался и пошелъ къ фронту самъ объявить свою вину.—„Но добродѣтельный и самый христіанскій часовой, стоящій во фронтѣ, обновилъ жизнь мою такимъ объявленіемъ, что онъ подлинно видѣлъ, какъ дозоръ у меня спящаго стоялъ и ружье мое взялъ съ

[1]) Рус. Архивъ, за 1865 г.

собой, и совѣтуя мнѣ, чтобы я о немъ не страшился, увѣряя, что капралъ честный человѣкъ, о томъ командѣ не донесетъ.“—Лукинъ, немного успокоенный, вернулся на постъ ждать новаго дозора со шпагой въ рукѣ, и при появленіи капрала проспалъ пощады.—„Но сей капралъ, хотя породою изъ крестьянства, но стоилъ добраго благоразумнаго солдата: вступилъ въ экспликацію моего поступка, доказывая важность вины и силу артикула, раздѣляя изрядно имя дворянское обсервировать, и тѣмъ больше чувствительно ободрилъ, сказавъ, что ружье мое не пропало, которое и приказалъ подать тому часовому и по отдачѣ мнѣ съ довольнымъ подтвержденіемъ простилъ Я же по принятіи ружья, не иначе себя счелъ, что изъ мертвыхъ всталъ, и сколь къ благодарности словъ моихъ находилъ, а паче объяснялся, чтобы въ вѣкъ мой его помнить и заслуживать: что мнѣ потомъ многократно, какъ уже былъ того полка сержантъ и за адъютанта, трафлялось“.

Какъ ни облегчалась дворянская служба, но для бѣдняковъ безъ покровителей тяжелая школа Лукина была обычнымъ удѣломъ; ее прошелъ въ солдатахъ Преображенскаго полка и Державинъ, казанскій гимназистъ, родившійся въ лучшихъ условіяхъ. И въ арміи, и въ гвардіи жило много людей, проходившихъ службу „съ фундамента“. Наивные и вмѣстѣ трагическіе эпизоды въ родѣ тѣхъ, о которыхъ разсказываетъ Лукинъ, должны были часто случаться въ массѣ нашей арміи, когда подростки дворяне смѣшивались въ одни ряды съ закаленными опытными солдатами изъ податныхъ сословій. Для такихъ служилыхъ людей вся жизнь зависѣла отъ личной выслуги.—Получивъ послѣ семилѣтней войны чинъ секундъ-майора въ гарнизонѣ, Лукинъ пишетъ: „Но могу по справедливости признаться, что сей чинъ дорого здоровью моему стоилъ: ежели бы каждый золотникъ крови моей, которая испортилась, всего дешевле поставить, то однако же великую сумму составить могло“. Вотъ тѣ самые—„прочіе, которые трудились и несли службу,“ въ то время, какъ Болотовъ катался въ колескѣ отъ стоянки до стоянки. Екатерининскій любословъ и философическій писатель не замѣчалъ, да съ высоты своихъ просвѣтительныхъ стремленій не нахо-

дилъ для себя интереснымъ замѣчать старыхъ русскихъ солдатъ, героевъ безотрадной службы и ихъ питомцевъ, новиковъ-подростковъ, подавленныхъ бѣдностью; и не черствость сердца, не холодность дѣлали это, а своего рода просвѣщенный индифферентизмъ, для котораго многія явленія жизни казались слишкомъ обыденны и грубы.—Въ сущности нашъ мемуаристъ по своему мирному душевному складу былъ гораздо гуманнѣе своихъ товарищей; а какія жестокости творились въ полку онъ высказываетъ невольно, между прочимъ, желая только оттѣнить свою дѣятельность и свое обращеніе съ солдатами.

Со введеніемъ регулярнаго строя къ отбыванію военной службы стали массами привлекаться податныя сословія; эти люди служили безъ сроковъ, безъ выслуги, за рѣдкими исключеніями, такъ какъ съ нихъ не требовали никакого образовательнаго ценза; офицерскіе чины становились привилегіей дворянства, которое этимъ пріохочивалось къ школьному образованію. Рекрутчина сдѣлалась одной изъ самыхъ тяжкихъ народныхъ повинностей; сдачей въ солдаты замѣняли уголовныя наказанія, иногда ссылку въ Сибирь и каторгу. Помѣщики отдавали въ солдаты провинившихся дворовыхъ и крестьянъ, и защищали отъ рекрутчины исправныхъ. Рекруты изъ волостныхъ крестьянъ спасались отъ своей участи въ бѣгахъ [1]); иногда съ отчаянія накрѣпко запирались въ своихъ избахъ и защищались до послѣдней крайности, а старосты со своими людьми приходили осаждать избы и овладѣвали ими приступомъ. Въ виду всего этого рекрутовъ новобранцевъ заковывали въ кандалы и отправляли въ полки этапнымъ порядкомъ, какъ каторжниковъ. Чѣмъ легче отдѣлывалось отъ службы одно сословіе, тѣмъ тяжелѣе дѣлались ея условія для другого.—Въ полкахъ битье солдатъ до увѣчій, иногда заколачиванье до смерти было дѣломъ обыкновеннымъ, какъ бы присущимъ самой службѣ, не даромъ же солдатчина оказалась въ числѣ уголовныхъ наказаній.

Когда передъ самой войной П. И. Шуваловъ замѣнилъ привычный порядокъ строевого обученія, т.-е. экзерцицію совершенно новой, руки командировъ заработали особенно

---

[1]) Дубасовъ.—Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края.

усердно: даже дѣльные, понимавшіе службу офицеры такъ неумѣренно спѣшили обученіемъ, что, „будучи уже слишкомъ строги, только что дрались, тѣмъ не только что солдатъ съ пути сбивали, но многихъ принудили бѣжать или иттить за увѣчьемъ въ лазаретъ“ [1]). Самъ Болотовъ, замѣняя своего добряка кн. Мышецкаго, предпочитавшаго постель и тулупъ выслугѣ и почестямъ, усердствовалъ надъ ротой денно и нощно, „но безъ строгости и всякихъ побоевъ“ даже. Трудолюбивый, внимательный ко всякой работѣ самоучка, онъ, безъ сомнѣнія, лучше всѣхъ въ полку постигъ длинное описаніе новой диспозиціи, и лучше, яснѣе другихъ объяснялъ ея хитрости; поэтому солдаты его роты скорѣе другихъ понимали новые пріемы, учились охотнѣе, даже подстрекали другъ друга, кто отчетливѣе „промечетъ артикулъ“, и при вступленіи въ лагерь рота получила публичную похвалу. „Солдаты были мною чрезвычайно довольны, говоритъ въ заключеніе авторъ, ни одинъ изъ нихъ не могъ пожаловаться, чтобы онъ слишкомъ убитъ или изувѣченъ былъ; ни одинъ изъ нихъ у меня не ушелъ и не отправленъ былъ въ лазаретъ или прямо на тотъ свѣтъ“. Въ концѣ авторъ правдивѣе, чѣмъ въ началѣ: не былъ же онъ въ самомъ дѣлѣ въ то еще жестокое время такимъ удивительнымъ феноменомъ, чтобы и легкой острастки не задать подчиненному; битый и сѣченый педагогами въ юности, онъ слишкомъ просто относился къ карательнымъ мѣрамъ, практикуемымъ относительно малыхъ и взрослыхъ, чтобы представлять собою настолько исключительное явленіе среди товарищей. Но что продѣлывалось другими командирами, то легко можетъ представить себѣ всякій читатель записокъ, дополнивъ воображеніемъ бѣглыя замѣчанія мемуариста; особенно должны были отличаться нѣмецкіе выходцы, совершенно чуждые массѣ подчиненныхъ, отдавшихъ имъ въ полную власть. Не въ характерѣ благодушнаго книжника разсказывать на поученіе потомкамъ, сколько солдатъ бѣжало отъ его бывшаго учителя Миллера, было имъ изувѣчено и забито; онъ даже самъ какъ будто забылъ всѣ истязанія, которымъ подвергалъ его почти на глазахъ родителей палачъ педагогъ.

---

[1]) Записки, т. I-й, стр. 357.

Относясь недовѣрчиво къ полному воздержанію Болотова отъ легкихъ колотушекъ и наказаній, нельзя за то не довѣрять его словамъ, когда онъ говоритъ о порядкѣ и дисциплинѣ, въ которыхъ онъ содержалъ роту. Хорошій хозяинъ, человѣкъ сдержанный и аккуратный, онъ не допускалъ никакихъ своевольствъ среди солдатъ относительно мирныхъ нѣмцевъ, у которыхъ они квартировали, и своею личной жизнью подавалъ примѣръ добронравія. Нѣмецкіе помѣщики, лифляндцы и курляндцы, не могли нахвалиться примѣрнымъ юношей.

Мало замѣчая жизнь внизу, въ солдатской массѣ, мемуаристъ довольно ярко обрисовываетъ свое петербургское начальство: очень любопытенъ его разсказъ о своемъ производствѣ въ офицеры. Тимофей Петровичъ, записывая сына въ полкъ, для приличія прибавилъ ему лишній годъ возраста; вслѣдствіе этого, явясь на службу 16 лѣтъ, юноша узналъ, что по спискамъ онъ просрочилъ годъ въ отпуску, и за это будетъ обойденъ производствомъ, — наказаніе очень чувствительное дворянчику, служившему только ради чиновъ. Ближайшее полковое начальство не могло помочь этому горю. Взявъ отпускъ и со слезами выпросивъ себѣ у офицеровъ аттестатъ, необходимый для производства, сержантъ съ неизмѣннымъ дядькой поѣхалъ самъ въ Петербургъ поправлять бѣду. Опытные полковые товарищи не ждали толку отъ такихъ рѣшительныхъ попытокъ одинокаго незнатнаго мальчика. И дѣйствительно, первое время челобитчики оказались въ Петербургѣ, какъ въ лѣсу: ни одного покровителя, ни одного свойственника не нашлось тамъ на ту пору, а безъ участія покровителей и милостивцевъ, въ тотъ вѣкъ фаворитовъ и случайныхъ счастливцевъ, никакія дѣла не дѣлались.

Только неожиданный случай и память о старыхъ отцовскихъ заслугахъ помогли юношѣ. Канцеляріей всесильнаго Петра Ивановича Шувалова, начальника военной коллегіи, правилъ тогда подполковникъ Яковлевъ и былъ въ свою очередь всесильнымъ любимцемъ фаворита; никакое производство, никакая просьба въ военную коллегію не миновали его рукъ. Просители отъ мелкихъ до генеральскихъ чиновъ съ ранняго утра толпились въ его пріемной и ждали выхода

изъ спальни; тутъ же толкалось нѣсколько десятковъ дворянъ въ унтеръ-офицерскихъ чинахъ, жаждавшихъ производства. Фаворитъ второго ранга былъ большой самодуръ, подобно большинству чиновнаго и властнаго люда того времени. Онъ не сразу благоволилъ обратить свое вниманіе на просителей и ихъ просьбы, а смотря по ихъ положенію и состоянію болѣе или менѣе долгое время то издѣвался надъ ними, то подвергалъ ихъ особому воспитательному режиму или испытанію въ благочестіи. Въ тонъ благочестивому настроенію императрицы и ея приближенныхъ, Яковлевъ выказывалъ большую набожность, ходилъ ежедневно къ обѣднѣ и къ другимъ службамъ по разнымъ церквамъ. Принимая просьбы, Яковлевъ строго приказывалъ молодымъ сержантамъ бывать у обѣдни въ одной съ нимъ церкви и каждый день являться на его пріемъ. Многіе по мѣсяцамъ ходили за начальникомъ по церквамъ, усердно обтирали стѣны его пріемной, и, не получая отвѣта на просьбы, бросали дѣло. А графскій любимецъ наблюдалъ за ними въ церкви, кто какъ себя ведетъ и молится; „на утріе, какъ они прихаживали къ нему, и когда было ему досужно, забавлялся онъ съ ними иногда шуточными разговорами и тутъ бывали обыкновенно имъ похвалы, а другимъ выговоры и осмѣянія. Кто болѣе всѣхъ учинилъ проступокъ, тому опредѣлялось наказаніе. Иной долженъ былъ за то итти пѣшкомъ молиться въ Невскій монастырь, а другой класть опредѣленное число поклоновъ, или стоять въ церкви передъ нимъ и молиться наиприлежнѣйшимъ образомъ".

Счастливая звѣзда помогла тутъ Болотову, а за одно съ нимъ произвели и другихъ, изнывавшихъ въ ожиданіи. Самодуръ, узнавъ, что онъ сынъ Тимофея Петровича, сказалъ: — „Батюшка твой былъ мнѣ милостивецъ, и я никогда не забуду его къ себѣ пріятства. Хорошо, мой другъ, ходи только къ обѣдни и чтобы я тебя всякій день здѣсь видѣлъ". Всего только нѣсколько дней походилъ счастливецъ къ обѣднѣ, заслужилъ своимъ благочестіемъ и кроткимъ поведеніемъ публичную похвалу Яковлева и оказался подпоручикомъ. Сторожа канцеляріи первые сообщили объ успѣшномъ производствѣ, бросившись обрывать съ него унтеръ-офицерскіе позументы.

Новый подпоручикъ былъ такъ радъ офицерству, что не возропталъ, что ему приходилось послужить первое время безъ жалованья; въ Архангелогородскомъ полку не случилось вакансіи его чина, а въ другой полкъ онъ ни за что не хотѣлъ переходить.

Не велико было, однако, это жалованье; по штатамъ Анны Іоанновны всего 84 р. въ годъ. Офицеръ жилъ главнымъ образомъ своими деревенскими доходами; небогатымъ, подобно нашему герою, приходилось крутенько, а бѣднѣйшимъ и совсѣмъ плохо. Трудно себѣ представить, какъ они изворачивались во время похода, если не имѣли кое-какихъ безгрѣшныхъ доходовъ по командѣ. Вотъ, что̀ стоили въ то время необходимыя для обмундировки вещи [1]):

Строевой мундиръ англійскаго сукна съ камзоломъ и двумя штанами	35 р.	— к.
Шляпа, строевая, съ позументомъ и перьями .	12 „	50 „
Шарфъ золотой съ однимъ золотымъ темлякомъ по подряду въ построеніи отъ полка -цѣлое.	27 „	50 „
Шляпа черная, съ плюмажемъ чернымъ . . .	3 „	50 „
Шпага томпаковая	5 „	— „

Не имѣть собственной прислуги и обходиться съ однимъ деньщикомъ офицеру казалось уже весьма печальнымъ; при тогдашнемъ хозяйствѣ служилаго человѣка, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, рѣдкости городовъ и торговыхъ мѣстъ его существованіе состояло въ прямой зависимости отъ прислуги. Если изъ деревни долго не присылали ни денегъ, ни припасовъ, или не знали, гдѣ стоитъ баринъ, гдѣ его найти, баринъ посылалъ въ деревню отъ себя человѣка, опытнаго, заслуживавшаго довѣріе, снабдивъ его наставленіями, что заготовить и привезти. Шубы, тулупы, теплая обувь, бѣлье и проч., все это сооружалось хозяйственнымъ образомъ и доставлялось на домашнихъ саняхъ или повозкахъ. Мы знаемъ, что у мелкаго помѣщика сержанта была своя коляска, трое

[1]) Масловскій, вып. II-й. Списокъ пропавшихъ подъ Цорндорфомъ вещей.

людей и обозъ, т.-е. 2, 3 повозки съ кухней и багажемъ; у другихъ, побогаче, особенно у семейныхъ, какъ зять автора, Неклюдовъ, возившій съ собой жену и дѣтей, бывалъ настоящій обозъ съ поварами, няньками, горничными.

Даже въ дальнихъ походахъ военнаго времени дворяне старались сохранить съ собой какъ можно больше того скарба, который они привыкли возить по отечеству. Начальству приходилось прибѣгать къ самымъ строгимъ угрозамъ, чтобы заставить чѣмъ нибудь поступиться. Когда на походѣ въ Пруссію въ 1756 г. приказали сохранить только по одной повозкѣ на офицера, всѣ пришли въ отчаяніе и подняли вопль; боялись, какъ бы не остаться безъ припасовъ, боялись за своихъ людей, которые при неудобномъ путешествіи еще охотнѣе бѣжали въ Польшу; многіе не послушались; несмотря на устрашающихъ размѣровъ обозъ, сохранили много лишняго, вовсе не походнаго скарба; прикрываясь чиномъ, титуломъ или покровительствомъ, возили въ Пруссію ученыхъ поваровъ и цѣлыя кухни. Одинъ капитскій сосѣдъ, Вельяминовъ, постоянно угощалъ Болотова прекрасными обѣдами на походѣ. Страдали отъ строгостей только смиренные и беззащитные офицеры. Ихъ положеніе было особенно тяжело, когда при послѣднемъ возвращеніи Апраксина въ Курляндію потребовали, чтобы офицеры умѣстились по два на одной повозкѣ; нѣкоторымъ дѣйствительно пришлось побросать много вещей, но Болотовъ съ большинствомъ ухитрился провезти съ собой даже громоздкія вещи, въ родѣ кроватей домашней конструкціи.

Несомнѣнно, что полковая жизнь и военное общество представляются въ запискахъ съ своей самой лучшей, самой опрятной стороны; по большей части, авторъ, въ разсказахъ о своей молодости просто дѣлитъ своихъ товарищей по службѣ и посторонихъ знакомыхъ на двѣ категоріи: одни болѣе образованные и воспитанные, съ которыми онъ водилъ компанію и входилъ въ дружбу; о нихъ онъ болѣе или менѣе распространяется; другіе кутилы, неразвитые, безъ умственныхъ интересовъ; авторъ держался подальше отъ нихъ и характеризуетъ ихъ кратко и неохотно; такъ онъ отзывается о своемъ капитанѣ Коржавинѣ, о походномъ квартирмейстрѣ Похвиснѣвѣ и многихъ друг. Наоборотъ, авторъ особенно подчеркиваетъ

свои знакомства съ развитыми людьми, раздѣлявшими его потребности въ образованіи и умственной жизни, говоритъ о нихъ охотно, часто съ увлеченіемъ. Средину занимаютъ товарищи добрые малые, обходительные и покладистые, безъ опредѣленной физіономіи; таковъ хлѣбосолъ Вельяминовъ, который умѣлъ хорошо угостить и устроить товарищей при самыхъ тяжелыхъ походныхъ условіяхъ.

Въ письмахъ о службѣ и походахъ перечисляется и описывается масса лицъ; самое время представляетъ наиболѣе интересный моментъ въ исторіи прошлаго вѣка, послѣ эпохи преобразованій; рамки болотовскаго описанія очень широки, но, тѣмъ не менѣе, какъ уже говорилось выше, общій характеръ его односторонненъ; Болотова рѣдко занимаютъ, напримѣръ, служебные и общественные интересы лицъ, съ которыми онъ сталкивался; онъ хватается прежде всего за внутренняго человѣка, человѣка самого по себѣ; его занимаетъ умственное развитіе, нравственныя наклонности лицъ; поэтому строй общественныхъ группъ, общественная дѣятельность, взаимныя отношенія людей часто остаются у него въ тѣни, черта, весьма любопытная не только для характеристики автора, но и умственнаго настроенія всего интеллигентнаго русскаго общества прошлаго вѣка.

Касаясь только мимоходомъ самыхъ неопрятныхъ сторонъ полковой и походной жизни, кутежей, бѣшенаго разгула въ нѣмецкой Капуи—Кенигсбергѣ, авторъ стыдливо оговаривается, проситъ даже извиненія у читателей, что разсказываетъ „такой глупый вздоръ“. Самъ онъ былъ красной дѣвицей и поражалъ своей скромностью и выдержаннымъ поведеніемъ всѣхъ товарищей; надъ нимъ даже рѣдко подсмѣивались; дѣльнаго юношу, серьезнаго, и вмѣстѣ веселаго и обходительнаго цѣнили и уважали.

Главнымъ занятіемъ военныхъ людей въ свободное время были карты; самые серьезные служаки увлекались игрой, и за нею часто позабывали добрыя и честныя отношенія къ товарищамъ. Капитанъ Гнѣвушевъ, не взирая на пріязнь съ покойнымъ отцомъ мемуариста и симпатіи къ нему самому, принялъ участіе въ той компаніи, которая удачно завлекла юношу въ единственную интересовавшую его игру, какъ

только въ полку узнали, что ему привезли деньги изъ деревни. Болотовъ быстро вырвался изъ этой компаніи, но другіе, болѣе увлекающіеся, запутывались въ игру на все время службы. Въ первый періодъ своей служебной жизни, то есть до водворенія въ Кенигсбергѣ, автору рѣдко приходится отмѣчать товарищей, которые бы серьезно интересовались литературой. Первымъ названъ сек. майоръ нѣмецъ Л. и съ нимъ его пріятель Гриневъ, воспитанникъ корпуса; записки называютъ нѣмца даже ученымъ человѣкомъ, и книги его оказались слишкомъ серьезными для автора-самоучки. Остальные товарищи способны были только схватывать пѣсенки, да изрѣдка почитывать забавные романы, въ родѣ Жиль-Блаза; впрочемъ, нашлись въ полку и почитатели „Аргениды“, политическаго романа привезеннаго Болотовымъ изъ петербургской академической лавки. Кой кто читалъ и трагедіи Сумарокова; одинъ унтеръ-офицеръ полка зналъ „Хорева“ наизустъ, и, побывавъ, вѣроятно, въ петербургскомъ театрѣ, декламировалъ всю трагедію съ выкриками, пафосомъ и жестами завзятаго актера. Онъ оказался такъ любезенъ, что подарилъ Болотову рукопись трагедіи и выучилъ его самого „покрикивать“ по модному стихи; мемуаристъ, отъ роду не видавшій театральныхъ представленій, приходилъ въ восторгъ отъ этихъ выкрикиваній. Но какъ бы то ни было, подобные любители стиховъ, да еще стиховъ въ то время образцовыхъ, по своему распространяли въ обществѣ интересъ къ литературѣ; среди армейскихъ полковъ, стоявшихъ на окраинахъ, они встрѣчались еще не часто

ПОХОДЫ АПРАКСИНА.

Семилѣтняя служба Болотова совпадаетъ какъ разъ съ годами семилѣтней войны; почти 4 г. изъ нихъ онъ провелъ заграницей и главнымъ образомъ въ Кенигсбергѣ. Большая половина перваго тома записокъ и первая половина второ̀го посвящены этимъ годамъ, поэтому записки являются един-

ственнымъ въ своемъ родѣ матеріаломъ для культурной исторіи центральнаго событія прошлаго вѣка. Даже новѣйшій военный историкъ семилѣтней войны признаетъ ихъ значеніе, хотя очень строго относится къ мемуаристу, разсуждавшему о военныхъ дѣйствіяхъ, не имѣя ни интереса, ни способностей къ своей обязательной службѣ. Эта строгость понятна со стороны военнаго изслѣдователя; но для неспеціалистовъ откровенное сознаніе автора въ небрежности по службѣ, въ отвращеніи къ ней, въ отсутствіи необходимой храбрости, иногда въ наивномъ эгоизмѣ, съ которымъ онъ радуется, что Провидѣніе не разъ избавляло его отъ активнаго участія въ бояхъ, полно и законченно дорисовываетъ эту типичную личность прошлаго вѣка. Со смѣшными, слишкомъ беззастѣнчивыми признаніями, даже съ эгоистичной трусливостью, насъ до извѣстной степени примиряетъ высказываемый авторомъ кое-гдѣ протестъ противъ войны вообще, какъ безсмысленнаго зла, протестъ еще не сознательный, но довольно рѣшительный.

Болотова мучаетъ отчаянное положеніе и смерть заболѣвшаго въ походѣ товарища, его торопливое погребеніе въ ямѣ при дорогѣ; онъ охотно повторяетъ вслѣдъ за нѣмецкими газетами, что русская армія, особенно казаки и степные наѣздники, варварски обращалась съ мирными жителями, но вовсе не отъ избытка довѣрія и симпатіи къ нѣмцамъ; душа его такъ глубоко возмущалась разгромомъ страны, который всегда наносится всякой войной, что онъ охотно готовъ былъ вѣрить, что присутствуетъ при неключительныхъ жестокостяхъ, могущихъ очернить нашу армію въ глазахъ Европы. Въ самыя тяжелыя минуты спѣшнаго обратнаго похода среди глубокой осени, авторъ скорбитъ о деревняхъ, погибающихъ въ пожарахъ.—„Боже мой, какія горестныя послѣдствія приноситъ съ собою война! Чѣмъ бѣдная сія деревня виновата, что случилась быть въ этомъ мѣстѣ“? [1]). И далѣе: „Особливаго въ сіе время ничего не случилось кромѣ того, что мы, какъ сущіе варвары, жгли повсюду села, дворянскіе домы и деревни, и днемъ курился вездѣ дымъ, а ночью повсюду ви-

[1]) Записки т. I-й, стр. 600.

димы были заревы и пожары. Какое зрѣлище для жалостливаго и человѣколюбиваго сердца!“ заканчиваетъ мемуаристъ уже въ тонѣ сентиментализма конца XVIII-го вѣка; — и все это для того только, чтобы не позволить 2-мъ эскадронамъ прусской кавалеріи слѣдовать по пятамъ за нашей арміей!“ — Эти опустошенія такъ глубоко возмущали его мирную душу, что онъ боялся ихъ не менѣе сраженій. — „Мнѣ самому таки случилось однажды командированну быть для истребленія огнемъ одной прекрасной деревни; но я радовался, что упросилъ другого офицера принять на себя сію комиссію, отъ которой я внутреннее имѣлъ отвращеніе“.

Болотовъ былъ чуждъ своей обстановкѣ. условіямъ военной жизни, не могъ правильно судить о нихъ, и потому былъ недовѣрчивъ къ тѣмъ, отъ кого они зависили. Когда человѣкъ очень дорожитъ собой, неспособенъ на самопожертвованіе и къ тому же скорбитъ объ угрожающей его разрушительной дѣятельности, вопросы почему? для чего? чрезвычайно обостряются въ его мозгу. Онъ жадно прислушивается къ обычнымъ пересудамъ распоряженій сверху и военныхъ дѣйствій въ средѣ товарищей, и мнительность побуждаетъ его критиковать своихъ командировъ съ озлобленіемъ; ему кажется, что они на каждомъ шагу подвергаютъ его то излишнимъ опасностямъ, то напраснымъ трудамъ, то не съумѣютъ воспользоваться плодами этихъ трудовъ. Фельдмаршала Апраксина, съ которымъ сдѣлалъ весь первый походъ, мемуаристъ разноситъ въ пухъ и прахъ; но достается и его преемникамъ, хотя при нихъ критикъ мирно жилъ въ Кенигсбергѣ и могъ судить только съ чужихъ словъ. И такъ, приступая къ эпохѣ семилѣтней войны въ запискахъ, слѣдуетъ помнить, что разсказъ ведетъ кабинетный книжникъ и сельскій хозяинъ, человѣкъ мирнаго порядка, ненавидящій разрушеніе и истребленіе.

Въ письмахъ о походѣ особенно замѣтно. что авторъ старался обработать свои записки въ цѣлое литературное произведеніе; въ основаніе онъ положилъ, вѣроятно, тотъ короткій журналъ [1]), который началъ вести съ выступленія въ походъ,

[1]) Томъ I-й, стр. 407.

и многое дополнилъ по памяти; разсказы очевидца здѣсь перемѣшаны съ выписками изъ нѣмецкихъ газетъ и реляцій о томъ, что въ это время происходило на другихъ театрахъ войны; все касающееся до войны сгруппировано вмѣстѣ. Онъ начинаетъ говорить объ этомъ событіи только съ наступленія походныхъ сборовъ, и тутъ прибавляетъ, что слухи о войнѣ давно уже волновали армію; онъ не касался ихъ въ предъидущихъ письмахъ, очевидно, желая расположить матеріалъ своихъ записокъ въ извѣстномъ порядкѣ.

По словамъ Болотова его полкъ принадлежалъ ко второй дивизіи, какъ тогда выражались, состоявшей подъ командой генералъ-аншефа Василія Абрамовича Лопухина, въ бригадѣ генерала Вильбуа; первой дивизіей командовалъ самъ Апраксинъ, а третьей Ферморъ, направленный другой дорогой къ Мемелю. Но по Масловскому Лопухинъ командовалъ въ началѣ похода первой дивизіей или лѣвой колонной, а вторая, правая колонна, шла подъ непосредственнымъ начальствомъ Апраксина; дорога же, по которой двигалась колонна Лопухина вполнѣ совпадаетъ съ мѣстечками, какими шелъ полкъ Болотова; вѣроятно мемуаристъ перепуталъ первую со второй дивизіей. О Лопухинѣ онъ говоритъ, какъ о своемъ командирѣ: это былъ самый любимый начальникъ въ арміи: при замѣчательной личной храбрости онъ обладалъ умѣньемъ обходиться съ солдатами, говорить съ ними, во время награждать и поощрять; человѣкъ родовитый и независимый, съ огромнымъ состояніемъ, онъ не стѣснялся награждать золотыми изъ своего кармана; какъ командиръ, держался лицомъ самостоятельнымъ, не дрожалъ передъ петербургскими стратегами-фаворитами, окружавшими императрицу. Между Ферморомъ и прочими нѣмцами, ловко дѣлавшими свою карьеру и тяжелыми на подъемъ русскими, эта личность выдѣлялась особенно выгодно; и авторъ невольно оттѣняетъ общаго любимца, вспоминая вслѣдъ за нимъ втораго начальника Вильбуа, строгаго къ дисциплинѣ, надменнаго, чуждаго солдатамъ иностранца, къ тому же необходительнаго и крайне вспыльчиваго. У Ковно произошло новое дѣленіе колонны; Архангелогородскій полкъ перешелъ отъ Лопухина къ генералъ-аншефу Брауну, въ бригаду Берха. Оба командира не играютъ ни-

какой роли въ повѣствованіи; авторъ былъ слишкомъ мало военнымъ человѣкомъ, чтобы интересоваться далекими отъ него и блѣдными личностями начальниковъ.

Изъ нѣмцевъ въ арміи особенно не любили братьевъ Ливенъ, и главнымъ образомъ Матвѣя, того самого покровителя нѣмцевъ и чухонъ, съ которымъ Болотовъ имѣлъ столкновеніе изъ-за краденой лошади; впрочемъ онъ иногда путаетъ въ своихъ отзывахъ имена Матвѣя и Юрія Ливенъ, такъ что приходится догадываться, о комъ онъ именно говоритъ. Про Георга, или Юрія, записки говорятъ, что онъ—„войсками не командовалъ, а находился при свитѣ фельдмаршальской, и придапъ былъ ему для совѣта или власно, какъ въ дядьки; странный по-истинѣ примѣръ! Но какъ бы то ни было, онъ имѣлъ во всѣхъ операціяхъ военныхъ великое соучастіе; но мы не покрылись бы толикимъ стыдомъ передъ всѣмъ свѣтомъ, еслибы не было при насъ сей умницы и сего мнимаго философа“. Между тѣмъ, списки генераловъ въ новѣйшемъ изслѣдованіи о первомъ прусскомъ походѣ свидѣтельствуютъ, что Юрій Ливенъ командовалъ кавалеріей въ дивизіи Фермора а Матвѣй при вступленіи въ Пруссію состоялъ въ авангардѣ. Первому, старшему чиномъ, молва приписывала роль злого генія въ военномъ совѣтѣ Апраксина: онъ отсовѣтовалъ фельдмаршалу преслѣдовать прусскую армію послѣ Гроссъ-Эгерсдорфскаго боя; своими запугиваньями заставилъ русскую армію повернуть назадъ въ Россію послѣ побѣды; наконецъ его прямо обвиняютъ въ измѣнѣ; а недовѣрявшій начальству Болотовъ охотно повторялъ эту молву. Въ арміи чувствовалось смутное сознаніе своихъ недостатковъ и промаховъ, сдѣланныхъ въ этомъ первомъ послѣ продолжительнаго мира тяжеломъ походѣ, и всѣ эти промахи охотно сваливали на голову пасолившаго русскимъ солдатамъ нѣмца.

Изслѣдователь походовъ Апраксина и Фермора признаетъ, что излишняя медленность движеній и избытокъ осторожности были главными недостатками обоихъ главнокомандующихъ и въ особенности Фермора, который къ тому же „отличился особенною заботливостью о нѣмецкомъ населеніи Восточной Пруссіи въ ущербъ русской арміи и русскимъ финансамъ“ [1]).

[1]) Масловскій, Походъ Фермора.

Такимъ образомъ его поведеніе оправдало до извѣстной степени непріязненное отношеніе арміи къ нѣмецкимъ совѣтникамъ Апраксина, котораго не смягчала храбрость, выказанная этими нѣмцами въ Гроссъ-Эгерсдорфскомъ сраженіи, когда оба Ливена, Вильбуа, Мантейфель, Веймарнъ и др. нѣмцы пострадали не меньше прусскихъ.

Сильно достается въ запискахъ и самому Апраксину. Провѣряя отзывы Болотова съ другими извѣстіями объ этомъ генералѣ и съ детальнымъ изслѣдованіемъ Масловскаго, нельзя не признать, что огульное осужденіе его дѣйствій является опять-таки результатомъ мнительности мемуариста, его крайней молодости и неспособности вникать въ военное дѣло. Причинъ отступленія послѣ побѣды онъ вовсе не понималъ, какъ и почти всѣ его современники. Но очеркъ домашней жизни фельдмаршала очень любопытенъ, какъ хорошая иллюстрація смѣси французскаго съ нижегородскимъ, которая господствовала въ высшемъ обществѣ Елизаветинскаго времени. На походѣ Апраксинъ помѣщался въ огромныхъ калмыцкихъ кибиткахъ убранныхъ коврами и коврами; кибитка, служившая спальней, нагрѣвалась всю ночь жаровнями и горящимъ спиртомъ, при немъ состоялъ лейбъ-медикъ, который спалъ тутъ же противъ своего командира. Адъютанты и ординарцы, вызываемые къ нему ночью, заставали своего фельдмаршала утопающимъ въ пуховикахъ, а въ головахъ за столикомъ сидѣлъ солдатъ-гренадеръ и разсказывалъ ему во все горло сказки для успокоенія душевнаго на сонъ грядущій. „То-то прямо приличное упражненіе для фельдмаршала такой великой арміи и въ такое время!“ восклицаетъ Болотовъ, бывшій ординарцемъ въ глубокую осень, когда армія, утопая въ грязи, возвращалась въ Курляндію. Когда авторъ доложилъ Апраксину, въ какомъ печальномъ состояніи оказались команды, ночующія въ пути, онъ „только приказалъ мнѣ итти въ свое мѣсто, а гренадеру продолжать сказывать сказку, прерванную моимъ приходомъ. Вотъ какого фельдмаршала имѣли мы въ тогдашнемъ нашемъ походѣ!“

Рядомъ съ Шуваловыми и Воронцовыми, первыми русскими корреспондентами Вольтера, при дворѣ жило много вельможъ съ открытою приверженностью къ народнымъ при-

вычкамъ и старинным успокоительным развлеченіямъ. Екатерининскій литераторъ стыдится такого командира; за одно слушаніе сказокъ, „нелѣпаго вздора“, онъ готовъ отнять у Аракчеева право на знаніе дѣла и здравый смыслъ, и представить недостойнѣйшимъ предшественникомъ просвѣщеннаго Кутузова, читавшаго съ тою же цѣлью нелѣпые французскіе романы. Какъ командира, армія, впрочемъ, почти не знала всемогущаго придворнаго Аракчеева; она вообще мало знала своихъ шефовъ, —результатъ неустойчивости порядка, господствовавшей въ тогдашней военной администраціи; генералитетъ безпрестанно смѣнялся, и полки, даже на походѣ, безпрестанно переходили отъ одного бригаднаго или дивизіоннаго командира къ другому, не успѣвая иногда ихъ хорошенько разсмотрѣть; о нравственныхъ связяхъ не бывало и рѣчи; они складывались кое гдѣ, какъ блестящее исключеніе, такова была любовь солдатъ къ Лопухину. Настоящіе отцы командиры вырабатывались въ слѣдующую, Екатерининскую эпоху.

Ни частныя извѣстія, ни оффиціальныя данныя не дадутъ точныхъ свѣдѣній о личныхъ распоряженіяхъ и поведеніи Аракчеева во время Гроссъ-Эгерсдорфской битвы; а между тѣмъ несчастный главнокомандующій, связанный въ своихъ дѣйствіяхъ Петербургской конференціей и дипломатіей, явился единственнымъ отвѣтчикомъ за неудачи похода и за всѣ недостатки русской арміи передъ правительствомъ и передъ общественнымъ мнѣніемъ. Въ запискахъ очень рѣзки и вмѣстѣ ясны заключительныя слова объ Аракчеевѣ, объ его смерти отъ волненія въ ожиданіи суда: объ немъ „никто не жалѣлъ, кромѣ однихъ его родственниковъ и кліентовъ, ибо впрочемъ все государство было на него въ неудовольствіи. Симъ образомъ погибъ сей человѣкъ, бывшій за короткое передъ тѣмъ время только знатнымъ и пышнымъ вельможею, и наказанъ самою судьбою за вѣроломство отечеству и поступку, произведшую толь многимъ людямъ великое несчастіе“. Въ тотъ моментъ порадовались даже назначенію нѣмца Фермора, увѣряетъ мемуаристъ, высказывая не свое мнѣніе —у юнаго служаки его еще не было, а повторялъ слова другихъ офицеровъ.

О численности арміи Болотовъ сперва приводитъ оффиціальные списки того времени, по которымъ оказывалось до

134 тыс., но затѣмъ оговаривается, что ни въ одномъ полку не было полнаго комплекта людей, и потому на дѣлѣ въ арміи стояло въ строю едва ли $^2/_3$ того, что числилось по спискамъ, то-есть не болѣе 100 тыс. человѣкъ; это подтверждается и новѣйшей исторіей похода.

Съ перваго дня похода обозы сдѣлались самымъ больнымъ мѣстомъ начальства и подчиненныхъ. При большомъ количествѣ крѣпостной прислуги, поваровъ, лакеевъ, имѣвшихъ тоже свой скарбъ, тогдашній полковой обозъ изъ тяжелыхъ громоздкихъ повозокъ, кишащій пестрымъ народомъ, передвигался шумно и безпорядочно, какъ орда старыхъ временъ. Вслѣдъ за каждымъ полкомъ тянулся подобный обозъ съ полковыми вещами и съ частнымъ живымъ и движимымъ имуществомъ, и сильно замедлялъ движеніе какъ своего полка, такъ и другого, который слѣдовалъ за нимъ по пятамъ по той же дорогѣ; если этотъ послѣдній обходилъ въ маршѣ обозъ своего предшественника, то случалось, что, отставая понемногу, обозы двухъ, трехъ полковъ перепутывались между собой, опаздывали на стоянки, заставляли людей пролежать всю ночь на воздухѣ подъ дождемъ и являлись на мѣстѣ только утромъ, когда готовились къ выступленію. Дивизіонное начальство нѣсколько разъ повторяло требованіе сокращать число повозокъ; офицеры же яростно отстаивали свое добро и часто успѣвали въ этомъ. Послѣ обычной терпимости къ привычкамъ дворянъ помѣщикамъ первое строгое предостереженіе показалось весьма несправедливымъ; оно застигло людей въ расплохъ передъ самымъ выступленіемъ; приходилось распускать крѣпостныхъ на всѣ 4 стороны и бросать цѣнныя вещи; перспектива никому не улыбалась, и полковые командиры сами бывали укрывателями ослушниковъ. У самого Апраксина было 250 подъемныхъ лошадей, 30 верховыхъ и 120 человѣкъ ливрейной прислуги; о простыхъ рабочихъ онъ и не упоминаетъ [1]).

Отъ гоненія на обозъ страдали главнымъ образомъ мелкіе чины, люди, не пользовавшіеся расположеніемъ полкового начальства или неумѣвшіе отдѣлаться отъ стро-

[1]) Сборникъ Истор. Общества, т. 9-й.

гостей. Но и покровительствуемому судьбой Болотову не довелось избавиться отъ убытковъ; онъ принужденъ былъ отобрать почти цѣлый возъ непужныхъ въ походѣ вещей, въ томъ числѣ нѣсколько десятковъ книгъ, и оставить все это на мызѣ пѣмца-товарища; тотъ завѣрялъ, что вещи сохранятся въ цѣлости; однако всѣ они пропали тамъ безвозвратно.

Походъ начался торжественнымъ выѣздомъ Апраксина изъ Риги при оглушительномъ громѣ пушекъ съ городскихъ стѣнъ. Но дорогѣ полки преклоняли предъ нимъ знамена, а юные офицеры, неискушенные въ такихъ зрѣлищахъ, восхищались азіатскою пышностью кортежа и громадной военной свитой. Вслѣдъ за фельдмаршаломъ выступили полки, сперва первой дивизіи, а за нею и второй (?) Лопухина. Но этой послѣдней удалось дождаться привоза вновь изобрѣтенныхъ въ вѣдомствѣ П. И. Шувалова орудій,—гаубицъ и другихъ, слывшихъ подъ названіемъ секретныхъ; дула ихъ были тщательно запечатаны; при каждомъ орудіи состояла особая команда изъ офицера и канонировъ, которые никого къ ней не подпускали, а самимъ имъ выдавать тайны дѣйствія орудій было запрещено подъ страхомъ смертной казни; оригинальное распоряженіе, весьма характерное для вѣка фаворитовъ и временщиковъ. На каждомъ шагу среди походовъ семилѣтней войны появляются подобныя привилегированныя команды; привилегированная артиллерія, дѣйствіе которой вовсе не оправдало ожиданій, стояла особнякомъ, какъ собственность своего петербургскаго организатора. Въ походѣ Фермора принималъ участіе привилегированный Шуваловскій корпусъ, Обсерваціонный, имѣвшій своего шефа, подъ верховной командой того же любимца и почти независимый отъ главнокомандующаго. Все это значительно оправдывало нестройность въ распоряженіяхъ всѣхъ 4-хъ предводителей.

По свидѣтельству нашего мемуариста полки шли очень медленно, дѣлали частыя дневки, останавливались нерѣдко въ такихъ мѣстахъ, гдѣ дневокъ не предполагали, поджидая то обозы, то запоздавшія изъ разныхъ мѣстъ Литвы и Малороссіи бригады; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ казаки и всадники инородцы, нагнали армію уже въ Польшѣ. Въ походный день дѣлали 10, 12, самое бо́льшее 15 верстъ; пройдя версту,

много дѣ, останавливались. Офицеры, слѣдуя верхомъ при своихъ ротахъ, скучали и тяготились этою медленностью; жаловались, что устаютъ отъ сидѣнья на лошади съ утра до вечера и томительнаго безлѣлья на дневкахъ. Нашъ мемуаристъ утѣшался мирными и полезными занятіями; онъ ѣхалъ передъ ротой съ одной изъ купленныхъ въ Ригѣ книжекъ въ карманѣ, и какъ только командовали „стой". онъ съ увлеченіемъ погружался въ чтеніе; на дневкахъ онъ раскладывалъ письменныя принадлежности и переводилъ тотъ же романъ на русскій языкъ, забывая погоду и неудобства положенія и подвергаясь комичнымъ походнымъ случайностямъ. Кромѣ того, эти полезныя „упражненія" спасали юношу отъ компаніи товарищей, развлекавшихся кутежами въ попутныхъ мѣстечкахъ. По временамъ останавливались сутокъ на трое для пріема провіанта, печенія хлѣба и заготовки сухарей; особенно долго простояли у Ковно, сборнаго мѣста для всей арміи, куда прибыли 6-го іюня. Тутъ наводили понтоны и перебирались черезъ Вилію и Нѣманъ.

Одно время Болотова назначали квартирмистромъ полка; онъ безъ особаго сожалѣнія разставался со своей ротой. Какъ ни выгодно съ хозяйственной стороны и ни лестно было для подпоручика командованіе, но честь и выгода выкупались скукой безотлучно состоять при людяхъ во время медленнаго марша. Юношескую живость больше занимала подвижная жизнь квартирмистра, быстро проѣзжавшаго весь дневной переходъ въ колясклѣ или повозкѣ; выбравъ мѣста для лагеря, офицеры располагали здѣсь своимъ днемъ, обѣдали и ужинали съ комфортомъ; они безпрепятственно возили за собой свою прислугу и кухню.

Близъ Ковно къ арміи присоединились полки конницы, шедшіе отъ Смоленска подъ командой Броуна. Здѣсь же собрался весь генералитетъ, и два раза составлялся военный совѣтъ, таинственные результаты котораго сильно занимали офицеровъ. Здѣсь же для чего-то заново передѣлили полки между бригадными командирами.

Болотовъ не зналъ, конечно, о чемъ совѣщались генералы, но не преминулъ порезоперствовать на ихъ счетъ, и не кстати, какъ это съ нимъ часто случалось: „Между тѣмъ, какъ мы

симъ образомъ и съ толикою медленностью тащились изъ Риги до Ковно, и тутъ со всѣхъ сторонъ понемногу собираясь, время свое не столько въ дѣлѣ, сколько въ праздности и пустыхъ излишествахъ препровождали, въ Богеміи и другихъ мѣстахъ продолжалъ горѣть огнь военнаго пламени".

Между тѣмъ не всѣ части присоединились еще къ арміи; у самой границы, у Вербалово (Вержболово) простояли цѣлую недѣлю въ ожиданіи Румянцева, который прибылъ сюда со своими кавалерійскими полками. По этому случаю полки снова передѣлили; сформировали авангардный корпусъ и, къ досадѣ арміи, поручили его Матвѣю Ливену. Передвиженіе другихъ полковъ изъ одной бригады въ другую тоже вызывало справедливую досаду. „Богу извѣстно, на что происходила такая тасовка!" — восклицаетъ мемуаристъ.

20-го іюля армія вступила въ предѣлы Пруссіи. Свѣдѣнія о непріятелѣ имѣлись въ ней не всегда, и не всегда точныя [1]); ихъ главнымъ образомъ собирали отъ прусскихъ дезертировъ, на которыхъ слишкомъ полагались; разъѣзды же дѣйствовали на слишкомъ узкомъ пространствѣ, недостаточно удаляясь отъ арміи или дѣйствуя неловко. Особенно неостороженъ въ развѣдкахъ былъ первый авангардный отрядъ де-ла-Рюа, настигнутый прусскими гусарами кавалерійскаго генерала Малаховскаго и прогнанный назадъ съ уономъ. Разсказъ Болотова объ этомъ дѣлѣ такъ сходенъ съ реляціями и газетами того времени, что, вѣроятно, составленъ съ ихъ помощью. Первая небольшая неудача очень непріятно подѣйствовала на армію, по крайней мѣрѣ на офицерство. Знаменитыя войска прусскаго короля были очень опасными противниками; это прекрасно знала русская армія и относилась къ нимъ слишкомъ почтительно и осторожно, чтобы не цѣпить малѣйшей удачи или неудачи. Оплошность ла-Рюа немедленно приписали тому, что онъ французъ, а выслалъ впередъ именно его, а не русскаго, предатель-начальникъ авангарда, Матвѣй Ливенъ. Начальство старалось сгладить непріятное впечатлѣніе разжалованіемъ француза-полковника

[1]) Это свидѣтельство записокъ немного неточно подтверждаетъ и историкъ семилѣтней войны.

въ рядовые и повышеніемъ его храбраго вахмистра, который одинъ останавливалъ разбѣгавшуюся команду.

Въ этой первой стычкѣ открылось, что мирные прусскіе поселяне при случаѣ очень охотно помогали своей арміи и яростно нападали на совершенно разстроенный отрядъ; у нихъ оказывалось и оружіе. Въ виду такой опасности для солдатъ, которой нельзя было и отвратить, взбѣшенный неудачей Апраксинъ разрѣшилъ впредь не щадить селеній и жителей; это и было причиной, по словамъ мемуариста, устрашающихъ злодѣйствъ и насилій; казаки и калмыки инородческой кавалеріи особенно обрадовались такому разрѣшенію и начали творить безчеловѣчія, „какія только варварамъ приличны и кои не только вліяли во всѣхъ прусскихъ жителей величайшую къ намъ ненависть и злобу, но и покрыли насъ стыдомъ и безславіемъ передъ всѣмъ свѣтомъ...“ Нѣмецкія газеты громко завопили противъ русскихъ варваровъ, совершенно забывая про знаменитые разрушительные подвиги прусской арміи въ Силезіи и Польшѣ и про слова самого Фридриха II-го, высказывавшаго, что онъ былъ бы очень радъ имѣть въ своей арміи такую легкую кавалерію, какъ наши казаки и инородцы.

Здѣсь случилось то-же, что повторяется и до нашихъ дней: на Россію взваливались самыя темныя явленія захватившей всю Европу военной грозы; а въ сущности варвары русскихъ степей врядъ ли чѣмъ отличались отъ навербованныхъ темными средствами войскъ культурныхъ странъ: а ихъ начальство по большей части душевно скорбѣло за послѣдствія войны и стыдливо старалось сдерживать порывы подчиненныхъ. Конференція дѣлала изъ Петербурга выговоры за недостатокъ дисциплины и очевидно боялась обвиненій заграничной печати. Нашъ герой и по симпатіямъ къ нѣмецкой печати, и по личнымъ гуманнымъ наклонностямъ въ сильнѣйшей степени высказываетъ эту ученическую боязнь худой славы въ Европѣ.

Вскорѣ вслѣдъ за неудачей ла Рюа опять сказались недостатки авангардной и развѣдочной части, отряды которой слишкомъ мало опереживали армію; гусары Малаховскаго, столкнувшись съ авангардомъ, оказались такъ близко, что про-

извели тревогу во всей арміи; неувѣренность въ себѣ, неточность получаемыхъ черезъ мѣстныхъ жителей свѣдѣній о прусской арміи заставили повѣрить, что самъ Левальдъ идетъ въ атаку со всѣми своими силами. Изъ-за напраснаго переполоха двѣ ночи подъ рядъ продержали по нѣскольку полковъ подъ ружьемъ.

Въ самой арміи съ переходомъ за прусскую границу соблюдались всѣ обычныя предосторожности. Разбивался правильный лагерь для всей арміи, окружался рогатками, а впередъ выставлялись пикеты съ пушками и Шуваловскими гаубицами. Вѣроятно, живя въ Пруссіи, Болотовъ наслушался не мало насмѣшекъ надъ этими рогатками, какъ весьма отсталой мѣрой предохраненія, и усиленно негодуетъ въ запискахъ на эту „смѣшную“ предосторожность; пикеты же раздражали его, потому что заставляли безпокоиться и проводить ночи подъ открытымъ небомъ. Когда дивизія Фермора присоединилась къ арміи, произошелъ опять передѣлъ полковъ по дивизіямъ; Архангелогородскій полкъ оказался въ авангардѣ подъ общимъ начальствомъ Сибильскаго [1]); но авторъ мало говоритъ объ этой личности, положеніе которой въ арміи очень любопытно для исторіи этого похода; онъ гораздо больше знаетъ своего ближайшаго командира Лиевена.

Каково же было настроеніе русскаго войска, отправлявшагося такъ далеко внутрь непріятельской страны на борьбу съ лучшимъ полководцемъ и лучшими войсками того времени? Болотовъ говоритъ объ этомъ довольно часто, но ужъ очень любитъ возиться со своими „чювствіями“ при разныхъ случаяхъ, причемъ дѣлается такъ многословливъ, что въ избыткѣ словъ самъ себѣ противорѣчитъ. Изъ подъ этого многорѣчія внимательный читатель можетъ добраться только собственными соображеніями до достовѣрныхъ чертъ, рисующихъ личность автора и его тогдашнюю обстановку въ падлежащей окраскѣ.

Первый отзывъ о настроеніи военнаго люда въ началѣ похода наивенъ и сбивчивъ: — „Мысли, что идемъ на войну въ страны отдаленныя и вражескія, терпѣть нужды, проли-

[1]) Саксонскій генералъ, служившій волонтеромъ въ русской арміи.

вать кровь и умирать за отечество... неизвѣстность, кто подвергнется сему несчастному жребію, приводили духъ въ нѣкоторые упыніе и разстраивали всю душу. Напротивъ, съ другой стороны предубѣжденіе о храбрости и непобѣдимости нашихъ войскъ.... мечтательное воображеніе, что мы по множеству нашему закидаемъ его даже шапками ободряло паки унылое сердце... и наполняла огнемъ военной ревности". Но это единственное мѣсто записокъ, гдѣ высказываются такія самонадѣянныя мысли; далѣе авторъ уже говоритъ, что „многайшіе воины чувствовали отъ пруссаковъ робость, трусость и боязнь". При первой тревогѣ Болотовъ имѣлъ случай видѣть, что не только молодые люди, какъ онъ, но и сами старые солдаты робѣли. Самъ онъ, 18-ти-лѣтній ротный командиръ, трусилъ, и дивился даже, какъ другіе не замѣчаютъ по его лицу его смущенія, — между тѣмъ по долгу службы читалъ своей ротѣ „предики" и ободрялъ людей. Наконецъ, когда уже обходили съ фланга армію Левальда и со дня на день ждали, что непріятель выйдетъ изъ окоповъ, и поднимали тревогу при малѣйшемъ его движеніи, люди начинаютъ проникаться воинственнымъ духомъ. Каждую минуту ждали приказа строиться въ „ордеръ-баталію" и того момента, когда каждый принужденъ будетъ позабывать и самъ себя и все на свѣтѣ и готовиться къ смерти; „первые выходившіе" жалостно прощались съ остающимися еще въ лагерѣ; чувствовались и робость, и волненіе въ крови; новичкамъ приходилось, говоритъ авторъ, „первую нѣсенку зардѣвшись пѣть." Съ фальшивой тревоги возвращались назадъ охотно. „Для трусости? вы скажете, обращается онъ къ читателю, — нѣтъ, я истинно не только не трусилъ, но еще болѣе спокоенъ былъ, нежели самъ думалъ". Минуты, тяжелыя сначала, слишкомъ затягивались, и нервы привыкали къ тревогѣ.

У Эгерсдорфскаго поля, передъ самой битвой, кое-кто задумывался о смерти и увѣчьи, но едвали уже не больше думали объ исходѣ сраженія; и „были многіе такіе, кои всѣ предстоящія опасности ни мало не уважали, но съ мужественнымъ духомъ, и позабывая все, готовились на сраженіе, какъ на нѣкое увеселительное пиршество". И это свидѣтель-

ство не преувеличено; современникъ, дворянинъ Лукинъ, слова котораго приводились раньше, вполнѣ по-солдатски разсказываетъ о проявленіяхъ этого „мужественнаго духа“ при Пальцигѣ и Куперсдорфѣ [1]).

Во время самой битвы въ Болотовѣ сказался его юный возрастъ, и онъ, насколько могъ при своемъ темпераментѣ, увлекся тѣмъ горячимъ движеніемъ, которое охватывало многотысячныя толпы народа; его личность отступаетъ, наконецъ, на задній планъ и выступаетъ впередъ жизнь массовая и быстро смѣняющіяся событія; отъ этого разсказъ о битвѣ на столько выигралъ въ литературномъ отношеніи, что былъ отпечатанъ отдѣльнымъ отрывкомъ гораздо раньше записокъ. Въ такія минуты человѣкъ особенно проникается сознаніемъ общаго дѣла, и даже авторъ — резонеръ не можетъ уже разобраться въ личныхъ „чювствіяхъ“. Какъ только вышли на Эгерсдорфское поле, — „оттого ли, что человѣкъ находится уже въ отчаяніи или окаменѣлости, или отъ того, что онъ находится не одинъ, а со множествомъ другихъ, не чувствуетъ онъ и далеко такого страха и боязни, какой чувствовать бы по природѣ и по существенной опасности и важности случая надлежало, и бываетъ уже гораздо бодрѣе и спокойнѣе духомъ“. И такъ, даже такой трусоватый, вовсе не военный человѣкъ, какъ Болотовъ, отъ всего сердца ненавидѣвшій опасности и разрушенія, оказался захваченнымъ общимъ движеніемъ массы; мы полагаемъ, что еслибы его полку выпало на долю стать въ первой боевой линіи, онъ не допустилъ бы свою роту отстать отъ храбрѣйшихъ командировъ. Изъ его отзывовъ о настроеніи своемъ и своихъ товарищей можно прослѣдить, какъ люди, отвыкшіе отъ войны, и новички, не нюхавшіе пороху, равно втягивались

[1]) Русск. Арх. 1865 г.... „Хотя и отдѣлемъ по повелѣнію команды отъ фрюнта, но употребляя о томъ великую мою просьбу, чтобы позволено было быть мнѣ и доказать вѣрность отечеству обще съ подчиненными солдатами при фронтѣ, на что и позволено, гдѣ находясь, не отступал отъ прямой солдата должности, шестикратное нападеніе непріятеля и храбраго съ обѣихъ сторонъ сраженія, всю военную дисциплину твердо соблюлъ... Непріятель былъ совершенно побѣжденъ (при Пальцигѣ), и многое число получилъ я съ моими подчиненными артиллерійскихъ орудіевъ и знамя»...

въ боевую обстановку. Остается только сказать вмѣстѣ съ историкомъ семилѣтней войны, что нравственный элементъ въ русскомъ войскѣ былъ очень могущественъ. Полное почтенія къ своему болѣе культурному врагу, оно съ сознательной рѣшимостью шло на историческій бой. Многоглаголивыя изліянія Болотова служатъ этому особенно любопытнымъ подтвержденіемъ, именно потому, что авторъ находился въ чуждой его душевному складу обстановкѣ, и все-таки поддался на нѣкоторое время ея вліянію [1]).

ГРОССЪ-ЭГЕРСДОРФСКАЯ БИТВА.

Пять писемъ, посвященныхъ описанію Гроссъ-Эгерсдорфскаго поля и самой битвы, мы выдѣлимъ въ особую небольшую главу; они этого заслуживаютъ, какъ уже сказано выше, въ литературномъ отношеніи, какъ лучшія по живости разсказа, въ которыхъ автору хоть разъ удается достигнуть нѣкотораго подобія художественности. Вслѣдъ за разсказомъ Болотова мы находимъ не лишнимъ привести краткое описаніе битвы по документальному изслѣдованію Масловскаго.

Эпизоды этой битвы, повидимому, еще очень интересовали общество Екатерининскихъ временъ; за нею сохранилось прозваніе „Аптаксинской баталіи", и несмотря напечальный конецъ и худую славу ея автора, первой битвѣ съ пруссa-

[1]) Почему же авторъ изслѣдованія „Русская армія въ семилѣтнюю войну" обрушивается на невольнаго воина съ очень строгой критикой? (стр. 18 и 49 разбора источниковъ). Полагаемъ потому, что при чтеніи записокъ онъ поддался удручающему дѣйствію многоглаголія, и, какъ военный человѣкъ, пришелъ въ негодованіе отъ курьезнаго перечисленія подъ рядъ на одной строчкѣ синонимовъ - „трусость, робость и боязнь", постыдныхъ для офицера; а за этимъ чувствомъ военный историкъ забылъ просто человѣка, дорожащаго жизнью и не любящаго войны, и проемотрѣлъ, что примиреніе съ необходимостью идти на смерть подъ давленіемъ настроенія массы, только подтверждаетъ его собственный взглядъ на русскія войска.

ками и въ слѣдующемъ поколѣніи приписывали особую важность и интересъ.

Мемуаристъ приступаетъ къ этому эпизоду со скромными оговорками, что такому маленькому человѣку, какимъ онъ былъ, нельзя было знать подробностей происходившаго въ арміи, что стоялъ онъ заброшеннымъ въ дальнемъ углу поля сраженія и никуда не двигался отъ своей роты, и правдиво выдѣляетъ при этомъ то, что самъ видѣлъ отъ того, что ему разсказали во время битвы и послѣ нея. Позиція близъ Эгерсдорфскаго поля была выбрана послѣ многихъ совѣщаній военнаго совѣта; мемуаристъ не смѣетъ судить о ней рѣшительно, но ему кажется, что она была выгодна. Эту позицію заняли 16-го августа, когда перешли съ праваго на лѣвый берегъ Прегеля и обошли укрѣпленную позицію Левальда, весьма невыгодную для русскихъ войскъ. Подъ лагерь и обозы заняли продолговатую возвышенность, лежавшую между долиной р. Прегеля и впадающей въ нее маленькой рѣчкой, и окруженную съ двухъ другихъ сторонъ довольно большимъ и частымъ лѣсомъ; отсюда было только двѣ дороги на Эгерсдорфское поле—прогалина между лѣсомъ и долинка около четверти версты шириной между глубокимъ буракомъ вышеупомянутой рѣчки и тѣмъ же лѣсомъ; обѣ были заняты нашими баттареями, а первая дефилея дивизіей Лопухина. Такимъ образомъ лагерь между рѣчками былъ неприступенъ, а для битвы на полѣ наши могли построиться первыми. Какъ только выстрѣлы указывали на движеніе непріятеля, въ русскомъ лагерѣ били тревогу и немедленно вели полки строиться близъ деревень Гроссъ и Клейнъ-Эгерсдорфъ, изъ которыхъ одну при первой же тревогѣ сожгли. Такъ было 14-го и 18-го августа. 18-го выстроили всю армію на полѣ въ боевой порядокъ, и два часа неподвижно ждали пруссаковъ. Но, какъ оказалось, тѣ только въ этотъ самый день перешли въ свою очередь Прегель, устраивали лагерь и собирались съ силами, а причиной тревоги было появленіе небольшаго прусскаго авангарда.

Авторъ замѣчаетъ, что прославившіеся умѣньемъ выбирать время пруссаки были не такъ глупы, чтобы напасть именно тогда, когда ихъ ожидали, да еще зная, что непріятель

значительно сильнѣе числомъ, и, конечно, ставитъ въ вину командирамъ, что такъ наивно ждали открытаго нападенія. Обстоятельства оправдали это недовѣріе,—битва произошла совершенно неожиданнымъ образомъ.

Вечеромъ 18-го послѣ военнаго совѣта приказали готовиться къ походу и забрать на три дня провіанту. Начались толки, что слабѣйшій числомъ непріятель самъ ждетъ нашей аттаки, что мы пойдемъ опять въ обходъ, спорили, гдѣ и какъ станутъ обходить. Между тѣмъ поспѣшно жарили и варили провизію; офицеры набивали ею дорожные мѣшки.

Ночью на 19-ое стоялъ сильный туманъ, который разсѣялся только съ восходомъ солнца. Въ это время армію поднялъ сигнальный выстрѣлъ, а затѣмъ пробили генеральный маршъ -знакъ къ походу. Палатки сложили и собрали обозы. Вся масса полковъ и обозовъ двинулась черезъ неширокую дефилею между лѣсомъ, которую занимали авангардъ и дивизія Лопухина. — Какъ всегда, обозы тѣснились, мѣшали войскамъ и путали движеніе; полки кучками пробирались съ большимъ трудомъ между возовъ и генеральскихъ колясокъ. Среди этой сумятицы раздался вдругъ крикъ — „Непріятель, непріятель“, и тотчасъ послышались увѣренія, что онъ перешолъ поле и деревню, что онъ чуть ли не въ обозахъ. Скоро узнали, что его увидалъ первымъ Московскій полкъ, стоявшій у выхода изъ дефилеи и уже прямо передъ собой.—„Чудное по-истинѣ и непонятное дѣло“! восклицаетъ авторъ, „ждали, стерегли непріятеля, и вдругъ недоглядѣли, какъ онъ самъ подошелъ“. — Тотчасъ, однако, началась по немъ канонада съ батареи близъ Московскаго полка. — Въ главной арміи настали минуты полнаго смятенія; обозы погнали въ разныя стороны; генералы и командиры метались въ поискахъ отъ одной части къ другой; кто кричалъ—„посылайте конницу“,—другіе двигали впередъ артиллерію, третьи вели пѣхоту, перелѣзая съ нею черезъ возы и фуры. Долго не могли разобраться за тѣснотой мѣста и общимъ замѣшательствомъ.

Одна только выдвинувшаяся впередъ дивизія Лопухина успѣвала строиться на небольшомъ пространствѣ оставшагося поля въ виду аттакующихъ пруссаковъ.—Позади нея однимъ

изъ первыхъ свели съ мѣста Архангелогородскій п. и, проведя кое-какъ черезъ обозы, до которыхъ уже долетали непріятельскія ядра, поставили на склонѣ ближняго холма близъ лѣса влѣво отъ дефилеи. Здѣсь полкъ Болотова въ ряду съ прочими полками авангарда оказался совсѣмъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ ставили накануѣ при фальшивыхъ тревогахъ. Отсюда, съ небольшой высоты, видно было первое время все поле, а стоять тутъ, на лѣвомъ крылѣ или флангѣ обоихъ армій, было сравнительно безопасно, такъ какъ кустарникъ и топкое болотцо съ ручьемъ отдѣляли счастливцевъ отъ непріятеля. Архангелогородцы видѣли отсюда, какъ рѣшительно, въ строгомъ порядкѣ шли пруссаки на вытягивающуюся вдоль лѣса нашу армію; на ходу они дали два залпа, и, подойдя совсѣмъ близко, дали третій залпъ всею первой линіей. Наши такъ долго не отвѣчали имъ, что на лѣвомъ флангѣ испугались за нихъ, и солдаты рѣшили было, что у нихъ заговорены ружья.—Но всѣ скоро утѣшились: наши пушки и ружья загрохотали сильнѣй непріятельскихъ; поле покрылось клубами дыма, и только изрѣдка, мѣстами, можно было разсмотрѣть, что на немъ происходило. Видѣли по времепамъ, что оба сражающіеся фронта находились близко другъ противъ друга Нашъ все время битвы стоялъ непоколебимо; первая шеренга какъ сѣла на колѣни, такъ и сидѣла; прусскій же фронтъ былъ въ постоянномъ движеніи, то отступая, то надвигаясь, но дрался такъ же мужественно. Позади обѣихъ линій суетились и скакали люди, подбирали раненыхъ, бѣжали роты подкрѣпленій, маршъ-маршъ провозили пушки и заряды.

На лѣвомъ флангѣ стояли спокойно; только баттарея съ холма, близъ самой роты Болотова скоро открыла огонь, и переминавшаяся безъ дѣла команда приняла живѣйшее участіе въ мѣткости выстрѣловъ, въ томъ числѣ и увлеченный зрѣлищемъ гуманный 19-ти лѣтній авторъ. Но дошло дѣло и до лѣваго фланга: Болотовъ увидалъ, какъ отъ самаго его края выдѣлились донскіе казаки и бросились на появившуюся у болотца прусскую конницу. За версту слышны были ихъ гикапье и ружейные залпы; по вскорѣ они маршъ маршъ понеслись назадъ и исчезли влѣвѣ за холмиками. Не успѣлъ

авторъ излить свое негодованіе на безтолковыхъ и безпорядочныхъ воиновъ, къ которымъ питалъ особую антипатію, какъ тамъ же, влѣвѣ, раздалась пальба и послышалось сильное движеніе. И тотчасъ у нихъ на холмѣ раздалась чья то спѣшная команда повернуть фронтъ, а на баттареѣ—„картечь, картечь“. Повернувъ роту, Болотовъ вмѣсто непріятеля видѣлъ только части своихъ войскъ и мельканіе командировъ и адъютантовъ, да слышалъ спѣшные залпы своей баттареи. Понемногу все затихло; фронтъ и пушки повернули попрежнему. Недоумѣніе архангелогородцевъ разсѣялъ разсказъ очевидца изъ другаго полка; оказалось, что прусскіе кирасиры и драгуны съ яростью бросились преслѣдовать бѣгущихъ казаковъ и наскакали на пѣхоту, стоявшую съ края лѣваго фланга; ряды нашихъ разступились, пропустили казаковъ, а съ ними и часть пруссаковъ; и начали рубить послѣднихъ со всѣхъ сторонъ; на остальныхъ посыпалась градомъ картечь съ повернувшейся на холмѣ баттареи. Только задніе липіи нападающихъ успѣли ускакать отъ неожиданной ловушки.

Все это происходило на флангѣ Болотова; о главномъ боѣ онъ разсказываетъ больше съ чужихъ словъ. На правомъ флангѣ тяжелые натиски выдержалъ храбрый полковникъ Языковъ со своимъ 1-мъ гренадерскимъ полкомъ, не допуская непріятеля къ обозамъ, и, благодаря канавамъ и рвамъ своей позиціи, продержался во весь бой.

Тяжелѣе всего досталось центру,—дивизіи Лопухина. Ее аттаковали пруссаки и осыпали своими залпами, когда она еще вытягивалась по полю, стараясь вывести въ дѣло побольше полковъ; и только послѣ 3-го залпа наши могли открыть огонь. Пруссаки имѣли преимущество въ обдуманной разсчитанности движеній, по приготовленнымъ всюду подкрѣпленіямъ. У насъ же выдвинули слишкомъ мало полковъ; многіе изъ нихъ остались за лѣсомъ; артиллеріи не хватало; подкрѣпленія посылались кое-какъ; вообще все совершалось по волѣ Божіей. Два часа сдерживали непріятеля полки Лопухина; но ряды ихъ совсѣмъ порѣдѣли; они липнлись почти всѣхъ (?) офицеровъ; наконецъ самъ любимый командиръ, смертельно раненый, оказался въ рукахъ пруссаковъ; какимъ

то сверхъестественнымъ порывомъ измученные люди бросились спасать его, и спасли умирающаго.

Но пруссаки прорвали наши ряды, добрались было до обозовъ. — Какъ мы побѣду одержали, — „сего ежели прямо разсудить, мы уже и сами не знали, самъ Богъ хотѣлъ насъ спасти“, пишетъ Болотовъ.

На подмогу центру двинулись полки изъ-за лѣса; послалъ ли ихъ кто, или сами они, настоявшись безъ дѣла, вздумали пойти на помощь товарищамъ, авторъ не знаетъ; только двинулись они впередъ черезъ лѣсъ, бросивъ свои пушки, которыхъ не могли провезти сквозь чащу. Къ счастью имъ удалось выбраться изъ нея какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ пруссаки смяли нашихъ; тутъ дрались уже по одиночкѣ, грудь съ грудью, забирая оружіе и заряды у мертвыхъ товарищей. Появленіе свѣжихъ полковъ все измѣнило; погибавшіе ободрились и примкнули къ нимъ, дали вмѣстѣ залпъ и затѣмъ ударили въ штыки. Пруссаки дрогнули и подались назадъ, чтобы оправиться, но имъ не дали времени — „наши сѣли имъ на шею“; тогда прусская храбрость обратилась въ трусость, — они совсѣмъ повернули назадъ. Это смутило остальныя ихъ части и ободрило нашихъ. — Пруссаки всюду начали отступать, сперва въ порядкѣ, но потомъ какъ стадо, безъ всякаго строя. На лѣвомъ флангѣ увидали это торжество и привѣтствовали восторженными криками. Черезъ минуту раздалась команда: „ступай, ступай“! и все громадными волнами бросилось черезъ болото и кусты гнать пруссаковъ. Когда вся армія перебѣжала поле, велѣли выстроиться, и всѣ потрясающимъ „Ура!“ провозгласили побѣду.

Вотъ сущность разсказа очевидца боя. Любопытно въ немъ фаталистическое отношеніе къ событію и его результатамъ, напоминающее знаменитыя описанія сраженій въ романахъ нашего времени: то же жалкое положеніе отвѣтственныхъ командировъ, которые о чемъ то думаютъ, а дѣла дѣлаются не соображаясь съ ихъ думами; когда люди дерутся и умираютъ, они кричатъ и мечутся, „какъ угорѣлые кошки“; тѣ-же подсказанные какими то импульсами поступки, причемъ кто то выкрикиваетъ команду и ее исполняютъ. Кромѣ Лопухина и Языкова Болотовъ рѣшительно не помнитъ именъ тѣхъ, ко-

торые руководили движеніями, не знаетъ даже своего знаменитаго современника, Румянцева, который своевременно вывелъ свои полки изъ за лѣсу на подмогу Лопухину и далъ рѣшительный оборотъ сраженію.

Для оцѣнки разсказа мемуариста посмотримъ, что говоритъ о Гроссъ-Эгерсдорфскомъ днѣ и событіяхъ, его подготовившихъ, документальная исторія похода [1]).

8—11 авг. наши передовые отряды конницы гусаръ и казаковъ (Демолина и Костюрина), перейдя рѣку Прегель, изслѣдовали дорогу на Алленбургъ къ Кенигсбергу; на этой дорогѣ, нѣсколько болѣе длинной, чѣмъ первый предполагаемый путь правымъ берегомъ Прегеля, нашлись запасы и фуражъ, даже магазины, достаточные для мѣсячнаго содержанія всей арміи. Кромѣ того дорога къ Кенигсбергу оказалась настолько открытой, что нѣкоторыя конныя части могли уже тогда добраться до города. Къ сожалѣнію, командирамъ не было извѣстно, что въ городѣ царила полная паника, и они слишкомъ осторожно повернули назадъ раппортовать фельдмаршалу.

Въ эту пору прусскій главнокомандующій твердо держался въ укрѣпленной позиціи на правомъ берегу Прегеля, закрывая намѣченный русскими путь на Кенигсбергъ, путь уже пустынный и разоренный, жители разбѣжались толпами передъ казачьими разъѣздами. У насъ прекрасно знали всю крѣпость позиціи врага. 12-го авг., когда Ферморъ присоединился къ главной арміи и Демолинъ доложилъ о результатахъ рекогносцировки, собрался военный совѣтъ и рѣшилъ переправиться на лѣвый берегъ рѣки; этимъ обезпечивали себя продовольствіемъ и заставляли непріятеля покинуть свою выгодную позицію и искать другаго мѣста для встрѣчи. — На слѣдующій день навели всѣ шесть мостовъ; 14, 15 и 16-го армія переправлялась частями и стала лагеремъ на возвышенной площадкѣ, расположенной угломъ между Прегелемъ и болотистымъ ручьемъ; а передъ лагеремъ тянулся лѣсъ, частью мелкій и болотистый, частью довольно густой, отдѣлявшій насъ отъ Гроссъ-Эгерсдорфскаго поля. Сквозь этотъ

[1]) Масловскій. I-й выпускъ, гл. VII-я.

лѣсъ было два довольно тѣсныхъ прохода; позиція крѣпкая и неприступная для лагеря, но рискованная въ случаѣ пораженія, такъ какъ отступить пришлось бы черезъ рѣчку.— Но нашъ генералитетъ вовсе не ожидалъ, что именно здѣсь доведется принять генеральное сраженіе; напротивъ, думали идти впередъ на Кенигсбергъ по Алленбургской дорогѣ.

Къ 17-му числу Левальдъ вполнѣ убѣдился, что русскіе перешли на другую дорогу. Онъ тотчасъ покинулъ свою позицію, перешелъ въ свою очередь Прегель и рѣшилъ атаковать. Большой лѣсъ, тянувшійся по другую сторону Гроссъ-Эгерсдорфскаго поля, скрылъ отъ нашихъ движеніе всей прусской арміи. Только передовые конные отряды подъѣзжали довольно близко, чтобы разсмотрѣть нашу новую позицію; они произвели тѣ тревоги 17-го и 18-го авг., которыя Болотовъ именуетъ первой и второй. Наши развѣдочные отряды оплошали въ эти дни и не открыли главнаго маневра врага. Причиной такой небрежности полагаютъ слишкомъ осторожное, конфузливое пользованіе легкой казачьей конницей; генералитетъ боялся новыхъ обвиненій въ грабежахъ и „русскихъ варварствахъ“, боялся столкновеній съ сельскимъ населеніемъ, и потому не отпускалъ казаковъ далеко отъ арміи; во всякомъ случаѣ, истиннаго положенія пруссаковъ не знали до боя.

Въ русской арміи на 19-ое авг. получили приказъ въ 4 часа утра собрать лагерь и двинуться въ путь. А пруссаки съ перваго часу ночи шли уже къ Гроссъ-Эгерсдорфу, и къ 4-мъ часамъ, когда только еще вставалъ нашъ лагерь, оказались на полѣ построенными въ боевой порядокъ; имъ очень помогъ бывшій на разсвѣтѣ туманъ. У насъ—„только начали всѣ къ походу приготовляться, получено отъ форпостовъ извѣстіе, что непріятель паки изъ лѣсовъ показывается“. Апраксинъ приказалъ ударить тревогу и самъ „поѣхалъ тотчасъ съ нѣкоторыми генералами непріятеля рекогносцировать“. При этомъ фельдмаршалъ находился въ немалой грусти, какъ свидѣтельствовалъ въ собственныхъ донесеніяхъ. Тѣмъ не менѣе возможныя при непріятныхъ обстоятельствахъ распоряженія дѣлались: авангарду Сибильскаго (у южной дефилеи противъ болотистаго перелѣска), приказано строить фронтъ противъ непріятельскаго фланга; 2-й дивизіи (Лопухина) сомкнуться

съ авангардомъ, и стать къ непріятелю фронтомъ передъ обозомъ и вдоль того прилѣска, который былъ передъ лагеремъ и обозомъ; а 1-ой дивизіи, простирая лѣвое крыло къ правому второй дивизіи, продвинуться впередъ между прилѣсомъ и обозомъ. „Резервъ позади полковъ второй дивизіи, между лѣсомъ и обозомъ для закрытія онаго и въ потребномъ случаѣ для подкрѣпленія“. Но аттака началась прежде, чѣмъ успѣли что либо выполнить. Конница принца Голштинскаго бросилась на 2-й Московскій полкъ, когда еще на возвышенности надъ ручьемъ не было полковъ; тамъ дѣйствовала только одна баттарея; она помогла Московскому полку отразить натискъ, и принцъ отретировался за прилѣсокъ. Полки же дивизіи Лопухина, не выжидая приказа, начали по одиночкѣ пробираться сквозь обозы и выстраиваться по лѣвую и правую сторону этого полка, застывшаго на мѣстѣ уже подъ огнемъ пруссаковъ. Дивизія Фермора еще не появлялась, чтобы примкнуть къ ней, какъ на нее двинулся прусскій генералъ Доона всей первой линіей. Бой начался ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ; затѣмъ прусскія полки заняли то мѣсто, гдѣ фланги обѣихъ дивизій должны были сомкнуться, и бой разбился по частямъ.

Во время аттаки Доона полки Сибильскаго только строились на возвышенности лѣваго фланга, а полки Фермора, задерживаемые огнемъ и аттаками прусской кавалеріи ихъ лѣваго фланга, медленно растягивались вдоль лѣса, уже отрѣзанные отъ Лопухина; они не успѣли первое время поддержать три полка регулярной конницы, уже выдвинутыхъ впередъ. Многолюдная кавалерія Малаховскаго и Шорлемера оттолкнула нашу конницу назадъ, и нѣкоторые прусскіе гусары страшнымъ натискомъ успѣли прорваться даже въ обозы. Большую услугу оказалъ тутъ гренадерскій полкъ Языкова; прикрывая баттерею, онъ успѣлъ повернуть фронтъ и ружейнымъ огнемъ отбросилъ массу непріятеля назадъ, что и помогло укрѣпиться полкамъ Фермора. По другую сторону этой баттареи стояли въ 2 линіи 5 полковъ Брауна, позади 4-хъ кавалерійскихъ полковъ и стойко отразили аттаки конницы. Видя, что полки Фермора утвердились-таки на своемъ мѣстѣ, Левальдъ двинулъ противъ нихъ въ помощь конницѣ сильныя подкрѣпленія изъ

пѣхоты Доона; но непрерывный огонь баттареи и ружей русской пѣхоты сильно разстраивалъ пруссаковъ.

Между тѣмъ какъ центръ Лопухина отчаянно сопротивлялся массѣ прусской пѣхоты, а правый флангъ успѣлъ-таки установиться въ боевомъ порядкѣ и отразить конницу, на лѣвомъ флангѣ долго было спокойно; полки Сибильскаго занимали выгодную позицію надъ болотистой лощиной, укрѣпленную баттареей. Прусской конницѣ и некогда и рисковано было аттаковать ихъ. Причиной же бездѣйствія нашихъ была, вѣроятно, нерѣшительность самого Сибильскаго, медлившаго дѣйствовать въ виду сильной конницы принца Голштинскаго, скоро подкрѣпленной другими полками, и наконецъ, прибывшимъ сюда Шорлемеромъ. Въ разгаръ боя казаки, стоявшіе на краю лѣваго фланга, рѣшились дѣйствовать сами. Полковникъ Серебряковъ двинулъ ихъ стремительнымъ маршъ-маршемъ на принца и Шорлемера, когда тѣ стояли всего въ верстѣ отъ нашей линіи. Затѣмъ обычнымъ маневромъ, какъ бы испугавшись, они повернули назадъ къ своимъ, обскакивая болото. Прусская конница тотчасъ бросилась ихъ преслѣдовать до самой нашей пѣхоты, та раздалась, пропустила казаковъ и часть разскакавшихся пруссаковъ, которыхъ тутъ же перерубили. Баттарея, повернувъ пушки, осыпала замявшуюся массу конницы картечью, и та въ полномъ безпорядкѣ бросилась назадъ. Вслѣдъ затѣмъ рѣшилась и участь боя. Центръ Лопухина совсѣмъ изнемогъ, доведя упорство до человѣчески возможнаго; полки потеряли болѣе половины офицеровъ. Смертельно раненаго Лопухина едва отбили у пруссаковъ [1]), генералъ Зыбинъ былъ убитъ, много генераловъ изранено; совсѣмъ ослабѣвшимъ баталіонамъ приходилось отступать въ лѣсъ. Въ это время четыре полка Румянцева ударили на прусскіе полки, занявшіе перерывъ между 1-й и 2-й дивизіей. (По чьей ини-

[1]) Русск. Арх. 1872 г. Записки Лубяновскаго, ст. 125. „Знатный былъ генералъ Василій Абрамовичъ, солдаты любили какъ дѣтей. Приходитъ вѣсть изъ авангарда, что пруссакъ неожиданно поднялся. Лопухинъ полетѣлъ прямо въ пылъ сраженія, раненъ и въ плѣнъ взятъ. Вставай, живые и мертвые! Отецъ нашъ въ полону! закричали солдаты. Плѣннаго отбили и непріятеля прогнали. Васс. Абр. умеръ отъ раны на полѣ сраженія, и калмыки покупали свѣчи и отправляли по немъ панихиды".

ціатиѣ двинулся Румянцевъ — неизвѣстно; мѣстопребываніе Апраксина во время боя тоже неизвѣстно). Вся картина измѣнилась: „они (пруссаки) по жестокомъ кровавомъ сраженіи съ достаточнымъ числомъ своихъ войскъ въ наивящщемъ безпорядкѣ свое спасеніе бѣгствомъ искать стали". Тутъ двинулся впередъ и петропутый нашъ лѣвый флангъ и соединился съ ожившей дивизіей Лопухина. и пруссаковъ всюду прогнали съ Гроссъ-Эгерсдорфскаго поля.

Изъ сопоставленія историческаго описанія съ разсказомъ очевидца-современника становится яснымъ, что послѣдній говорилъ только о томъ, что видѣлъ и помнилъ, или слышалъ тутъ же отъ товарищей; но многихъ подробностей боя онъ не зналъ. Онъ не видѣлъ праваго крыла нашей арміи съ своего холма, и почти ничего не говоритъ о немъ, упоминая только о храбрости и энергіи Языкова; о движеніяхъ Фермора. Брауна и регулярной кавалеріи онъ или не слыхалъ или забылъ сказать. Но то, что онъ видѣлъ и знаетъ, онъ описываетъ очень сходно съ историческими данными. причемъ, какъ участникъ суматохи. поднятой внезапной тревогой. онъ естественно придаетъ ей больше значенія, чѣмъ историки, разбиравшіеся въ событіяхъ черезъ сто слишкомъ лѣтъ.

Слѣдующія пять писемъ посвящены обратному походу Апраксина въ Россію. поднявшему столько шуму и вызывающему столько толкованій и недоразумѣній въ нашей военной исторической литературѣ. Настроеніе арміи послѣ побѣды было самое восторженное, несмотря на рядъ ошибокъ и неожиданностей. которыми сопровождалась побѣда. Армія ликовала, что и при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ справилась съ грознымъ своею славой врагомъ, была полна энергіи и стремилась впередъ, закончить кампанію отдыхомъ въ Кенигсбергѣ. Немедленной погони за непріятелемъ не дѣлали; войско этому еще не удивилось, такъ пріятно было отдохнуть послѣ тревогъ 20-го авг. служили молебенъ, праздновали побѣду, затѣмъ начали убирать убитыхъ. 21-го уже поговаривали, что напрасно мѣшкаютъ погоней за остатками прусской арміи 22-го съ удовольствіемъ двинулись въ путь, но прошли всего 5 верстъ, чему не мало смѣялись и корили командировъ. На

слѣдующій день, подойдя къ р. Аль близъ городка Велау, увидали на противоположномъ берегу на возвышенности прусскій лагерь въ полномъ порядкѣ. Эта неожиданность заставила генераловъ призадуматься; но, по словамъ очевидца, армія еще ни мало не теряла энергіи и жаждала покончить съ Левальдомъ. Офицерство ворчало и бранилось, разносило генералитетъ, что, не рѣшаясь преслѣдовать непріятеля, дали ему собраться съ силами и укрѣпиться. Послѣ переправки приступили къ собиранію мостовъ, но вели дѣло медленно. Дни шли, а Апраксинъ все стоялъ противъ прусскаго лагеря, держа армію на-сторожѣ и смотря на воздвигаемыя у Велау баттареи. Пошли слухи, что прусскій лагерь уже опустѣлъ, что онъ „фальшивый“, что ядро арміи Левальда, укомплектованное резервами и вербовками, отошло къ Прегелю. Тутъ среди разсуждающихъ офицеровъ стало особенно замѣтно недовѣріе къ генераламъ, заговорили даже объ измѣнѣ нѣмцевъ. Это было во время рѣшительнаго совѣта, послѣ котораго 28-го авг. повернули нашу армію по прежней дорогѣ въ обходъ Левальда, а затѣмъ пошли назадъ на Тильзитъ и Мемель. Среди взволнованной, недовольной массы раздались еще болѣе жгучіе толки. Изъ высшей сферы доходили смутныя извѣстія, что всѣ члены военнаго совѣта рѣшили вслѣдъ за фельдмаршаломъ, что для сохраненія арміи слѣдуетъ отступить къ своимъ границамъ; одинъ только волонтеръ Сибильскій не согласился съ прочими; онъ требовалъ немедленнаго преслѣдованія Левальда еще тотчасъ послѣ битвы, но ему не дали необходимыхъ 3-хъ пѣхотныхъ полковъ. Смущенный общимъ ропотомъ, генералитетъ старался распространять среди арміи, что немедленный походъ къ Кенисбергу опасенъ въ виду предстоящаго недостатка въ провіантѣ. Многіе не вѣрили оффиціальнымъ слухамъ, находили, что Апраксинъ такъ грозилъ генераламъ этими опасностями, что тѣ волей неволей согласились съ нимъ. „О, что это былъ за походъ! восклицаетъ Болотовъ; истинно сердце обливается кровью, какъ я его и всѣ обстоятельства вспомню!“

Погода была жаркая въ первые дни отступленія; люди задыхались отъ духоты и пыли; но двигались въ обратный путь гораздо быстрѣе, чѣмъ при наступленіи. Полки шли

въ полномъ порядкѣ; арьергардъ, въ которомъ оказался теперь Архангелогородскій полкъ, фронтомъ, боевыми колоннами, недовѣряя еще непоказывавшемуся непріятелю. Особенно раздражались наши, видя торжество и гордость обывателей, когда они очищали пруссакамъ городокъ за городкомъ. Съ приближеніемъ къ Тильзиту погода и дороги измѣнились; съ 8-го сентября пошли дожди и всю осень мучили несчастную армію; низменныя, неровныя дороги, перерѣзываемыя рѣчками и вершинками, стали очень грязны. Тогда же появились прусскіе отряды и начали безпрестанно безпокоить отступающихъ, мѣшая фуражировкамъ. Полагаемъ, что самъ Левальдъ провожалъ нашихъ по пятамъ, но мемуаристъ принадлежалъ къ невѣрившимъ этимъ слухамъ. Чтобы задерживать погоню, дали приказъ сжигать и разрушать селенія, остающіяся позади; это вызвало новыя обвиненія въ варварствѣ. Только подъ Тильзитомъ авторъ повѣрилъ, что прусская армія преслѣдуетъ ихъ по пятамъ. Твердо памѣреваясь не принимать сраженія. Апраксинъ велѣлъ немедленно перебираться изъ города на другой берегъ р. Мемеля по единственному мосту и на спѣхъ связанныхъ плотамъ. И едва только русская армія кончила переправу, какъ пруссаки заняли Тильзитъ. Ихъ ядра полетѣли въ нашъ лагерь какъ разъ въ то время, когда по приказанію фельдмаршала праздновали пальбой день Гроссъ-Эгерсдорфа (19 сент.). Резоперы-патріоты, недовольные, усталые, осыпали Апраксина и прочихъ генераловъ самыми ядовитыми насмѣшками, и за трусливое бѣгство изъ Тильзита, и за смѣхотворныя угрозы, которыми выпудили у тильзитцевъ обѣщаніе не впускать своихъ и за напрасную трату зарядовъ, которыми отвѣчали на бомбардировку со стороны непріятеля. Повидимому, еще до своего паденія несчастный фельдмаршалъ служилъ козлищемъ отпущенія за всѣ недостатки нашихъ военныхъ силъ, впервые проэкзаменованныхъ походомъ въ Европу.

Путь на Мемель проходили въ гораздо меньшемъ порядкѣ. Армія стала раздѣляться; полки расходились въ разныя стороны, къ своимъ квартирамъ. Съ 20-го сентября наступила совсѣмъ холодная, мокрая осень. Дороги по Курляндіи вдоль низменнаго балтійскаго прибрежья, сырыя и въ сухое время, теперь представляли невообразимую топь; въ ней вязли и

тонули лошади, гибли повозки, по-поясъ болтались солдаты по цѣлымъ днямъ; въ ней и почевали, не успѣвая добрести до назначенныхъ подъ лагерь мѣстъ. Только зарева пылавшихъ деревень и мызъ освѣщали эти печальныя стоянки. Отдыхали осторожно до Мемеля, такъ какъ сзади все грозили непріятельскіе гусары. Болотовъ скорбѣлъ душой и раздражался, смотря на мученья людей и на разоренья, производимыя при отступленіи. Только 20-го октября его бригада стала, наконецъ, на квартиры.

ВЪ КЕНИГСБЕРГѢ.

О главнокомандующемъ Ферморѣ и его зимнемъ походѣ мемуаристъ разсказываетъ по реляціямъ и съ чужихъ словъ, такъ какъ его полкъ выступилъ съ послѣдней бригадой въ концѣ зимы 1758 г., когда сдался давно желанный Кенигсбергъ. Бригада шла неторопясь, и на этотъ разъ весело и беззаботно. Шли новыми неразоренными мѣстами на польскія провинціи, затѣмъ на Гумбинепъ и Торнъ. Но и здѣсь чувствовался недостатокъ фуража, и лошади, при всей легкости похода, страдали; однако авторъ-резонеръ не обращаетъ на это вниманія, и не выводитъ поучительныхъ заключеній о разумности отступленія Апраксина, возбуждавшаго столько негодованія.

Онъ съ интересомъ присматривался къ католическому населенію, къ совершенно новой для него обстановкѣ Его замѣчанія бѣглы и немногословны, но изъ нихъ видно, что несмотря на всю его склонность выводить что нибудь поучительное изъ чужихъ странъ, польскіе областные порядки далеко не внушали ему симпатіи. Русскихъ поражали и возмущали въ Польшѣ стоявшія кое-гдѣ при дорогахъ висѣлицы съ повѣшенными. „Нигдѣ, я думаю, не вѣшается столько людей, какъ въ Польшѣ. За маленькое воровство и кражу должепъ уже воръ итти на висѣлицу, и казнить его симъ образомъ можетъ не только всякое городское начальство и

правительство, но и самые дворяне. Обыкновеніе, по-истинѣ, весьма странное и гнусное, а что всего удивительнѣе, невыполняющее далеко той цѣли, для которой оно вошло въ употребленіе... воры все-таки въ государствѣ не переводились". Страненъ и дикъ казался нашему офицерству, часто воспитываемому въ юности лютеранами, экстазъ католиковъ во время богослуженія. За то глубоко восхищались сердца помѣщиковъ при видѣ цвѣтущаго сельскаго хозяйства протестантскихъ эмигрантовъ, выселившихся изъ южныхъ католическихъ странъ, тѣхъ переселенцевъ, которые обратили низменные, топкіе берега прусской Вислы въ фермы и плодородныя поля. Наши завидовали домамъ нѣмецкихъ крестьянъ, какихъ не имѣли у насъ многіе помѣщики, а главное тому, что всякій фермеръ, всякій крестьянинъ имѣлъ всю свою землю близъ усадьбы.

На квартирахъ близъ Торна Болотовъ жилъ въ усадьбѣ подобнаго достаточнаго крестьянина на низменныхъ берегахъ Вислы, внимательно присматривался къ порядкамъ незнакомаго и дѣловитаго хозяйства, и всегда съ тѣхъ поръ питалъ уваженіе къ нѣмецкой сельско-хозяйственной культурѣ.

Послѣ непродолжительнаго пребыванія подъ Торномъ, въ самый разгаръ весны въ Архангелогородскомъ полку съ восторгомъ узнали, что онъ назначенъ содержать караулы въ Кенигсбергѣ.

Четырехлѣтняя оккупація восточной Пруссіи и обладаніе однимъ изъ промышленныхъ и просвѣтительныхъ центровъ сѣверной Германіи составляетъ одно изъ любопытнѣйшихъ явленій нашей исторіи XVIII-го вѣка.—Мы захватили тогда область младшаго по лѣтамъ европейскаго государства, и какъ разъ въ то время, когда оно находилось въ полномъ ходу политическаго, общественнаго и умственнаго развитія. Несмотря на сильное еще вліяніе Франціи на дворъ и высшій классъ, это развитіе въ глубинѣ общества приняло вполнѣ самостоятельное, національное направленіе. Несмотря на удивительные контрасты во всѣхъ сферахъ нѣмецкой жизни, при нелѣпомъ, развращающемъ и тяжеломъ для народныхъ массъ складѣ крошечныхъ дворовъ нѣмецкихъ властителей,

контрастомъ между тупостью, грубостью нравовъ, аляповатой подражательностью и творческой силой отдѣльныхъ лицъ, кружковъ и учрежденій, глубокой потребности въ образованіи и наукѣ въ среднихъ классахъ, нѣмецкое просвѣщеніе въ вѣкъ Фридриха Великаго сильно распространялось въ шири. Нѣмецкіе университеты вели свою вполнѣ самостоятельную работу и закладывали фундаментъ новой спеціально нѣмецкой эры философіи и науки.

Въ восточной Пруссіи наши встрѣтились со свѣжимъ, новымъ административнымъ механизмомъ сверху, прекрасно заведеннымъ геніальнымъ королемъ, и съ городскимъ сословіемъ снизу, уже вышедшимъ изъ того огрубенія и ничтожества, въ которое оно было загнано 30-ти-лѣтнею войной и неурядицами XVII-го вѣка.—Прежде всего нашимъ завоевателямъ пришлось имѣть дѣло именно съ этой прусской администраціей; но любопытно, что съ нею-то почти не знакомятъ насъ современные русскіе источники; о ней умалчиваютъ, какъ будто не знали, какъ съ нею быть. Изъ Петербурга высказывали желаніе, чтобы богатая нѣмецкая область приносила намъ хоть нѣкоторый доходъ въ вознагражденіе за военные расходы; а между тѣмъ никто не позаботился заблаговременно ознакомиться со страной, ея доходами и административными органами; ихъ не знали самые аккуратные нѣмцы служаки нашего генералитета; Ферморъ откровенно признавался въ своемъ незнаніи. Наше активное вмѣшательство въ прусскую администрацію выразилось прежде всего требованіемъ, чтобы доходы съ провинціи выплачивались въ казну русской Императрицы, а затѣмъ въ дѣятельности канцеляріи русскаго генералъ-губернатора, резидировавшаго въ Кенигсбергѣ. Какъ дѣйствовала эта канцелярія—пока вопросъ темный [1]).

Прикомандированный въ качествѣ чиновника къ губернаторской канцеляріи и прослуживъ въ ней почти 4 года, Болотовъ все-таки не даетъ себѣ яснаго отчета въ значеніи и юридическихъ основаніяхъ ея дѣятельности, въ ея отношеніи къ прусскимъ камерамъ; онъ не имѣлъ ни времени ни интереса вникать въ это. Онъ только живо и занимательно описываетъ

[1]) Изслѣдованіе Масловскаго еще не доведено до этой эпохи.

типы нѣмецкихъ и русскихъ чиновниковъ, офицеровъ и адъютантовъ, окружавшихъ губернатора; его записки даютъ много интересныхъ данныхъ для характеристики этой въ высшей степени любопытной эпохи тѣсныхъ между-народныхъ сношеній; самъ онъ, отбывъ службу, съ увлеченіемъ предавался книгамъ, литературѣ, захаживалъ въ университетъ, увлекался всей умственной жизнью большого, оживленнаго города. Въ этомъ случаѣ авторъ заслуживаетъ только благодарности; — эта культурная сторона пребыванія русскихъ въ Пруссіи несравненно интереснѣй и значительнѣй частнаго вопроса о временномъ управленіи восточною областью.

Болотовъ пріѣхалъ въ Кенигсбергъ 19-ти лѣтнимъ юношей съ жаждой умственной пищи и дальнѣйшаго образованія, но съ сознаніемъ весьма смутнымъ; юноша самъ не зналъ въ чемъ можетъ заключаться это образованіе; только рядъ случайностей привязалъ его къ Кенигсбергу и натолкнулъ на знакомства и связи, изъ которыхъ сложилась его своеобразная студенческая жизнь; во всякомъ случаѣ послѣдніе два года его пребыванія заграницей можно назвать его студенчествомъ. Эта эпоха началась назначеніемъ мемуариста въ составъ гражданскаго управленія прусской провинціей, а потому мы приступимъ къ ней съ краткой характеристикой правителей и состава чиновниковъ, по скольку объ нихъ говорится въ запискахъ.

Ферморъ, назначенный первое время губернаторомъ завоеванной имъ области, главнымъ образомъ завѣдывалъ арміей, и не могъ непосредственно слѣдить за ходомъ дѣлъ въ Кенигсбергѣ. Завѣдующимъ сборомъ податей и доходовъ авторъ нашелъ здѣсь бригадира фонъ Нумерсъ, въ бригадѣ котораго состоялъ одно время его полкъ. Подъ надзоромъ этого нѣмца прусскія коллегіи и канцеляріи работали тѣмъ же порядкомъ, какой былъ до завоеванія. Для составленія отчетныхъ инпуровыхъ книгъ бригадиръ нашелъ удобнымъ имѣть своего человѣка, вполнѣ твердаго въ нѣмецкой грамотѣ, и приказалъ поискать таковаго среди русскихъ офицеровъ; выборъ былъ слишкомъ не великъ,—рекомендовали одного Болотова; старый пріятель, капитанъ Гнѣвушевъ и полковникъ Плапта

расхвалили его. Подпоручика взяли изъ полка и посадили въ прусскую „камору“ за переписку отчетовъ на нѣмецкомъ языкѣ; (за это время онъ ничего не переводилъ; вся отчетность велась по нѣмецки). Не даромъ онъ съ дѣтства умилялъ нѣмцевъ,—онъ былъ обласканъ Нумерсомъ, и оказался на первое время совершенно одинъ среди прусскихъ чиновниковъ. Прусское чиновничество Фридриха II-го было дисциплинировано по военному, и присутственныя мѣста производили внушительное впечатлѣніе по строгой тишинѣ и порядку, которые въ нихъ царили; служащіе сидѣли за столами, какъ вкопанные; мрачная строгость лицъ еще усиливалась неестественнымъ положеніемъ побѣжденныхъ передъ варварами-побѣдителями; въ этомъ слоѣ общества всѣ пруссаки пока сторонились отъ русскихъ, и безъ необходимости ни въ какія сношенія не вступались. Чиновники старались не замѣчать русскаго офицера, были вѣжливы, но крайне неразговорчивы.

Вскорѣ послѣ поступленія Болотова къ гражданскимъ дѣламъ прибылъ назначенный изъ Петербурга генералъ-губернаторъ, ген.-поручикъ баронъ Николай Андреевичъ Корфъ. Онъ являлся намѣстникомъ императрицы въ нѣмецкой провинціи, и имѣлъ торжественный въѣздъ въ старинный замокъ прусскихъ курфюрстовъ. Корфъ никогда собственно не отличался ни на административномъ, ни на военномъ поприщѣ.—былъ вельможей и придворнымъ, и имѣлъ громадныя связи въ Петербургѣ. Онъ былъ женатъ на Скавронской, племянницѣ императрицы и сестрѣ жены канцлера Воронцова; это то и выдвинуло его на такой важный постъ [1]). По-русски онъ говорилъ, но не могъ подписывать даже своего имени. Представительство, поддерживаніе императорскаго престижа пышностью, пріемами и праздниками онъ понималъ, какъ свою главную задачу. Въ суть дѣлъ управленія онъ вникалъ мало, да и ничего въ нихъ не смыслилъ. Въ обращеніи съ подчиненными Корфъ отличался неровностью, умѣлъ казаться внимательнымъ, любезнымъ, но часто бывалъ невыносимъ по неудержимой вспыльчивости и капризному самодурству.—Среди

[1]) П. А. Корфъ пользовался личнымъ довѣріемъ Императрицы. Въ 1741 г. ему былъ вѣренъ надзоръ за Брауншвейгской фамиліей.

арміи его назначеніе приняли не очень благосклонно; въ немъ видѣли нѣмца прежде всего, и потому уже ожидали всяческихъ любезностей и поблажекъ для мѣстныхъ жителей. Ожиданія оправдались на дѣлѣ; кромѣ того нѣмецъ оказался безпорядочнымъ, залѣнившимся на русскій ладъ человѣкомъ.

Цѣлый штатъ чиновниковъ изъ русскихъ и русскихъ нѣмцевъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Корфомъ. Собственно губернаторскую канцелярію мемуаристъ отдѣляетъ отъ „совѣтниковъ“.— „Наипервѣйшими при генералѣ были совѣтники; ихъ было два и оба засѣдали вмѣстѣ съ генераломъ, даже спачала жили въ замкѣ“. Одинъ изъ нихъ Бауманъ былъ нѣмецъ, другой русскій, Волковъ; послѣдняго очень скоро куда то перевели, а на его мѣсто вторымъ совѣтникомъ сдѣлали опять таки нѣмца, Вестфалена, домашняго секретаря Корфа; авторъ считаетъ его за „ученаго человѣка“.

Совѣтники засѣдали въ особые часы съ оберъ-секретаремъ прусской коллегіи, который приводилъ съ собой двухъ или трехъ нѣмецкихъ канцеляристовъ для составленія бумагъ. Къ особому благополучію нашего героя нѣмцамъ отвели мѣсто за его столомъ. Старшій совѣтникъ Бауманъ и прусскій оберъ-секретарь завѣдывали одни внутреннимъ управленіемъ прусской провинціи. При нихъ состояли два коллежскихъ совѣтника, тоже изъ нѣмцевъ; одинъ замѣнялъ бригадира Нумерса въ Кенигсбергской „каморѣ“, то-есть у сбора податей и доходовъ; другой исправлялъ ту-же должность въ Гумбинненѣ. Такимъ образомъ непріятность русскаго господства какъ-бы смягчали, вручивъ дѣла въ нѣмецкія руки.

Составъ губернаторской канцеляріи былъ нѣсколько иной. Во главѣ ея стоялъ секретарь Чонжинъ,—„весьма важная особа; вся канцелярія лежала на немъ почти однимъ“.—Выслужившись изъ писцихъ приказныхъ, этотъ человѣкъ зналъ себѣ цѣну, до тонкости зналъ дѣлопроизводство, пользовался довѣріемъ Корфа и даже возвышалъ голосъ въ спорахъ съ начальникомъ; но за-то держалъ себя надменно и строго съ подчиненными безъ всякаго снисхожденія. Его всѣ почитали и очень не любили.—„Впрочемъ на приказныя дѣла и обыкновенные подъяческіе крючки былъ онъ весьма способная и столь бойкая особа, что изъ всѣхъ одинъ только, находясь

въ семъ мѣстѣ и столь хитро и искусно умѣлъ наживаться, что и примѣтить почти было не можно". Младшій секретарь былъ несравненно честнѣе и лучше обращеніемъ, но такой кутила, что скоро расхворался и былъ отставленъ. За ними шелъ протоколистъ, самый симпатичный изъ чиновниковъ, по словамъ автора; объ остальныхъ русскихъ канцеляристахъ онъ считаетъ лишнимъ говорить: „Всѣ они были обыковенные наши русскіе подъячіе, всѣ пьяницы и негодяи, и изъ всѣхъ ихъ не было ни одного, кто-бы достоинъ былъ хотя малаго вниманія". Затѣмъ въ чрезвычайно лестныхъ краскахъ выставлены три прусскихъ канцеляриста; авторъ признается, что они были „какъ на отборъ"; очевидно, чтобы избѣжать непріятностей въ деликатныхъ и весьма неопредѣленныхъ отношеніяхъ между прусскими канцеляріями и русскими чиновниками и какъ можно выгоднѣе выставить своихъ вблизи губернатора, пруссаки присылали самыхъ развитыхъ и тактичныхъ людей.

Только приступивъ къ дѣламъ, Корфъ съ совѣтниками спохватились, что секретари не знаютъ ни слова по-нѣмецки, а они не позаботились о переводчикѣ; пошли опять поиски среди офицеровъ, и тутъ снова выдвинули Болотова. По указанію Нумерса Корфъ приказалъ взять его переводчикомъ въ канцелярію. Помимо своего прямого дѣла, перевода прошеній и бумагъ, онъ исполнялъ разныя другія порученія, не получая за это никакого вознагражденія, кромѣ прежняго подпоручичьяго оклада. Только когда ему поручали писать паспорта пруссакамъ, занимавшимся извозомъ, самъ Корфъ разрѣшилъ изъ подъ руки брать по нѣскольку грошей съ просителя.

Среди приближенныхъ Корфа первое время игралъ видную роль его адъютантъ, тоже русскій, изъ гвардейскихъ офицеровъ: петербургскій щеголь и петиметръ, онъ отличался отъ чиновниковъ салоннымъ лоскомъ и нѣкоторымъ образованіемъ, былъ большимъ почитателемъ литературы, и скоро сошелся съ Болотовымъ, будучи къ тому же почти однихъ съ нимъ лѣтъ. Корфъ сразу поставилъ свой домъ на широкую ногу; для всей свиты и чиновниковъ былъ каждый день обѣденный столъ, за которымъ молодежь весело и пріятно

проводила время. Тутъ къ нимъ присоединялся таинственный итальянецъ, Морпини, „бойкая, хитрая и преразумная особа", повидимому домашній дипломатъ губернатора, служившій по тайнымъ политическимъ дѣламъ и руководившій своего принципала въ хитросплетеніяхъ тогдашней европейской дипломатіи. Этотъ авантюристъ подкупилъ нашего юношу въ свою пользу свѣдѣніями о всевозможныхъ странахъ и своими широкими литературными познаніями; все свободное время онъ проживалъ за книгами. Вотъ внѣшняя обстановка временнаго управленія восточной Пруссіей.

По временамъ одни лица смѣнялись другими; являлись новые товарищи изъ Россіи, приводили съ собой знакомыхъ; но весело бывало по прежнему. Въ 1760 г. благовоспитанный щеголь-адъютантъ былъ замѣненъ скромнымъ офицеромъ Балабинымъ, вовсе не знавшимъ иностранныхъ языковъ; но мемуаристъ нашелъ его за-то умнѣе и дѣловитѣе своего предшественника и подружился съ нимъ еще тѣснѣе. На мѣсто больного младшаго секретаря явились два брата Олины, два юнкера изъ коллегій „для отправленія письменныхъ дѣлъ", но уже въ офицерскихъ чинахъ; сыновья богатаго чиновника, то есть изъ крапивнаго сѣмени, они знали только русскую грамоту; но, впрочемъ, держались „па дворянской ногѣ и якшались не съ подъячими, а съ нами", говоритъ объ нихъ Болотовъ; старшій усердно подражалъ столичнымъ петиметрамъ и надоѣдалъ товарищамъ своимъ ломаньемъ.

Почти въ одно время съ ними появились въ Кенигсбергѣ 10 студентовъ первыхъ выпусковъ Московскаго университета. Двое изъ нихъ были присланы для службы въ канцеляріи, и, напрактиковавшись въ нѣмецкомъ языкѣ, должны были замѣнить Болотова въ должности переводчиковъ. Авторъ называетъ обоихъ, Садовскаго и Малиновскаго, „наилучшенькими изъ десяти"; полагаемъ, что это сказано или для краснаго словца, изъ свойственнаго ему желанія упирать на лучшія стороны своихъ пріятелей, или потому, что онъ не успѣлъ, не имѣлъ случая сойтись поближе съ прочими студентами, то-есть именно съ тѣми, которые были присланы на казенный счетъ, чтобы продолжать свое образованіе въ загра-

ничныхъ университетахъ и вернуться профессорами на родину [1]). Онъ былъ знакомъ, впрочемъ, и съ этими будущими учеными, часто посѣщавшими канцелярію, и воздаетъ имъ должное, хотя не много холодно и свысока. Оба студента переводчика, по незнанію нѣмецкаго языка, долго не могли приступить къ канцелярскому дѣлу; и имъ наряду съ прочими разрѣшили выбирать профессоровъ въ мѣстномъ университетѣ и заниматься любимыми науками.

При такомъ разнообразномъ составѣ служащихъ и посѣтителей, канцелярія гостепріимнаго Корфа вмѣстѣ съ его гостиными сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ, гдѣ сталкивался, сходился и знакомился весь русскій людъ, перебывавшій въ Пруссіи за время нашего господства; въ замкѣ весело пожили въ его губернаторство. Каждый полкъ съ восторгомъ принималъ извѣстіе, что его назначаютъ въ Кенигсбергъ. Молодые и пожилые офицеры стремились туда, чтобы всласть насладиться прелестями городской жизни, пожить на хорошихъ квартирахъ, покутить, „предаваться всякимъ роскошамъ и излишествамъ“, по выраженію записокъ. И дѣйствительно, многимъ удалось накутиться во всю ширь русской натуры; записки не разъ упоминаютъ въ назидательномъ тонѣ о печальныхъ послѣдствіяхъ „излишествъ“ для жизни и здоровья. Авторъ біографіи Гр. Гр. Орлова справедливо называетъ Кенигсбергъ Капуей русскихъ войскъ; но такая характеристика все таки односторонняя. Картина перваго жаднаго порыва къ наслажденію заграничными увеселеніями была крайне непривлекательна. Офицеры Архангелогородскаго полка не успѣли водвориться на квартирахъ, какъ въ первые же дни изучили каждый увеселительный уголокъ большаго города, оцѣнили прелести каждаго садика, трактира и винаго погреба. Ихъ скромный однополчанинъ изумлялся, какъ самые разумные офицеры, тѣ, которыхъ онъ „почиталъ къ таковой развратной жизни неспособными“, на время какъ-бы

[1]) „Словарь профессоровъ Моск. Универс“. Посылка за границу служила высшей наградой вмѣсто золотой медали. Тогда въ Кенигсбергѣ жили и учились, кромѣ двухъ переводчиковъ, — Афонинъ, Карамышевъ, Третьяковъ, Десницкій, Веніаминовъ и Зыбинъ. Кто были два остальныхъ, мы не знаемъ.

потеряли голову и закружились вмѣстѣ съ отъявленными кутилами; ни отъ кого не слыхалъ онъ тогда разумнаго слова. „а всѣ лучшія шутки ихъ были объ однихъ играхъ, гуляньяхъ и о женщинахъ“. Несмотря на такіе грѣховные соблазны, широкая, разнообразная уличная жизнь богатаго города была такъ весела и занимательна, такъ захватывала нашихъ бѣдняковъ-степняковъ, знавшихъ только свои тихія деревушки да маленькіе русскіе города, что самые сдержанные скромники тянулись за гуляками на улицу. Двухнедѣльная ярмарка совсѣмъ сбила съ ногъ нашу молодежь; въ прекрасную лѣтнюю пору со всей Пруссіи и даже изъ Польши съѣзжались въ Кенигсбергъ на торговыя сдѣлки; въ городѣ открывались по этому случаю уличные театры и зрѣлища. Проводя цѣлый день на улицѣ, наблюдая кипучую жизнь, наши армейцы заводили въ толкотнѣ знакомства съ дамами и снисходительными нѣмецкими семействами Людямъ новзыскательнѣй нѣмки-горожанки не нравились; они „искали случаевъ къ сведенію знакомства съ пріѣзжими изъ Польши, а особливо съ тамошними дворянками и употребляли разныя хитрости и обманы къ обольщенію оныхъ“. Нѣмецкое дворянство было недоступно для нашихъ офицеровъ; имъ приходилось довольствоваться компаніей мѣщанъ или ухаживать за болѣе снисходительными панпами.

Но грубыя увлеченія свойственны всѣмъ вѣкамъ; они ничего не прибавятъ къ характеристикѣ эпохи, поэтому о нихъ не зачѣмъ распространяться. Гораздо интереснѣй то глубокое впечатлѣніе, какое производили общественныя привычки и потребности нѣмецкихъ горожанъ на болѣе серьезныхъ русскихъ людей. Въ Кенигсбергѣ было много публичныхъ мѣстъ, гдѣ пріятно проводили время въ компаніи и безъ кутежей. Болотова приводили въ восторгъ очень распространенные въ германскихъ городахъ садики, въ которыхъ пили пиво, закусывали, играли въ кегли, въ карты или фортунку, гдѣ все было чинно, тихо, и все стоило очень дешево. Освоившись въ нихъ, авторъ бывалъ очень радъ, когда нѣмцы принимали его въ свое общество, будто-бы считая за нѣмца, и вели съ нимъ политическіе разговоры. Зимой приходилось переходить въ комнаты трактировъ и пивныхъ, читать газеты,

иногда играть въ ломберъ по самой маленькой съ прусскими канцеляристами.

По обычаю нѣмецкихъ городовъ въ ратушѣ или городскихъ домахъ устраивались публичные балы по случаю общественныхъ праздниковъ, часто семействами по случаю свадебъ; небогатая офицерская молодежь имъ особенно радовалась. Устраивающіе платили немного за залъ, освѣщеніе и музыку; затѣмъ въ освѣщенный залъ могъ входить всякій мѣщанинъ, ремесленникъ, кто только имѣлъ приличное городское платье, и танцевать съ кѣмъ хотѣлъ. За особо назначаемые танцы публика платила по уговору. Страсть къ танцамъ среди нѣмцевъ, особенно нѣмокъ, была такъ сильна, что на балахъ забывалась вражда къ русскимъ; наши офицеры бывали здѣсь самыми желанными гостями, и дамы перебивали ихъ другъ у друга. Пріятели канцеляристы первые завели Болотова на такой свадебный балъ. Тогда онъ почти не умѣлъ танцевать, и ни за что не рѣшился бы попытать свои силы на балу у Корфа; но здѣсь на свободѣ разошелся и сразу постигъ эту науку. Съ тѣхъ поръ онъ такъ пристрастился къ свободному и скромному веселью, что уже почти не пропускалъ такихъ общедоступныхъ баловъ, и сдѣлался страстнымъ танцоромъ до глубокой старости. Вслѣдъ за однимъ офицеромъ пошли и другіе. По простотѣ и искреннему веселью эти вечеринки полюбились даже знатнымъ щеголямъ изъ Петербурга. Самъ Григорій Орловъ, украшеніе губернаторскихъ праздниковъ, съ Пассекомъ, Зиновьевымъ и др. товарищами оттанцовывали себѣ ноги рядомъ съ мѣстными горожанами. Когда же совсѣмъ освоились съ городомъ и нѣмецкимъ обществомъ, перезнакомились на собраніяхъ со многими семьями, наши чиновники изъ состоятельныхъ (Олины напр.) начали сами давать нѣмкамъ вечера съ обильнымъ русскимъ угощеніемъ.

Повидимому, за годъ враждебное отношеніе пруссаковъ очень сгладилось, и въ Кенигсбергѣ всѣмъ жилось весело. Оказывался большой выборъ въ развлеченіяхъ и обществѣ, отъ грубыхъ кутящихъ компаній до болѣе утонченнаго щегольского кружка Орлова, отъ общества приказныхъ до молодыхъ тружениковъ, только начинавшихъ открывать дорогу русской университетской наукѣ.

Съ широкими замашками вельможи Корфъ устроилъ себѣ настоящій дворъ, болѣе шумный и блестящій, чѣмъ дворъ любого нѣмецкаго князька. Соединять общество разныхъ націй, роскошью и любезностью примирять нѣмцевъ съ русскими сдѣлалось задачей его дѣятельности. Праздниками, балами и обѣдами онъ привлекъ въ Кенигсбергъ все окрестное прусское дворянство, отчасти даже знать королевства; польскіе паны съ семьями пріѣзжали издалека на Кенигсбергское веселье. Проѣздъ черезъ городъ всякаго значительнаго лица, русскаго или иностраннаго, прибытіе нѣмецкаго графа или князя, русскаго генерала, отправлявшагося къ арміи,—все это служило поводомъ къ веселью, помимо царскихъ торжественныхъ дней и русскихъ церковныхъ праздниковъ. А появленіе графини Кейзерлингъ, завладѣвшей губернаторскимъ сердцемъ, совершенно сбивало съ ногъ танцоровъ и закруживало служащихъ въ вихрь увеселеній.

Балы въ замкахъ открывали старички генералы чинными строгимъ польскимъ и нѣсколькими минуэтами; затѣмъ они усаживались за карты, а бальный залъ съ дамами и дѣвицами предоставлялся молодежи. Всѣ дамы, имѣвшія пріѣздъ ко двору намѣстника, принадлежали къ родовитому титулованному и нетитулованному прусскому дворянству; наша армейская молодежь замиралась въ обхожденіи съ чопорными баронессами и графинями, и больше поглядывала на нихъ изъ-за дверей. Первое время отплясывали молодые генералы, П. П. Панинъ, грозный Вильбуа, да адъютанты щеголеватѣй; но генераловъ не хватало на всѣхъ дамъ, и первѣйшій щеголь Орловъ энергично заставлялъ танцовать неразвязныхъ кавалеровъ. Понемногу всѣ обопрлись и пообтерлись съ мемуаристомъ во главѣ, и заскользили по паркету въ слѣдъ за щеголями.

Балы смѣнялись блестящими маскарадами, съ модными кадрилями изъ одинаково костюмированныхъ паръ. Изъ Берлина пріѣхала труппа нѣмецкихъ актеровъ, нарочно выписанная Корфомъ для увеселенія общества. Наши армейцы, громадное большинство которыхъ не видывало театральныхъ представленій, впервые познакомилось съ этимъ увеселеніемъ. Тотчасъ затѣяли свой любительскій русскій спектакль подъ предводительствомъ Орлова; разучили даже трагедію „Демо-

фонтъ"; уже Болотовъ весь погрузился въ театральныя хлопоты; но по какой-то таинственной причинѣ спектакля не разрѣшили.

Центромъ шумнаго веселья былъ многолюдный кружекъ, сложившійся въ канцеляріи и за обѣденнымъ столомъ на казенный счетъ. Взбалмошный и крикливый Корфъ въ сущности свободно держалъ подчиненныхъ; къ его адъютанту, Болотову, Олинымъ приходили поболтать Орловъ и его пріятели, студенты, товарищи-офицеры изъ арміи, моряки эскадры Полянскаго, являвшіеся по командировкамъ и имѣвшіе дѣла въ канцеляріи, приходили прусскіе плѣнные офицеры, осваивавшіеся со своимъ положеніемъ. Такъ графъ Шверинъ, сынъ знаменитаго фельдмаршала Фридриха II, сдѣлался закадычнымъ другомъ своего стража Орлова, и пріятно проводилъ время въ плѣну, играя выдающуюся роль на всѣхъ праздникахъ. Это была очень своеобразная школа свѣтской и общественной жизни, обходительности и такта, расширявшая общественные интересы и потребности разнообразнаго, толкавшагося здѣсь русскаго люда.

Въ концѣ 1760 года Корфа сдѣлали петербургскимъ полиціймейстеромъ, и съ его отъѣздомъ въ Кенигсбергѣ стало гораздо тише. Его замѣнилъ В. И. Суворовъ, отецъ фельдмаршала, скромный, трудолюбивый служака; при немъ о дворѣ, представительствѣ, балахъ и маскарадахъ не было и помину. Онъ самъ жилъ очень скромно, и все кругомъ поставилъ на такую же ногу. Столы для служащихъ прекратились; изрѣдка у строгаго губернатора обѣдывали почетныя лица города, да бывали вечеринки, когда къ нему пріѣхали дочери. Въ канцеляріи все пошло иначе. Суворовъ-отецъ вставалъ также рано и велъ такую же дѣятельную жизнь, какъ его сынъ, въ 2 часа по-полуночи онъ бывалъ всегда одѣтъ, и всякій могъ его видѣть; въ 4 часа утра чиновники приходили въ канцелярію и работали гораздо усидчивѣй, за то все нужное дѣлалось разомъ, никого не гоняли по пустому; по праздникамъ и вечерамъ всѣ были свободны. Новый начальникъ зналъ дѣло и службу, и самъ во все вникалъ. Корфъ запустилъ финансовую часть, усиленно любезничалъ съ прусаками. Еще при Ферморѣ было замѣтно, что содержаніе арміи своего ко-

роля стоило восточной Пруссіи дороже русской оккупаціи [1]). При Корфѣ съ завоеванныхъ амтовъ получали до 2-хъ милліоновъ талеровъ въ годъ; изъ нихъ одинъ милліонъ расходился на мѣстныя нужды. Увеличеніе доходовъ стало главной задачей Суворова. Надъ нѣмецкими камерами былъ устроенъ строгій контроль; губернаторъ не довѣрялъ своимъ совѣтникамъ нѣмцамъ, и, по свидѣтельству Болотова, почтилъ особымъ довѣріемъ его, скромнаго, трудолюбиваго переводчика, вызывалъ его къ себѣ въ кабинетъ и писалъ съ нимъ наединѣ самыя важныя бумаги. Въ результатѣ его короткаго управленія доходы съ прусскаго королевства увеличились на цѣлый милліонъ [2]).

Погруженный въ то время въ свои книги и философскія бесѣды, нашъ авторъ бросаетъ такія любопытныя замѣчанія о ходѣ дѣлъ въ Пруссіи вскользь и между прочимъ; совсѣмъ не упоминаетъ о томъ, какъ относились мѣстные люди и нѣмцы-чиновники къ строгому русскому генералу, прорывалось-ли ихъ неудовольствіе, случались столкновенія? Впрочемъ правленіе Суворова продолжалось не долѣе года; не успѣли русскіе обитатели Кенигсберга успокоиться отъ волненія, произведеннаго извѣстіемъ о смерти императрицы Елизаветы Петровны,—какъ ему приказали сдать дѣла П. Ив. Панину и ѣхать въ Россію. Служащіе съ грустью проводили дѣльнаго начальника. О Панинѣ, новомъ возвышавшемся вельможѣ, записки говорятъ кратко и неопредѣленно; авторъ ихъ былъ теперь слишкомъ увлеченъ указомъ о вольности дворянства, перспективой легкой отставки и свободной деревенской жизни, чтобы быть внимательнымъ къ тому, что дѣлалось вокругъ, да вскорѣ затѣмъ онъ былъ формально вызванъ въ Петербургъ; Корфъ безъ его вѣдома назначилъ его своимъ флигель-адъютантомъ.

Покончивъ съ служебной и общественно-увеселительной стороной обстановки нашего русскаго кружка въ Кенигсбергѣ, можно перейти къ сторонѣ просвѣтительной и воспитатель-

[1]) Масловскій. Походъ Фермора, вып. 2 й. Хлѣбные транспорты изъ Россіи съ доставкой обходились 2 р. 59 коп. за четверть; Ферморъ платилъ нѣмецкимъ поставщикамъ 4 р.

[2]) Записки, т. II, стр. 73.

ной, имѣвшей хотя и не яркое, но серьезное и глубокое вліяніе на лучшихъ представителей нашей молодежи. Были среди русскихъ офицеровъ и подобные Болотову цѣнители знанія, которые видѣли въ этомъ городѣ прежде всего одинъ изъ центровъ нѣмецкаго просвѣщенья, гдѣ ознакомившіеся съ нѣмецкимъ языкомъ могли пріобрѣсти такой запасъ знаній, о какомъ нельзя было и помыслить у себя въ Россіи небогатому служилому человѣку. Даже среди веселой щегольской молодежи встрѣчались люди, умѣвшіе соединять съ веселымъ и полезное; таковы Ф. Б. Пассекъ, морякъ Тулубьевъ, даже Григорій Григорьевичъ Орловъ. Кружокъ интересующихся еще расширился, когда пріѣхали московскіе студенты для продолженія своихъ научныхъ занятій. Самъ Болотовъ пришелъ въ восторгъ, что будетъ жить „въ большомъ и славномъ городѣ, который наполненъ учеными людьми, библіотеками и книжными лавками“. Судьба поблагопріятствовала его наклонностямъ, избавивъ его здѣсь навсегда отъ военной службы; кромѣ того, въ виду сношеній съ прусскими коллегіями, къ русскимъ служащимъ прибавили двухъ нѣмецкихъ канцеляристовъ, которые къ удовольствію мемуариста, съ дѣтства расположеннаго къ нѣмцамъ, занимались вмѣстѣ съ нимъ; онъ отлично сошелся съ этими товарищами, пользовался ихъ совѣтами при выборѣ книгъ и черезъ нихъ знакомился съ мѣстнымъ бюргерскимъ обществомъ. Ему очень понравилось выдержанное нѣмецкое чиновничество; они, говоритъ онъ, „носили на себѣ также имя канцеляристовъ, но не имѣли ничего похожаго на нашихъ подъячихъ“.

Въ эпоху семилѣтней войны русскимъ впервые почти довелось перекочевать такой массой заграницу; впервые вступили они въ такое тѣсное сближеніе съ нѣмцами вдали отъ родины, на иноземной почвѣ. Въ половинѣ прошлаго вѣка между нами и Германіей лежали Курляндія и Польша; переѣзды и походы совершались медленно и съ большими затрудненіями. Тогда переселиться заграницу значило какъ бы оторваться отъ родины и перепестить всею жизнью въ иную среду. Такія условія еще усиливали вліяніе продолжительнаго пребыванія заграницей на русскую молодежь. Сама дворянская молодежь Елизаветинскаго времени уже многимъ

отличалась отъ служилыхъ людей эпохи преобразованій, солдатъ, гардемариновъ, артиллерійскихъ учениковъ, которыхъ правительство, не давая имъ опомниться, прямо изъ деревенской глуши, отъ патріархальной обстановки сельской жизни пересылало для ученья въ культурные центры Европы. Тамъ они должны были учиться по строго опредѣленной правительственной программѣ, ни на пядь не выходя изъ нея. Теперь постепенная привычка къ школѣ и европейскому строю обшлифовало дворянство; эпоха Бирона и нѣмцевъ пріучила его къ нѣкоторой выдержкѣ; эпоха Елизаветы дала ему нѣкоторый свѣтскій лоскъ, общественныя потребности, а съ другой стороны расширила задачи образованія. Такимъ образомъ старый служилый классъ отправлялся теперь заграницу съ нѣкоторой подготовкой; среди него находились лица, способныя серьезно по собственному выбору почерпнуть многое изъ западной науки и культуры и сдѣлать достояніемъ русской жизни. Дома уже чувствовали потребность въ иной, болѣе цѣльной и общей наукѣ, чѣмъ та, которой учились наспѣхъ, отрывочно, чтобъ поспѣть къ службѣ; свои случайные учителя, въ родѣ болотовскаго унтеръ-офицера Миллера, уже мало удовлетворяли; ученость домашнихъ иностранцевъ скоро исчерпывалась. За то въ описываемое время русскіе люди могли по вкусу и способностямъ, безъ программъ и стѣсненій, сближаться на мѣстѣ съ нѣмецкой культурой. Въ живыхъ умахъ интересъ къ знанію являлся самъ собой въ новой обстановкѣ.

При горячемъ стремленіи къ просвѣщенью наше лучшее юношество было крайне неопытно и неумѣло еще взяться за дѣло, чтобы самостоятельно удовлетворять своимъ умственнымъ потребностямъ. Въѣзжая въ Кенигсбергъ Болотовъ не сознавалъ еще, какое рѣшающее вліяніе на его умъ и характеръ будетъ имѣть жизнь въ этомъ городѣ; онъ по дѣтски радовался, что будетъ жить въ городѣ, полномъ учеными людьми и библіотеками, но дѣтски-же началъ увлекаться всѣми курьезными, невиданными вещицами, какія ему попадались. Увидалъ стереоскопъ, „проспективическій ящикъ“, и началъ мастерить себѣ такой же, рисовать и раскрашивать для него картинки. Эта работа познакомила его съ оптикомъ, жив-

ипмъ на той же улицѣ; сидя въ его лавкѣ мемуаристъ совершенно забывался въ разсматриваніи невиданныхъ чудесъ, — всевозможныхъ микроскоповъ, стеколъ, и машинъ. Съ этого начался курсъ наглядnаго обученія. Напрактиковавшись надъ стереоскопомъ, компатнымъ насосомъ и фонтаномъ, насмотрѣвшись на инструменты, давно поступившіе къ обиходъ, Болотовъ подготовился къ знакомству съ учеными диллетантами, пока судьба не свела его съ московскими студентами. Черезъ графа Шверинъ компаніи Пассека и Орлова познакомилась съ какимъ-то оригинальнымъ старичкомъ, полковникомъ прусской службы, обладавшимъ цѣлымъ складомъ всякихъ физическихъ инструментовъ того времени. Тутъ оказалось, что у насъ были свои молодые офицеры, не уступавшіе отставному нѣмцу въ любви и интересѣ къ естествознанію. Поручикъ Ф. Б. Пассекъ, [1]) человѣкъ богатый, поселился въ Кенигсбергѣ не надолго по цѣлямъ службы; обзавелся тамъ библіотекой и цѣлымъ кабинетомъ физическихъ приборовъ и машинъ, составлявшихъ послѣднее слово тогдашней науки. У него офицеры видѣли впервые (1754 г.) электрическую машину, огромную, занимавшую цѣлую комнату. Болотовъ часто посѣщалъ Пассека, приводя съ собой любознательныхъ товарищей; хозяинъ охотно дѣлалъ при нихъ опыты и показывалъ все, что имѣлъ. Нашъ авторъ положилъ здѣсь начало знакомству съ электричествомъ и его свойствами, вопросами, которые очень занимали его впослѣдствіи; въ своемъ экономическомъ магазинѣ и отдѣльныхъ статьяхъ онъ часто упоминаетъ о лечебной силѣ электричества, а подъ старость написалъ о немъ цѣлую книгу. Другимъ чудомъ кабинета былъ воздушный насосъ; много меньшихъ инструментовъ и коллекція микроскоповъ дополняли собраніе. Все это обладатель повезъ, полагаемъ, съ собой въ Россію.

Его пріятель Орловъ позаимствовалъ у него живой интересъ къ быстро развивавшейся наукѣ: впослѣдствіи онъ сталъ извѣстнымъ любителемъ естествознанія и горячимъ поклонникомъ Ломоносова. Порошинъ разсказываетъ, что въ 1766 г.

---

[1]) Братъ П. Б. Пассека, игравшаго видную роль въ переворотѣ 28-го іюня 1762 г.

онъ производилъ у государыни опыты съ электричествомъ, когда законы его были малоизвѣстны; когда же онъ посѣщалъ цесаревича Павла, разговоръ обыкновенно шелъ о физикѣ, химіи и разныхъ опытахъ.

Сильно увлекаясь опытными науками, настолько, что впослѣдствіи довольно удачно приспособлялъ ихъ къ сельскому хозяйству, къ лѣченію болѣзней, Болотовъ придаетъ имъ, однако, въ запискахъ меньше значенія, чѣмъ своимъ литературнымъ упражненіямъ, чтенію и преимущественно изученію философіи; послѣднее—его слабость, часто довольно смѣшная. Добравшись до обширныхъ книжныхъ лавокъ, онъ положительно терялъ въ нихъ голову; кошелекъ не позволялъ ему купить и сотой доли того, чего хотѣлось, да и выбирать онъ не умѣлъ. Пріятели, благовоспитанные нѣмцы-канцеляристы, выручили его весьма любезно изъ мучительныхъ затрудненій: ему указали дорогу въ библіотеку съ абонементомъ для чтенія.

Отсюда началась у страстнаго книжника эпоха систематическаго до извѣстной степени чтенія, серьезнаго самообразованія, когда онъ черезъ русскихъ студентовъ познакомился немного съ тѣмъ, что дѣлалось въ стѣнахъ университета, и даже сблизился съ нѣкоторыми нѣмецкими профессорами. Но чтеніе, всѣ образчики современной литературы, перебывавшіе въ рукахъ мемуариста, имѣли такое глубокое вліяніе на его умственное развитіе, на весь складъ понятій будущаго экономиста-помѣщика и литератора, что мы считаемъ полезнымъ посвятить особую главу этому отдѣлу записокъ.

ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ СРЕДИНѢ XVIII-го ВѢКА [1]).

Въ исторіи просвѣщенія Россіи первая треть XVIII в. представляется какъ эпоха господства утилитарнаго направленія. Характеръ учебнаго дѣла опредѣлялся въ то время самыми насущными потребностями преобразуемаго государ-

[1]) Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія, 1886 г., апрѣль.

ства. Учась, русскій человѣкъ готовился къ выполненію опредѣленныхъ, уже предназначенныхъ ему занятій; учились на спѣхъ по строго опредѣленной программѣ, чтобы какъ можно меньше времени отнимать у службы. Тогда въ человѣкѣ видѣли прежде всего работника, мастера своего дѣла. Дворянство, старый служилый классъ, изъ котораго вышли ближайшіе помощники Петра, принуждено было учиться больше другихъ сословій и обязательно служить государству. За то, научившись прикладывать къ дѣлу пріобрѣтенныя знанія, хотя-бы и весьма ничтожныя съ современной точки зрѣнія, служилые люди раньше другихъ увидѣли результаты своей дѣятельности, раньше другихъ убѣдились въ пользѣ ученія и начали понемногу интересоваться европейской наукой и литературой. Съ появленіемъ этого интереса, во второй трети прошлаго вѣка замѣчается новое направленіе въ русскомъ образованіи, которое можно назвать по преимуществу книжнымъ. Съ воцареніемъ Анны Іоанновны служилый дворянскій классъ получилъ значительныя льготы, возможность дольше учиться и меньше служить. Но если учебное время легко могли продлить по желанію, то школъ по прежнему было мало, учителей для нихъ не доставало; дѣти и юноши по прежнему учились кое-чему и кое-какъ.

Школьныя образовательныя средства не могли удовлетворять потребностямъ сколько-нибудь живыхъ, воспріимчивыхъ умовъ; этимъ послѣднимъ приходилось удовлетворяться преимущественно чтеніемъ, книгами. Уже въ царствованіе Елизаветы Петровны, по мемуарамъ современниковъ и другимъ извѣстіямъ того времени, можно насчитать много лицъ знатныхъ и незнатныхъ, у которыхъ любовь къ чтенію переходила въ страсть. Въ высшемъ кругу столичнаго дворянства не жалѣли денегъ на библіотеки; выписывали цѣлые транспорты книгъ классическихъ и новѣйшихъ авторовъ. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ молодежь съ дѣтскихъ лѣтъ послѣдовательно и внимательно перечитывала всѣ выдающіеся труды европейскихъ мыслителей и главнымъ образомъ французскихъ философовъ. Но пока только богатая знать могла знакомиться изъ первыхъ рукъ съ просвѣтительными идеями вѣка. Мало обезпеченные люди, среднее и мелкое дворянство, почти не

имѣло случая слѣдить за современной литературой и не могло выписывать книгъ изъ-за-границы. А въ самой Россіи книги были еще такъ рѣдки и дороги, что небогатымъ грамотѣямъ приходилось удовлетворять свою страсть къ чтенію всѣмъ безъ разбора, что попадалось подъ руку. За то, дорожа всякой книгой, ее читали и перечитывали очень внимательно, чуть не наизусть заучивали цѣлые томы. Съ трудомъ добывъ для прочтенія что-нибудь особенно занимательное, любители принимались списывать экземпляръ для себя. Многіе сочиненія и переводы расходились въ рукописяхъ, и у нѣкоторыхъ книжниковъ наряду съ любовью къ чтенію развивалась любовь къ писанью, даже къ переписыванью Такъ одинъ помѣщикъ съ гордостью показывалъ гостямъ цѣлую библіотеку изъ нѣсколькимъ шкафовъ, наполненныхъ рукописями его собственной работы.

Неразборчивые и небогатые читатели довольствовались беллетристикой, старыми авторами XVII вѣка, иногда доступными изданіями нѣмецкихъ популяризаторовъ. Слабые отголоски современныхъ идей доходили до нихъ черезъ вторыя и третьи руки въ плохой переработкѣ, въ видѣ общихъ мѣстъ, разбросанныхъ на страницахъ дидактическихъ и беллетристическихъ произведеній. Этими общими мѣстами пробавлялось и научалось нѣсколько поколѣній русскаго грамотнаго общества, и они имѣли не малое вліяніе на развитіе русской личности XVIII вѣка, особенно личности дворянскаго слоя. Въ мемуарахъ того времени находимъ указанія на это вліяніе литературныхъ произведеній. Особенною полнотой и подробностью отличаются въ этомъ отношеніи записки нашего героя А. Т. Болотова; онъ довольно обстоятельно разсказываетъ о многихъ книгахъ, читанныхъ имъ въ дѣтствѣ и юности, и о впечатлѣніи, которое выносилъ онъ изъ чтенія. Не отличаясь ни особымъ умомъ, ни блестящими способностями, нашъ авторъ выдавался изъ массы другихъ дворянъ-книжниковъ Екатерининской эпохи необычайнымъ трудолюбіемъ и большою отзывчивостью ко многимъ научнымъ и экономическимъ вопросамъ, еще едва возникавшимъ въ Россіи. Онъ оставилъ послѣ себя массу статей, печатныхъ изданій и рукописей, гдѣ касался очень разнообразныхъ областей литературы, исторіи, философіи,

педагогики, сельскаго хозяйства; но только послѣдній отдѣлъ доставилъ ему маленькую извѣстность. Отсутствіе даровитости въ авторѣ придаетъ въ нашихъ глазахъ особый интересъ тѣмъ страницамъ его записокъ, гдѣ идетъ рѣчь о книгахъ. Наивно восторженныя, иногда немного напыщенныя цитаты свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ всецѣло предавался впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ прочитаннаго, и что самый характеръ и воззрѣнія его складывались въ значительной степени подъ вліяніемъ книгъ.

Большая часть книгъ, перебывавшихъ въ рукахъ Болотова за время его юности, принадлежала къ числу пользовавшихся въ свое время громкой извѣстностью; обо многихъ изъ нихъ очень хорошо отзываются извѣстные писатели XVIII в. и другіе болѣе даровитые мемуаристы. Слѣдуя указаніямъ Болотова, мы просмотрѣли многія книги, оказавшія на него замѣтное вліяніе; сравнивая его отзывы съ отзывами другихъ современниковъ о тѣхъ же произведеніяхъ европейской литературы, мы нашли возможнымъ намѣтить нѣкоторыя общія характерныя черты, свойственныя умственному и нравственному строю, который отличалъ его время и въ духѣ котораго складывалось міровоззрѣніе русскаго юношества средины XVIII вѣка, будущаго блестящаго, вольнаго дворянства, какимъ оно явилось въ царствованіе Екатерины II.

Мы знаемъ, какъ безпорядочно шло ученье Болотова; знаемъ, что любовь къ чтенію впервые зародилась въ немъ въ пансіонѣ Ферре, гдѣ онъ съ удовольствіемъ занимался переводами газетныхъ статей и басенъ Эзопа. Какъ лучшаго ученика, Ферре заставлялъ его читать себѣ вслухъ Фенелонова Телемака. Мальчикъ такъ увлекся знаменитымъ произведеніемъ, что не довольствуясь медленнымъ чтеніемъ французскаго текста, досталъ себѣ русскій переводъ и со страстью зачитывался имъ одинъ. Эта книга производила на русскихъ читателей такое же обаятельное впечатлѣніе, какъ и во всей западной Европѣ; тамъ это произведеніе считалось „болѣе классическимъ, чѣмъ самые памятники классическихъ авторовъ“, и въ немъ находили отликъ на многіе жгучіе современные вопросы. У насъ оно имѣло значеніе своею другой стороной: оно сообщало внимательнымъ читателямъ нѣкоторыя

понятія объ исторіи древняго міра, о мифологіи, о бытѣ древнихъ народовъ. Все это кружило голову мальчику, и греческіе воины грезились ему во снѣ и на яву. Но любопытно для характеристики автора, что онъ намѣренно умаляетъ въ своихъ запискахъ вліяніе французскаго просвѣщенія передъ вліяніемъ нѣмецкимъ; вопреки очевиднымъ фактамъ, онъ старается убѣдить своихъ потомковъ, что именно въ семьѣ курляндскаго помѣщика подъ руководствомъ нѣмецкаго учителя-философа зародилась въ немъ склонность къ наукамъ и художествамъ, а вовсе не въ пансіонѣ Ферре, къ которому вообще относится очень сухо. А между тѣмъ, онъ съ тѣхъ поръ страстно полюбилъ ученіе, горюя только, что читать ему нечего. „И куда жаль", пишетъ онъ, что у насъ въ Россіи было такъ еще мало русскихъ книгъ, что въ домахъ не было не только библіотекъ, но ни малѣйшихъ собраній, а у французскихъ учителей и того меньше". Тутъ авторъ опять кривитъ душой: черезъ нѣсколько страницъ онъ же разсказываетъ, что М-г Лаписъ не выпускалъ изъ рукъ своихъ французскихъ книгъ.

Отъ занимательнаго французскаго романа Болотову пришлось перейти къ сухимъ неудобочитаемымъ отцовскимъ книгамъ. Отъ нечего дѣлать, онъ перечитывалъ краткій учебникъ исторіи Курраса, исторію походовъ принца Евгенія и жизнь Александра Македонскаго Квинта Курція. На нихъ мальчику пришлось заговѣться надолго; только три года спустя онъ немного познакомился съ легкой литературой, составлявшей излюбленное чтеніе въ среднихъ кружкахъ столичнаго дворянства. Въ 1752 году въ домѣ дяди конногвардейца онъ немного познакомился съ жизнью столичнаго общества; въ то время, забавлялись въ компаніи пѣсенками и стишками, передѣланными съ французскаго, и русскими, сочиненными Сумароковымъ, начинали наединѣ зачитываться переводными романами. Одинъ гвардейскій офицеръ, изъ постоянныхъ посѣтителей дома, очень заинтересовался 14-лѣтнимъ Болотовымъ; самъ страстный любитель чтенія, онъ сошелся на этомъ съ мальчикомъ и снабдилъ его разъ огромной рукописью переводнаго французскаго романа „Эпаминондъ и Целеріана", романа „прямо любовнаго", говорятъ записки. При этомъ мальчикъ

получилъ строгое внушеніе читать внимательнѣй, чтобы отдать офицеру отчетъ въ прочитанномъ. Питавшійся Куррасомъ и Курціемъ, Болотовъ съ понятнымъ увлеченіемъ перечиталъ его нѣсколько разъ въ самое короткое время и удовлетворительно выдержалъ бесѣду по поводу Эпаминонда". Намъ не удалось ознакомиться съ содержаніемъ этого романа, а потому и не можемъ провѣрить впечатлѣній читателей; но нашъ герой съ тѣхъ поръ проникся уваженіемъ къ романамъ и раздѣлялъ серьезный взглядъ нѣкоторыхъ своихъ современниковъ, почитавшихъ романы весьма важнымъ матеріаломъ для чтенія.

Осиротѣвъ на 15-мъ году, Болотовъ переѣхалъ съ дядькой въ деревню; здѣсь онъ самъ готовился къ служебному экзамену по старымъ тетрадкамъ петровскихъ временъ, читалъ Четьи-Минеи и Камень вѣры С. Яворскаго, единственныя добытыя имъ въ деревнѣ книги, и почерпнулъ изъ нихъ столько познаній, что прослылъ у сельскихъ поповъ чуть не богословомъ. Перечитавъ и переучивъ все, что было подъ рукой, онъ принялся списывать Телемака и житія святыхъ. Процессомъ переписки юноша старался хоть немного замѣнить недостатокъ въ книгахъ для чтенія. „Я находилъ какое-то особливое удовольствіе въ сей работѣ", пишетъ онъ, „и она была мнѣ не только не трудна, но еще и увеселительна".

На 17-мъ году, какъ извѣстно, мемуаристъ поступилъ сержантомъ въ полкъ; къ самой военной службѣ онъ скоро сталъ питать большую антипатію и продолжалъ заниматься преимущественно книгами, переводами и переписываньемъ. Въ первый годъ службы онъ особенно зачитывался тремя излюбленными романами того времени: „Аргенидой", „Жиль-Блазомъ" и Клевеландомъ".

Авторъ старинпаго романа „Аргенида", англичанинъ Барклай, написалъ свое произведеніе по-латыни въ 1619 г. Оно явилось отголоскомъ горячихъ политическихъ споровъ современниковъ о лучшихъ формахъ правленія; самъ авторъ держался монархическихъ убѣжденій и стремился даже въ своемъ романѣ дать наставленіе государямъ, какъ управлять государствомъ. Въ Европѣ такъ заинтересовались романомъ, что для истолкованія его былъ составленъ особый ключъ или

сборникъ комментаріевъ. Фабула романа отличалась обиліемъ запутанныхъ приключеній, трогательныхъ эпизодовъ, героическихъ подвиговъ, а слогъ неестественной напыщенностью, хотя, „какъ особливо пінтическій и героическій“, очень нравился русскимъ читателямъ. Переводчикъ „Аргениды“, извѣстный В. К. Тредьяковскій, зная уровень развитія своей публики и желая принести ей пользу, прибавилъ къ каждой главѣ особый отдѣлъ поясненій, гдѣ говорилъ вкратцѣ о нѣкоторыхъ подробностяхъ древней жизни, упомянутыхъ въ разсказѣ, о миѳологическихъ существахъ, древнихъ герояхъ и обычаяхъ; поэтому книга, заинтересовывая мало-образованныхъ читателей, сообщала нѣкоторыя свѣдѣнія и по древней исторіи.

Что касается „Жиль-Блаза“, то онъ настолько извѣстенъ и въ наше время, что распространяться о немъ не представляется нужнымъ; въ прошломъ же вѣкѣ онъ былъ общимъ достояніемъ всей европейской публики. Нѣмецкой историкъ Бидерманъ говоритъ, что во всѣхъ библіотекахъ нѣмецкихъ дворянъ имѣлись „Похожденія Жиль Блаза“ на ряду съ „Маркизомъ Г.“ или „L'Homme de qualité“. У насъ „Аргенида“ съ „Телемакомъ“ и тѣмъ же „Маркизомъ Г.“ также были принадлежностью всякой библіотеки любителя чтенія; ими восторгался въ юности Державинъ, ихъ читалъ и расхваливалъ баснописецъ Дмитріевъ.

До сихъ поръ мы перечисляли произведенія старыя, весьма популярныя, но уже не вносившія почти ничего новаго въ міровоззрѣніе русскаго дворянскаго юношества. „Клевеландъ или философъ англійскій“ открылъ Болотову рядъ новыхъ понятій. Болотовъ такъ увлекся этимъ романомъ, что въ самую горячую пору семилѣтней войны, среди маршей и лагерныхъ тревогъ, носилъ одинъ изъ томиковъ нѣмецкаго перевода „Клевеланда“ въ карманѣ и пользовался всякой остановкой для чтенія; онъ переводилъ его на русскій языкъ, усаживаясь, гдѣ-попало съ письменными принадлежностями и совершенно забывая про окружающую походную суматоху. Въ немъ уже сказывался оригинальный дворянинъ-любословъ, по мѣткому старинному выраженію, будущій достойный подданный императрицы Екатерины II, которая сама признавалась, что не

могла видѣть пера и чернилъ, чтобы не написать ими чего-нибудь.

Оба романа—„Житіе Клевеланда, философа англійскаго“ и „Маркизъ Г.“, принадлежатъ перу извѣстнаго французскаго писателя аббата Прево д'Экзиля, автора „Manon-Lescaut“ и многихъ другихъ романовъ. Дмитріевъ замѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что „Клевеландъ“ и „Маркизъ Г.“ были въ большомъ почетѣ у русскихъ читателей до самаго конца XVIII вѣка. Воззрѣнія, которыя авторъ проводитъ въ нихъ, вполнѣ гармонировали съ настроеніемъ общества и доставляли романамъ репутацію серьезныхъ поученій. Русскій переводъ „Клевеланда“ вышелъ въ 1760 г. безъ имени переводчика. Это неизвѣстное лицо предпосылаетъ своему переводу интересное предисловіе, гдѣ старается доказать, что чтеніе романовъ можетъ принести только пользу. „Сперва“, говоритъ переводчикъ, „авторы предлагали свои наставленія просто и повелительно, яко законодавцы“, но затѣмъ оказалось необходимымъ облечь ихъ въ привлекательныя формы, и въ такомъ направленіи явилось много книгъ. „Къ сему роду принадлежатъ и извѣстныя подъ именемъ романовъ сочиненія, того ради изобрѣтенныя, дабы, описывая въ нихъ разныя похожденія, сообщать къ добродѣтельному житію правила“. Признавая, что есть много нелѣпыхъ романовъ, русскій переводчикъ „Клевеланда“ выдвигаетъ достоинства хорошихъ. „Изображаются въ нихъ нравы человѣческіе, добродѣтели и немощи, показываются отъ разныхъ пороковъ разныя бѣдствія въ примѣрахъ, то причиняющихъ ужасъ, то соболѣзнованія и слезы извлекающихъ; и, между цѣпью наистройнѣйшимъ порядкомъ совокупленныхъ приключеній, наставленія къ добродѣтели полагаются. На толь правильномъ основаніи и съ толь добрымъ намѣреніемъ расположенное сочиненіе хулы ли нашей достойно?“ Въ этихъ словахъ высказывается идеалъ романа, какимъ онъ сложился въ умахъ лучшей части читателей.

Крайне сложная фабула „Клевеланда“ заимствована изъ эпохи первой англійской революціи; герой романа — побочный сынъ Кромвеля. Его мать, бывшая возлюбленная Карла I, обиженная охлажденіемъ короля, перешла въ лагерь

Кромвеля. Къ ней относятся весьма характерныя для XVIII вѣка слова: „Люди прощаютъ женщинамъ нѣкоторыя слабости, которыя благороднымъ своимъ происхожденіемъ оправдываемы быть кажутся. Честь, отъ наслажденья любовью великаго государя происходящая, награждаетъ нѣкоторымъ образомъ лишеніе добродѣтели. И кромѣ особливыхъ такихъ обстоятельствъ, гордость нашу сильно прельщавшихъ и перемѣну самыхъ мыслей нашихъ производящихъ“. Любопытна поощрительная снисходительность, съ которой этотъ заурядный эпизодъ изъ вѣка фаворитовъ и фавориткъ переносится на страницы одного изъ перловъ нравоучительной литературы. Проведя молодость въ романическихъ похожденіяхъ, бывшая фаворитка подъ старость погрузилась въ занятія нравственною философіей и въ духѣ ея воспитала своего сына. Достойный сынъ составилъ себѣ для памяти систематическій сводъ ея поученій и сдѣлалъ эту тетрадь своею настольною книгой. Съ 15-ти лѣтъ онъ началъ самъ философствовать. Но даже при такомъ героѣ-философѣ произведеніе XVIII вѣка, предназначенное преимущественно для поученія благородныхъ, не могло обойтись безъ извѣстнаго элемента свѣтскости. Необыкновенно развитой юный философъ по внѣшности казался дикаремъ. „не зналъ манеръ“. Чтобы сдѣлаться достойнымъ мужемъ дочери одного лорда, онъ началъ всѣми мѣрами развивать въ себѣ ловкость. „Становился учтивъ и ласковъ и на все примѣтливъ, и отъ часу познавалъ болѣе, что всегда наивысочайшія науки и самая добродѣтель еще недостаточны, если не имѣемъ при нихъ знанія, какъ жить въ свѣтѣ, и ласковаго, снисходительнаго вида, который дѣлаетъ насъ пріятными и любезными“. Послѣ цѣлаго ряда необыкновенныхъ происшествій, Клевеландъ съ женой оказались въ Америкѣ, гдѣ попали въ плѣнъ къ дикарямъ, а послѣдніе вскорѣ выбрали героя вождемъ цѣлаго племени Разумѣется, европеецъ воспользовался властью, чтобы цивилизовать дикарей, ввести нравы и культуру своей страны. Здѣсь мы встрѣчаемся въ романѣ съ нѣкоторыми характерными воззрѣніями, присущими XVII и особенно XVIII вѣкамъ; авторъ старается повыгоднѣе и освѣтить ихъ и, придать имъ значеніе великой развивающей и организующей

силы. Измѣнить внѣшній видъ почти нагихъ дикарей Клевеландъ не рѣшился. Пока они одѣвались, размышлялъ онъ, только по естественному побужденію, когда чувствовали холодъ, и „жили среди безпорочной простоты“; если же ихъ пріучить всегда одѣваться, то они станутъ смотрѣть на одежду, какъ на украшеніе, впадутъ въ тщеславіе, выдумаютъ свои моды и наживутъ жалкіе пороки европейцевъ. Что касается внутренняго быта дикарей, то Клевеландъ, къ своему удивленію, не нашелъ „у нихъ никакихъ понятій о преслованутомъ естественномъ правѣ“; всѣ родовыя связи отсутствовали; родители не заботились о воспитаніи дѣтей, а взрослые дѣти смотрѣли на родителей, какъ на постороннихъ. Не обязанныя имъ почтеніемъ, дѣти не признавали и старшихъ вообще; юноши племени считались равными старикамъ. При всемъ этомъ герой принужденъ сознаться: „по всего удивительнѣе мнѣ казалось, что въ домахъ господствовала ненарушимая тишина, не взирая, что никто другому подвластенъ не былъ“. Онъ объясняетъ это только добродушнымъ нравомъ абаковъ. Такой безпорядочный миръ и равенство европеецъ XVIII вѣка призналъ недѣйствительнымъ. Онъ внушилъ дикарямъ понятіе о родительской власти, ограниченной въ извѣстныхъ предѣлахъ, почтеніе и послушаніе всѣмъ старшимъ. Въ каждомъ домѣ поставлено было одно лицо главнымъ или старшиной, которому повиновались всѣ домашніе. Молодежь, „что съ природы не любитъ быть въ послушаніи“, была пріучена къ послушанію военными упражненіями, обучена солдатскому строю, и это помогло дикимъ привыкнуть „къ понесенію ига“. Самъ Клевеландъ не зналъ военной науки, но полагался въ этомъ случаѣ на одного своего товарища и находилъ, „что разумный человѣкъ безъ дальняго труда можетъ самъ изобрѣсть начальныя правила ко всякой наукѣ“. Замѣчательно, что всѣ реформы были введены въ три дня и также быстро оказали свое дѣйствіе: дикари сами признались, что „жизнь ихъ черезъ то сдѣлалась благополучнѣе, и вѣшній обрядъ общества великолѣпнѣе и пріятнѣе“. Ради обращенія дикарей въ христіанство, авторъ-аббатъ разрѣшилъ своему герою сдѣлать искусственное чудо съ помощью пороха; оно удалось блистательно и дикари

увѣровали. На этомъ остановились реформы въ бытѣ дикаго племени; дикарей вовсе не желали сдѣлать европейцами, а хотѣли только сгладить ихъ дикость и дать благообразный видъ обществу. Жена Клевеланда разсуждала такъ: „Все противное разуму или какими-нибудь излишествами отъ него отдаленное, не принадлежитъ до человѣчества; въ семъ смыслѣ, можетъ быть, найдется столько же дикихъ и варваровъ въ Европѣ, сколько и въ Америкѣ. Наибольшее число людей въ Европѣ удаляются отъ предѣловъ разума излишествами сладострастія, роскоши, честолюбія и скупости; въ Америкѣ же грубостью и звѣрствомъ. Ни въ тѣхъ, ни въ другихъ настоящихъ людей я не признаю. Одни нѣкоторымъ образомъ преходятъ естественное состояніе, а другіе до онаго не досягаютъ“... Въ такихъ безсвязныхъ отрывкахъ достигали отголоски философіи XVIII вѣка до средняго слоя русской грамотной публики.

Пока мы видѣли, что Клеведандъ отъ души заботится о дикаряхъ, какъ о братьяхъ по человѣчеству. Но вотъ онъ выступилъ однажды со всѣмъ племенемъ на поиски за своимъ пропавшимъ тестемъ. На пути среди отряда развилась моровая язва; но Клеведандъ спокойно смотрѣлъ, какъ дикари умирали жертвой его семейныхъ интересовъ, и не позволялъ возвращаться домой. Правда, онъ навѣщалъ и лечилъ ихъ, но какъ больныхъ четвероногихъ: „Въ посѣщеніяхъ моихъ больные находили утѣшеніе и издыхая, разными образами показывали мнѣ свою благодарность. Сего было для меня довольно ожидать конца, пока ихъ всѣхъ болѣзнь не похититъ, и дѣлать возможныя одолженія“.

Благополучно возвративъ героя въ цивилизованное французское общество, авторъ заставляетъ его познакомиться съ современною ему философіей матеріалистовъ. Пораженный разсужденіями одного матеріалиста на веселой пирушкѣ, Клеведандъ сошелся съ нимъ; тотъ крайне туманно, неопредѣленно изложилъ ему основные взгляды ученія и заключилъ словами: „этому нынѣ слѣдуютъ всѣ свѣтскіе люди; всѣ старинныя мечтанія оставляютъ для народа; сіе обузданіе нужно для его содержанія. Благопристойность въ обращеніи, склонность къ порядку и законы общества суть единственныя правила мірского человѣка и философа. Рожденіе его прилѣпляетъ

къ какой-нибудь должности; собственное его благо, зависящее отъ общества, обязуетъ его исполнять оную должности, а когда нарушаетъ его порядокъ, удаляясь отъ оныхъ, то чувствуетъ самъ, что по справедливости его наказать должно". Указаніе на свѣтскихъ людей, раздѣляющихъ взгляды матеріалистовъ, подѣйствовало очень убѣдительно на Клевеланда; онъ чуть было не вступилъ въ ихъ кружокъ, но во время остановился, смущаемый сомнѣніемъ въ „истинѣ столь мало полезнаго ученія". Вообще пользу и истинность философскаго ученія онъ полагалъ въ томъ, насколько оно способно поддержать душевное спокойствіе личности, насколько оно утѣшаетъ въ бѣдствіяхъ и испытаніяхъ. Клавеландъ находитъ успокоеніе отъ всякихъ сомнѣній въ религіозно-нравственныхъ наставленіяхъ какого-то престарѣлаго лорда, составляетъ себѣ довольно безсмысленное росписаніе должностей человѣческихъ и проводитъ остальную часть жизни въ полномъ благополучіи.

Романъ аббата Прево такъ тѣсно связанъ съ современною ему правоучительной и философскою литературой, съ которою Болотовъ познакомился потомъ заграницей, что нѣтъ надобности много распространяться здѣсь о его вліяніи на читателя. Этотъ романъ познакомилъ его съ популярнымъ раціонализмомъ того времени. Человѣческая личность, создаваемая этимъ началомъ, представляется очень односторонне—только разумною, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необыкновенно сильною; посредствомъ выводовъ разума, она считаетъ возможнымъ все разрѣшить, все выполнить въ своей и чужой сферѣ; она можетъ и должна сочинять начала наукъ, созидать общественныя формы и учрежденія чуть не въ 24 часа. Больше же всего сильный, разумный человѣкъ носится съ самимъ собой, старается освободить свой умъ отъ сомнѣній и тревогъ, сохранить свой покой, свое счастье, заключающееся въ независимости отъ земныхъ горестей и превратностей, въ эгоистической неприкосновенности. Такое стремленіе къ спокойствію, къ самоублаженію приходилось по вкусу многимъ любителямъ книжности въ средѣ русскаго дворянства.

Сословные взгляды прошлаго вѣка, быстро перенятые и крѣпко укоренившіеся у насъ, еще рѣзче высказываются въ другомъ романѣ Прево: „Маркизъ Г.", въ подлинникѣ „Les

mémoires d'un homme de qualité". Тутъ все дѣйствіе вертится на обязанностяхъ, соединенныхъ съ благородствомъ, и беззастѣнчиво, будто бы во имя нравственности, восхваляются самыя извращенныя понятія и людскія отношенія. Герой романа Г., одаренный отъ рожденія философскими способностями, былъ очень знатнаго происхожденія, но воспитался въ бѣдности, такъ какъ отецъ его женился, противъ воли дѣда, на бѣдной и не знатной дѣвушкѣ и за то лишился наслѣдства. Авторъ ясно намекаетъ читателямъ, что неравный бракъ отца и его ослушаніе родителямъ отзываются рядомъ несчастій на потомствѣ. Г. много странствуетъ, попадаетъ въ плѣнъ въ Турціи, а оттуда бѣжитъ въ Европу. Несчастья дѣлаютъ его религіозно-созерцательнымъ философомъ; онъ стремится въ монастырь; но просьбы знатнаго друга юности сдѣлаться наставникомъ его сына, маркиза, отвлекаютъ героя отъ монашества. Г. много путешествуетъ съ юношей по Европѣ, поучаетъ его добродѣтели и спасаетъ отъ пороковъ. Съ педагогическою цѣлью онъ вводилъ воспитанника даже въ низшій кругъ общества. „Такимъ образомъ, разсказываетъ менторъ, составляли мы изрядную мѣщанскою бесѣду, въ которой хотя не видно было тонкостей придворныхъ, однако знанія и разума въ обхожденіи не недоставало". Когда Г. нашелъ, что довольно влилъ въ маркиза знаній, дабы онъ могъ сдѣлать различіе между этимъ обществомъ и знатными господами, (сословій ниже мѣщанскаго, повидимому, вовсе не признавалось), онъ представилъ его ко двору. Отецъ маркиза безъ колебаній разрѣшалъ сыну жениться на бѣдной аристократкѣ, говоря: „Я самъ всегда тѣхъ мыслей былъ, что достоинство и родъ должно предпочитать богатству и знатнымъ чинамъ". Въ Англіи Г. возмущается тѣмъ, что знатные люди на народныхъ гуляньяхъ преспокойно смѣшиваются „съ самою подлостью"; „это они почитаютъ частью того, что своею вольностью именуютъ", пропизируетъ онъ. Добродѣтельный менторъ подглядываетъ за своимъ питомцемъ, перехватываетъ и читаетъ его письма, включая это въ число своихъ педагогическихъ обязанностей. Онъ самъ переодѣваетъ своего юнаго племянника въ женское платье, чтобы ознакомить его съ женскимъ монастыремъ. Юный маркизъ, по смерти знатной невѣсты, влюбляется въ

родственницу наставника, низкаго рода. Но энергичный Г. выдаетъ дѣвушку насильно за перваго встрѣчнаго, чтобы избавить маркиза отъ покушеній на неравный бракъ. Юноша въ ярости убиваетъ повобрачнаго и увозитъ свою Надину. Отецъ, въ виду скандала, разрѣшаетъ сыну жениться, съ тѣмъ условіемъ, что Надина должна добровольно уйти въ монастырь, когда ея мужу представится подходящая аристократическая партія. Мучительныя мѣры дяди доводятъ Надину до того, что она отталкиваетъ жениха и уходитъ въ монастырь до свадьбы, а менторъ-герой торжествуетъ и умиляется твердости, съ какою она приноситъ себя въ жертву.

Русской публикѣ такъ занимательно и пріятно было слышать изъ устъ идеальныхъ философовъ подтвержденіе и поясненіе до того только смутно воспринимаемымъ понятіямъ, что на этихъ романахъ воспитывалось не одно поколѣніе нашей молодежи. Державинъ наслаждался ими одновременно съ Болотовымъ; даже бойкая субретка-резонерка комедіи Екатерины II й „О время!“ зачитывается „Клевеландомъ“. Баснописецъ Дмитріевъ, принадлежавшій къ слѣдующему поколѣнію (род. въ 1760 г.), восторженно относится къ нимъ. „По этой книгѣ, говоритъ онъ о „Маркизѣ Г.“,—я получилъ первое понятіе о литературѣ: читая, помнится мнѣ, въ третьемъ томѣ описаніе ученой вечеринки, на которую маркизъ и его ученикъ приглашены были въ Мадридѣ, въ первый разъ я услышалъ имена Мольера, Буало, Кальдерона и т. д., критическое о нихъ сужденіе и пожелалъ съ ними познакомиться... Чтеніе романовъ не имѣло вреднаго вліянія на мою нравственность. Смѣю даже сказать, что они были для меня антидотомъ противу всего низкаго и порочнаго. Похожденія Клевеланда и маркиза Г. возвышали мою душу. Я всегда плѣнялся добрыми примѣрами и охотно желалъ имъ слѣдовать. „Однажды, Дмитріевъ ѣхалъ съ братомъ въ коляскѣ, и оба они молчали; вдругъ ему пришло въ голову: отчего такое молчаніе? „Помню изъ книгъ, что молодой маркизъ дорогой разсуждалъ въ коляскѣ съ своимъ наставникомъ, баронъ Нельницъ—со своимъ сыномъ и т. д. Отчего же никакіе предметы, никакой случай не возбуждаютъ во мнѣ размышленія? Конечно, оттого думалъ я—что они были умнѣе“. Болотовъ

имѣлъ наивность не оглядываться на свои способности и упорно началъ бы въ этомъ случаѣ подражать умнымъ разсужденіямъ знаменитыхъ героевъ-философовъ.

Съ „Клевеландомъ“ въ дорожной сумкѣ Болотовъ пріѣхалъ въ Кенигсбергъ, уже дорогой намечтавшись объ его книжныхъ магазинахъ и библіотекахъ, гдѣ онъ разсчитывалъ всласть начитаться. Уровень тогдашней германской культуры былъ уже значительно высокій. Еще съ конца XVII-го в. наука стала понемногу выходить изъ неподвижности и выводить умы изъ замкнутости въ богословскомъ міровоззрѣніи. Просвѣтительное движеніе въ западныхъ государствахъ началось раньше, и ходъ его былъ уже намѣченъ. „Подражаніе чужеземному“, говоритъ Геттнеръ, — „составлявшее величайшій вредъ для Германіи“, было вмѣстѣ съ тѣмъ и основаніемъ ея спасенія... Взглядъ разъ привыкшій обращаться на другія страны, не могъ, наконецъ, не увидѣть и той свободно мыслящей философіи, которая быстро развивалась въ Голландіи, Англіи и Франціи. Декартъ, Локкъ и другіе пріобрѣтаютъ и въ Германіи многочисленныхъ приверженцевъ.

Это просвѣщеніе было не возрожденіемъ, не возвращеніемъ къ какому-либо свѣтлому направленію изъ историческаго прошлаго; то было вполнѣ новое движеніе. Просвѣщеніе въ XVIII в. пошло въ ширь, захватывая въ кругъ умственной жизни значительныя массы общества. Новая школа сблизила науку и просвѣщеніе съ общественною жизнью, дѣлала ихъ общедоступными. Около половины XVIII в. средній городской классъ получаетъ свою популярную литературу, отвѣчающую его умственнымъ потребностямъ. По примѣру Англіи появилось множество періодическихъ изданій, такъ называемыхъ моральныхъ, правоучительныхъ, гдѣ касались всѣхъ сторонъ общественной и семейной жизни: затѣмъ появилась масса подражательныхъ и самостоятельныхъ романовъ, занимательнаго и поучительнаго содержанія. Люди стараго закала косились на новое направленіе: „знанія, почерпнутыя изъ учебниковъ и популярныхъ изданій, не создадутъ, говорили они,—ни одного порядочнаго ученаго, а толпу недоучекъ“. Но новые мыслители находили, что въ жизни во всякомъ случаѣ пріятнѣе и полезнѣе имѣть дѣло съ человѣкомъ чему-

нибудь учившимся, чѣмъ съ невѣждой. Вольфъ и Готтшедъ особенно много сдѣлали въ этомъ отношеніи. Горячая борьба науки съ исключительно богословскимъ направленіемъ охватила всѣ университеты; въ этомъ просвѣтительномъ движеніи принимали участіе богатые торговые города Германіи, а среди нихъ Кенигсбергъ занималъ почетное мѣсто; онъ рано сдѣлался разсадникомъ освободительнаго направленія и однимъ изъ центровъ умственной жизни.

Съ воцареніемъ Фридриха II-го Пруссія перестала отставать отъ южной Германіи. Энергично покровительствуя наукѣ и литературѣ, Фридрихъ вмѣстѣ съ тѣмъ искусно вводилъ порядокъ во всѣ отдѣлы своей администраціи. Кругъ, съ которымъ Болотову довелось войдти въ сношенія,—прусское чиновничество, было поставлено гораздо лучше, нежели въ остальной Германіи. Произволъ и злоупотребленія высшаго сословія сдерживались журналистикой, грозившею разоблаченіями и покровительствуемою самимъ королемъ ради политическихъ цѣлей. Осмѣивая пустую напыщенность и безтолковое подраженіе французамъ въ дворянской средѣ, Фридрихъ однако всегда и всюду оказывалъ предпочтеніе дворянамъ. Онъ полагалъ, что въ этомъ сословіи болѣе развиты умственныя способности и чувство чести, чѣмъ въ другихъ классахъ; такъ, въ офицеры производились почти исключительно дворяне, которые одни только и были принимаемы въ кадетскихъ корпусахъ.

Устроившись со службой, Болотовъ съ жадностью принялся за книги; по совѣту пріятелей, онъ прежде всего взялся за романы, чтобы освоиться со всѣми особенностями нѣмецкаго языка и, привыкнувъ читать съ полнымъ вниманіемъ, безъ затрудненій перейти къ серьезной литературѣ. Онъ просиживалъ за романами все свободное время въ теченіи цѣлаго года и перечиталъ за это время всѣ извѣстнѣйшія беллетрическія произведенія нѣмецкія и переводныя. Число ихъ было такъ значительно, что Болотовъ не записываетъ никакихъ заглавій, а сообщаетъ только результатъ своего знакомства съ ними, внося сюда кое-какія мнѣнія изъ позднѣйшей эпохи своей жизни, когда, отдѣлывая свои записки, писалъ статью, оставшуюся въ рукописи, „Мысли о романахъ“. Подобно

Дмитріеву, онъ старается опровергнуть мнѣніе, что чтеніе романовъ можетъ принести вредъ: „Умъ мой наполнился множествомъ новыхъ и такихъ знаній, какихъ онъ до того не имѣлъ, а сердце нѣжными и благородными чувствованіями, способными не преклонять, а отвращать меня отъ пороковъ и худыхъ дѣлъ... Второю и не менѣе важною пользою, полученною мною отъ сего чтенія, можно почесть ту, что я, читая описываемыя происшествія во всѣхъ государствахъ и во всѣхъ краяхъ свѣта, нечувствительно познакомился гораздо ближе со всѣми оными, а особливо со знатнѣйшими городами. Я узналъ и получилъ довольное понятіе о разныхъ нравахъ и обыкновеніяхъ народовъ и обо всемъ томъ, что во всѣхъ государствахъ есть хорошаго и худого, и какъ люди въ томъ государствѣ живутъ и что у нихъ тамъ водится. Сіе замѣнило мнѣ весьма много особливое чтеніе географическихъ книгъ и сдѣлало меня съ сей стороны гораздо болѣе знающимъ. Не меньше понятія получилъ я и о родѣ жизни разнаго состоянія людей, начиная отъ владыкъ земныхъ, даже до людей самаго низкаго состоянія. Самая житейская свѣтская жизнь во всѣхъ ея разныхъ видахъ и состояніяхъ, и вообще весь свѣтъ сдѣлался мнѣ гораздо знакомѣе!..“ Вотъ какое широкое развивающее значеніе приписывали романамъ читатели прошлаго вѣка! Хотя тогдашніе романы находили излишнимъ вѣрное воспроизведеніе дѣйствительной жизни, но и они, какъ газеты въ пансіонской программѣ, знакомили внимательныхъ читателей съ мѣстностями и государствами, съ событіями и обычаями общественной и домашней жизни; иногда указывали на историческія эпохи, на ихъ дѣятелей, придавая имъ и нѣкоторые характерные оттѣнки. По содержанію тогдашніе нѣмецкіе романы были довольно разнообразны. Въ среднемъ кругу еще ходили по рукахъ старинныя произведенія, въ родѣ „Аргениды“, гдѣ подъ вымышленною обстановкой рисовались современныя государства, и еще болѣе смѣшанныя произведенія, извѣстныя подъ названіемъ государственно-любовно-героическихъ исторій. На ряду со старонѣмецкими комическими романами встрѣчаемъ строго поучительные и даже просто учебные, какъ указанный Геттнеромъ „Островитянскій Мандарель или географическо-историческо-

политическое описаніе всѣхъ острововъ земнаго шара". Среди современныхъ романовъ, исключительно правоучительнаго направленія, выдѣлялась группа робинзонадъ, подражаній „Робинзону Крузо" Дефо; но онѣ значительно отличались отъ своего англійскаго первообраза; послѣдній, устраивая собственными средствами вокругъ себя отдѣльный міръ, все-таки очень близокъ къ родному, хотя и далекому отъ него обществу; нѣмецкіе Робинзоны отрываются отъ человѣчества, устраиваютъ невозможныя фантастическія республики и наслаждаются полнымъ спокойствіемъ вдали отъ тревогъ и горестей міра.

Нѣсколько далѣе Болотовъ говоритъ въ запискахъ: „Многія и разныя еженедѣльныя сочиненія, издаванныя въ Германіи въ разныя времена, попавшись мнѣ также въ руки, помогли не только усилиться во мнѣ склонности къ правоученію, но спознакомили меня и съ эстетикой, положили основаніе хорошему вкусу и образовали во многихъ пунктахъ умъ мой и сердце". Эти нравоучительныя изданія появились въ Германіи подъ вліяніемъ англійскихъ Зрителя, Опекуна и др. Они были литературнымъ достояніемъ среднихъ классовъ, по словамъ Бидермана—„органами проснувшагося мѣщанства". Нѣмецкія моральныя изданія отличались отъ англійскихъ большею узкостью и мелочностью содержанія; они преподавали сухую общую мораль, педагогическія наставленія, помѣщали на своихъ страницахъ разные трактаты о дружбѣ, добродѣтели и проч. Касаясь домашней жизни, издатели входили въ самыя мелочныя, даже смѣшныя подробности; писали статейки о куреніи табаку, объ игрѣ въ карты, о нарядахъ и манерахъ; но несмотря на это, моральныя изданія долго были любимымъ чтеніемъ многочисленной публики и выходили до послѣднихъ годовъ XVIII вѣка. Въ нихъ затрогивались въ самой популярной формѣ серьезные и интересные вопросы о религіи и нравственности, о добродѣтели и порокахъ; какъ и въ Англіи, эти моральныя изданія въ религіозно-философскихъ вопросахъ составляли оппозицію философіи свободныхъ мыслителей и поучали о гибельности вольнодумства.

Надоумивъ Болотова приняться сперва за романы, нѣ-

мецкіе канцеляристы не съумѣли посовѣтовать ему, что дѣлать дальше. Русскіе сослуживцы предлагали почитать нѣкоторыя правоучительныя сочиненія, въ родѣ „Правоучительныхъ размышленій“ гр. Оксенштирна, но эти послѣднія не очень понравились мемуаристу, а романами онъ начиналъ пресыщаться. Случай вывелъ его на новый путь, натолкнувъ на одно изъ сочиненій Зульцера, нѣмецкаго мыслителя-эстетика: „Moralische Betrachtungen über die Werke der Natur“, въ русскомъ переводѣ: „Разговоры Сульцера о красотахъ естества“. Писать о природѣ въ нѣмецкой литературѣ начали то же подъ сильнымъ вліяніемъ англійскаго дидактическаго направленія, и особенно Попа. Въ своей книгѣ Зульцеръ проводитъ тѣ же мысли, что и Попъ въ своемъ „Опытѣ о человѣкѣ“, но слабо, искуственно, расплываясь въ смѣшныхъ подробностяхъ: онъ почтительно преклоняется предъ своимъ авторитетомъ и иногда цитируетъ его. Въ виду близкой связи между обоими авторами, необходимо нѣсколько коснуться „Опыта“.

Въ свое время это произведеніе Попа пользовалось уваженіемъ и среди ученыхъ спеціалистовъ; такъ, у насъ проф. Рихманъ, (убитый молніей), задавалъ ученикамъ переводить его отрывками. „Опытъ“ былъ переведенъ въ 1757 г. питомцемъ Академіи наукъ, Поповскимъ, и выдержалъ очень много изданій. Переводчикъ признавался, что нѣкоторыя мѣста французскаго экземпляра были ему „не весьма вразумительны“; тѣмъ не менѣе въ предисловіи очень высоко ставилъ Попа, какъ философа, высказывая вообще требованія современнаго общества. „Попе были отверсты всѣхъ божескихъ и человѣческихъ вещей познанія; онъ проникалъ остротою разума въ самыя тонкости метафизики; только не такъ, какъ прочіе философы, кои о безполезныхъ и непонятныхъ совсѣмъ вещахъ подпимаютъ неугомонные споры. Попе не вязывался рѣшать и доказывать такія непостижимости, но то только, что никакому сомнѣнію не подвержено, что знать человѣку надобно и что къ истинному его благополучію служитъ, представлялъ и училъ удобопонятнѣйшими изображеніями“. Люди, не подготовленные къ чтенію научныхъ и философскихъ книгъ, но интересующіеся литера-

турой, увлекались прекрасно изложенными взглядами на вселенную и Творца, на силу добра и зла, на цѣль науки и, легко усваивая популярный пересказъ, иногда воображали себя способными подражать ему. Такъ, живой юмористъ Даниловъ, читавшій Монтаня и отрывки изъ Декарта, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ поэмы Попа началъ размышлять надъ міровыми вопросами и написалъ по этому поводу четыре „Письма къ пріятелю“.

Въ первомъ письмѣ своего „Опыта“ Попъ осуждаетъ тѣхъ, которые почему-либо дерзаютъ негодовать на Бога. Люди знаютъ только самую малую часть свѣта и, по слабости разумѣнія, не могутъ охватить міросозданія въ цѣломъ; они не могутъ разсуждать о томъ, что въ сущности добро и зло, такъ какъ то, что худо для одного, можетъ оказаться полезнымъ многимъ. Божественный промыселъ самые недостатки людей, безъ сомнѣнія, обращаетъ на общую пользу міра. Слѣдующее письмо поучаетъ, что человѣческая премудрость заключается въ познаніи самого себя. Въ человѣкѣ дѣйствуютъ два основныя начала — разумъ и самолюбіе; они даны отъ Бога, и потому не носятъ въ себѣ зла. Все, созданное Богомъ, справедливо. Погрѣшности и ошибки происходятъ отъ слѣпоты человѣческой и вовсе не нарушаютъ красоты и гармоніи міра; существованіе ихъ естественно и обращается на пользу общаго. Далѣе Попъ говоритъ объ обществѣ и находитъ, что любовь къ себѣ и ближнему одинаково подвигаетъ къ заботѣ объ обществѣ. „Любовь къ себѣ и ближнему и къ Богу, соединясь въ одно, являетъ намъ дорогу, какъ въ счастьѣ ближняго свое изобрѣсти и, охраняючи другихъ, себя спасти“. Что касается вопроса о счастьѣ, то, по мнѣнію Попа, здоровье, красота, благородство и проч. не могутъ быть источникомъ счастья; они шатки, измѣнчивы и не равно распредѣляются. Богъ уготовалъ людямъ только одинъ путь къ счастью — это добродѣтель; въ ней одной истинное благополучіе, для всѣхъ единое и общее. Вообще, нашъ міръ—лучшій изъ міровъ; въ немъ царствуютъ единство, связь, подчиненіе въ цѣлой гармоніи; естественное зло въ немъ неизбѣжно, но оно нисколько не портитъ цѣлаго. Все, что существуетъ, справедливо.

Поэма Попа оказывала на читающую публику такое же вліяніе, какое имѣлъ Зульцеръ на Болотова; она будила мысль, заставляла вдумчивѣе смотрѣть на Божій міръ и слѣдить за собой, за внутреннимъ міромъ человѣка. Разница въ томъ, что Болотовъ не почерпалъ свои воззрѣнія изъ первыхъ рукъ, а изъ сочиненій нѣмецкихъ поклонниковъ англійскаго писателя. Представителями этой группы являются у нѣмцевъ Брокесъ, Галлеръ, Гагедорнъ; съ ними, весьма вѣроятно, Болотовъ тоже познакомился, перечитавъ подъ впечатлѣніемъ Зульцера много разнообразныхъ описаній природы.

Произведеніе Зульцера написано въ 1745 г. въ томъ же духѣ оптимизма и провиденціализма, какъ и „Опытъ“ Попа. Оно появилось въ русскомъ переводѣ Протопопова, крайне плохомъ, только въ 1771 году. Состоитъ оно изъ трехъ частей — теоретической, разговоровъ пріятелей и краткаго понятія обо всѣхъ наукахъ; въ русскомъ переводѣ имѣются только двѣ первыя. Можетъ быть, третья была переведена отдѣльно съ педагогическою цѣлью; по крайней мѣрѣ по 1780 г. книгами Зульцера руководствовались профессора-юристы Московскаго университета, а преподаватель нѣмецкой словесности повторялъ со студентами его краткое понятіе обо всѣхъ наукахъ. Первая часть нашего перевода сообщаетъ разговоры двухъ пріятелей. Первый изъ собесѣдниковъ, сельскій житель, страстный поклонникъ природы и посвятившій себя ей, стремится сдѣлать такимъ же своего пріятеля. Онъ водитъ его по разнымъ окрестностямъ помѣстья, указываетъ ему на прелести видовъ, полей, деревьевъ, растеній и всего, что ихъ окружаетъ. Они наслаждаются прелестями дня, вечера и ранняго утра, сообщающими природѣ свой особый колоритъ. Глаза гостя впервые открываются на эти красоты, и онъ изъявляетъ готовность сколько угодно предаваться созерцанію природы. На прогулкахъ хозяинъ сообщаетъ разныя свѣдѣнія по физіологіи животныхъ и растеній; но чаще всего они изливаютъ чувства благоговѣнія предъ величіемъ и красотой естества. Насмотрѣвшись на природу, герои Зульцера заключаютъ, что все въ ней цѣлесообразно, цѣльно, все приноситъ свою пользу. Доказательства приводятся въ духѣ богословія Вольфа, но односторонни и мелочны: напримѣръ, вишни, по благости

Божій, зрѣютъ не во время зимнихъ холодовъ, когда онѣ вовсе не казались бы вкусными, а лѣтомъ; виноградъ же зрѣетъ осенью, а не въ лѣтній жаръ, когда молодое вино обратилось бы въ уксусъ. Такіе образцы размышленій оправдываютъ смѣлыя попытки самого мемуариста сдѣлаться „философическимъ писателемъ“. Изъ чудной гармоніи созданій созерцатели выводятъ заключеніе о могуществѣ Творца и прославляютъ Его высокопарными лирическими изліяніями. „Естество есть арфа, содержащая тысячу струнъ, Твоею всемогущею рукою настроенныхъ, и въ которыхъ ты открываешь свои вѣчныя Божескія мысли!.. Тебя, котораго храмъ есть все пространство, котораго алтарь есть земля“... и т. д. Пріѣзжій горожанинъ погружается наконецъ въ полный экстазъ: „Мнѣ казалось, что я во святомъ храмѣ находился, въ которомъ всѣ твари дѣлали глубочайшее поклоненіе своему Великому Создателю. Какъ въ торжественный праздникъ, душа добродѣтельнаго наполняется святымъ созерцаніемъ и думаетъ, что она чувствуетъ Бога“. Бесѣды пересыпаны сантиментальными описаніями всевозможныхъ прелестей природы до пѣнія птицъ и запаха цвѣтовъ. Въ нихъ всюду звучитъ одна и та же основная нота—усиленное воздѣлываньe любви къ природѣ; эта любовь не безъискусственный порывъ; она руководится наставленіями и опредѣленною полезною цѣлью: любовь къ природѣ лучше всего отвлекаетъ отъ скуки, которую всегда, рано или поздно, нагоняютъ шумныя забавы свѣтской жизни; она доставляетъ постоянное занятіе уму и душѣ; водворяетъ въ нихъ спокойствіе и даруетъ тихое лучшее удовольствіе и счастье, помогая человѣку углубиться въ себя.

Во второй части сочиненія Зульцера эта мысль высказана рѣзче: „Природа создана, чтобы питать животныхъ, а человѣка, кромѣ того, увеселять“. Эта часть, теоретическая и болѣе философская, наполнена выводами и аналогіями. Перечисливъ животныхъ разныхъ свойствъ и нравовъ и указавъ, что природа даетъ всѣмъ соотвѣтствующую обстановку и пищу, авторъ находитъ, что всѣ люди тоже получаютъ разнообразную пищу для своихъ душъ и различныя наслажденія, смотря по потребностямъ. Если потребности такъ естественно удовлетворяются ею, то человѣкъ, чтобы быть счастливымъ, долженъ главнымъ

образомъ слѣдовать естеству, природѣ. Въ ней все порядокъ; отдѣльному человѣку кажется, что онъ видитъ безпорядокъ только потому, что онъ часто требуетъ удовлетворенія исключительно своихъ личныхъ потребностей, забывая о безчисленномъ рядѣ другихъ существъ. Самое зло, недостатки и страсти человѣка вовсе не нарушаютъ гармоніи. Еслибы у человѣка отнять честолюбіе или самолюбіе, напримѣръ, то съ ними вмѣстѣ отнимается наибольшее побужденіе къ дѣятельности. Зульцеръ очень горячо старается доказать, что зло и кажущіеся непорядки „суть удивительный источникъ совершенства“; но, чувствуя, что зашелъ далеко, онъ слегка оговаривается, что вовсе не желаетъ оправдывать человѣческіе пороки и глупости, а только показать божескій промыслъ въ попущеніи зла“: высочайшая премудрость знаетъ изъ тьмы производить свѣтъ и человѣческіе пороки къ доброму концу въ разсужденіи цѣлаго употреблять. Человѣкъ однако остается виноватымъ и наказанія достойнымъ; но наказаніе не есть истинное зло, потоху что оно служитъ къ исправленію“. Вообще, доводы Зульцера слабы, хотя онъ горячо отстаиваетъ, что нашъ гармоничный міръ есть возможно совершенный; онъ сильно негодуетъ противъ гордаго невѣжества нѣкоторыхъ поносителей и жалобъ „простыхъ“, упирая на изрѣченіе Попа: „Что всегда есть, то справедливо“. Изъ идеи о порядкѣ міра выводятся правила общежитія: „Такъ мы должны всѣ свои дѣйствія до малѣйшихъ, какъ нить, учреждать по всеобщему правилу. Какое прекрасное зданіе, наконецъ, изъ сего учрежденія произойдетъ. Какое .спокойствіе должно въ насъ произойдти, когда мы на сей порядокъ смотримъ“.

Воззрѣнія этого литературнаго направленія нашли у насъ очень благодарную почву. Нашъ высшій наиболѣе грамотный слой общества познакомился съ ними какъ разъ наканунѣ коренной реформы, давно предчувствуемой и столь желанной, наканунѣ указа о вольности дворянства. Именно въ эту пору, когда привѣтствовалось освобожденіе отъ навязчивыхъ служебныхъ узъ, дававшее привиллегированной единицѣ полную индивидуальную свободу и укрѣплявшее власть ея надъ порабощеннымъ окружающимъ, эта проповѣдь постояннаго изученія самого себя, какъ высшей премудрости, отождествле-

нія общественнаго благополучія со своимъ личнымъ, крайней снисходительности ко злу и страстямъ, и конечнаго, блаженнаго успокоенія на лонѣ природы, этого храма Божества, должна была оставлять глубокіе слѣды въ умственномъ мірѣ нашего вольнаго и обезпеченнаго дворянства. Она не только открывала ему глаза на природу, но косвенно, съ высоты философской науки, давала санкцію общественнымъ отношеніямъ того времени, какъ бы поощряла невнимательное отношеніе къ угнетеннымъ и безправнымъ, потому что эти бѣдствія не могутъ составлять истиннаго несчастія для философскаго ума, и ощущеніе послѣдняго исчезаетъ предъ могуществомъ добродѣтели, которую Богъ сдѣлалъ всѣмъ равно доступною, а жаловаться на воображаемыя несчастія могутъ только безумные нечестивцы, да „простые“, то-есть, неразвитая, лишенная просвѣщенья масса. Эта проповѣдь, какъ дополненіе взглядамъ, распространяемымъ популярными правоучительными романами, вродѣ „L'homme dé quabité“, выясняла русскому дворянину свое собственное выгодное положеніе, заставляла, кромѣ занятій наукой, отыскивать и усердно воздѣлывать въ душѣ усовершенствованныя „qualités“ на благо и утѣшеніе себѣ и отчизнѣ.

Что касается до перемѣны во взглядахъ на природу подъ вліяніемъ иностранной литературы, то врядъ ли гдѣ она выразилась такъ ярко, какъ у Болотова; впечатлительный и простодушный, онъ весь безъ критики и оглядки проникся новымъ для него и поразительнымъ отношеніемъ къ ней. Прежде онъ смотрѣлъ на природу. глазами окружавшей его народной массы, какъ на рядъ явленій самыхъ обыкновенныхъ, недостойныхъ того, чтобы обращать на нихъ иное вниманіе, кромѣ соображеній о ихъ вредѣ или пользѣ. Теперь онъ пишетъ: „Не успѣлъ я ихъ (книгъ Зульцера) прочесть, какъ не только глаза мои власно какъ растворились, и я началъ на всю натуру смотрѣть совсѣмъ иными глазами и находить тамъ тысячу пріятностей, гдѣ до того ни малѣйшихъ не примѣчалъ; но возгорѣлось во мнѣ пламенное и ненасытное желаніе читать множайшія книги такого же сорта и узнавать отчасу далѣе все устроеніе свѣта. Словомъ, книжки сіи были какъ фитилемъ, воспалившимъ гнѣздившуюся въ

сердцѣ моемъ и до того самому мнѣ неизвѣстную охоту ко всѣмъ физическимъ и другимъ, такъ называемымъ естественнымъ наукамъ... Онѣ-то первыя начали меня спознакамливать съ чуднымъ устроеніемъ свѣта и со всѣми красотами, служившими поводами къ тѣмъ безчисленнымъ непорочнымъ увеселеніямъ, которыя потомъ знатную часть моего благополучія составляли.“ Результатомъ прочитаннаго явилось сперва увлеченіе стихами, воспѣвавшими природу. Болотовъ вздумалъ даже самъ слагать рифмы, но прокопавшись долго и безплодно, разумно рѣшилъ, что его „натура не одарила потребнымъ къ тому даромъ“. Зато возбужденная наставленіями любовь къ созерцанію природы продолжала въ немъ развиваться. Въ слѣдующемъ же письмѣ записокъ встрѣчаемъ первое старательное описаніе прекрасныхъ окрестностей; авторъ началъ усердно посѣщать сады и гулянья Кенигсберга, примѣчая ихъ красоты въ утреннюю и вечернюю пору. Позже, у себя въ деревнѣ, онъ старается покрасивѣе расположить усадьбу, удивляясь, какъ предки вовсе не знали эстетическихъ потребностей и строились, Богъ знаетъ какъ. Въ своихъ садахъ онъ продѣлываетъ все то, чѣмъ восхищался въ похожденіяхъ пріятелей Зульцера. Уединившись въ поэтическомъ уголкѣ, онъ произносилъ монологи въ честь творца и вселенной, молился въ экстазѣ, находя Бога въ природѣ. Природа стала дорога ему, не столько со стороны научной, сколько со стороны морально-эстетической, особенно ярко освѣщенной въ нѣмецкой литературѣ. Стремясь къ отысканію мирнаго счастья на лонѣ природы, дидактическая школа поощряла изслѣдованія, какъ развлеченіе и полезное упражненіе, но остерегалась пытливаго, безпокойнаго духа, который своими порывами могъ бы нарушить гармонію существующаго. Квіетизмъ Болотова нашелъ себѣ пищу въ успокоительномъ ученіи, что аномаліи, безпорядки и несправедливости суть только миражи, и что всѣ призрачныя бѣдствія обратятся современемъ на общее счастье. Эти идеи, перейдя къ намъ изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, попали въ топъ умственнымъ потребностямъ складывавшагося дворянскаго класса; въ своей конечной обработкѣ онѣ вносили нѣкоторую цѣльность и ясность во внутренній міръ русскаго помѣщика, неограниченнаго вла-

дыки своихъ подданныхъ. Прежнія патріархальныя отношенія, имѣвшія характеръ случайности, опредѣлились соображеніями высшаго разряда. „Простые“ и низшіе являлись необходимымъ элементомъ хозяйственнаго и государственнаго порядка и служили дополненіемъ міровой цѣльности. А самъ просвѣщенный владѣлецъ, свободный, властный, правый въ своихъ естественныхъ страстяхъ, могъ выполнять совѣты божественной философіи — познавать себя, культивировать въ себѣ отвлеченную добродѣтель, добывать возможное наслажденіе изъ созерцанія Божества. Просвѣщенные помѣщики-любословы понемногу замѣняютъ прадѣдовскія голубятни храмами музъ и парнассами; вмѣсто хозяйственныхъ огородовъ, разбиваютъ аллеи, англійскіе парки, гдѣ ищутъ общенія съ природой, безмятежно покоятся и философствуютъ, слагаютъ гимны и пѣснопѣнія. Природа казалась имъ истиннымъ храмомъ для утѣшенія избранныхъ душъ, а міръ — неприкосновеннымъ совершенствомъ.

О нѣкоторыхъ другихъ произведеніяхъ, которыя Болотовъ перечиталъ въ это время, нѣчего много распространяться. „Размышленія и нравоучительныя правила“ гр. Оксенштирна — не что иное, какъ рядъ басенокъ и афоризмовъ, иногда остроумныхъ, иногда парадоксальныхъ, часто неудачныхъ; вотъ нѣкоторые на выдержку: „Между сномъ и жизнью есть такое сходство, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ разсуждать о томъ, какое бы между ними дѣлать различеніе“. „Безпристрастіе есть качество весьма сомнительное, и часто не меньше отъ глупости, какъ и отъ твердости разсудка происходитъ“. „Изъ всѣхъ пріятельскихъ обращеній самое важнѣйшее и самое простѣйшее есть разглагольствованіе съ самимъ собой“. Иногда у Оксенштирна проглядываетъ безотрадный скептицизмъ: „Жизнь—паръ, тѣло—гнилость, разсудокъ—неизвѣстность и обманъ“.. и т. д. Эту книгу превозносилъ до небесъ щегольадъютантъ Корфа; но на нашего автора „Размышленія“ не произвели такого впечатлѣнія, какъ на многихъ другихъ русскихъ читателей; онъ не дерзалъ критиковать, но осторожно замѣтилъ, что „книга сія была не изъ самыхъ лучшихъ“, и нравилась ему только тѣмъ, что ся авторъ говорилъ обо всемъ

на свѣтѣ, „о всей человѣческой жизни“. Книга была переведена на русскій языкъ.

Одинъ нѣмецъ рекомендовалъ нашему герою заняться сочиненіемъ Гофмана „О спокойствіи и удовольствіи человѣческомъ“. „Книга сія“, говоритъ Болотовъ, „послужила потомъ основаніемъ всей послѣдующей моей философической жизни“: такъ сильно было вынесенное впечатлѣніе. Трактатъ Гофмана имѣетъ чисто богословскій характеръ и проникнутъ духомъ лютеранской морали; въ немъ часто встрѣчаются общія мѣста и довольно избитыя наставленія, но трактатъ имѣлъ въ свое время успѣхъ въ Россіи: онъ вышелъ въ русскомъ переводѣ въ 1760 г. почти въ то время, какъ Болотовъ зачитывался имъ въ Кенигсбергѣ. Далѣе онъ упоминаетъ о сочиненіяхъ датскаго писателя Гольберга, пользовавшагося громкою извѣстностью, прибавляя, что они возбудили въ немъ желаніе самому попробовать свои силы на поприщѣ моральной литературы.

Съ 1760 г. начинается лучшее время кенигсбергской жизни Болотова; онъ сошелся тогда съ нѣкоторыми изъ пріѣхавшихъ московскихъ студентовъ и, благодаря имъ, вошелъ въ кружокъ университетской молодежи; получивъ руководителя въ лицѣ одного нѣмецкаго магистра, онъ сталъ заниматься систематичнѣй, получилъ нѣкоторое понятіе о направленіи философской науки въ Германіи. Понабравшись знаній изъ книгъ и бесѣдъ, онъ рѣшался даже ходить на ученые диспуты, и иногда принималъ въ нихъ участіе. Къ этому общенію съ кружкомъ учащихся его подготовило знакомство съ философіей Вольфа по руководству популярнѣйшаго литератора той эпохи—Готшеда; Болотовъ читалъ его „Начальныя основанія философіи“, имѣвшія громадный успѣхъ въ Германіи и составленныя по строгой системѣ Вольфа. Чисто нѣмецкій умъ этого философа привелъ въ извѣстность и сложилъ въ опредѣленную систему все современное достояніе знаній и идей; Вольфъ заботился о ясномъ опредѣленіи понятій, о точной постепенности въ выводахъ, старался установить начала основательности въ мышленіи. Но, находя нужнымъ подвергать изслѣдованію разума и философской мысли рѣшительно все, безъ исключенія, онъ очень глубомысленно разрабатываетъ самыя избитыя истины и подолгу съ математическою

точностью доказывастъ вещи, доступныя самому простому опыту; въ свое время его система отъ этого только выигрывала и заслуживала популярность въ массѣ. Говорить ученымъ образомъ обо всемъ на свѣтѣ, „о всей человѣческой жизни“, по словамъ Болотова, ставилось въ большую заслугу мыслителю.

Введеніе труда Готтшеда посвящается краткому обзору философіи у древнихъ народовъ, съ китайцевъ до греческихъ школъ; первая книга начинается ученіемъ о разумѣ, къ которому авторъ присоединяетъ нѣсколько спеціально-научныхъ главъ, сообщающихъ основные законы физики, астрономіи, механики и краткую анатомію человѣка съ поясвительными чертежами и рисунками. За ними слѣдуетъ ученіе о духѣ; здѣсь мемуаристъ впервые познакомился съ отношеніемъ философіи къ Божественному откровенію, съ раціоналистическими пріемами для доказательства существованія Бога и безсмертія души. Вторая книга сочиненія трактуетъ о нравственности и нравственномъ законѣ природы; въ основу его Готтшедъ ставитъ положеніе: „способствуй всему тому, что дѣлаетъ тебя и другихъ совершенными“. Постепенное усовершенствованіе есть задача человѣческой жизни. Дается много совѣтовъ, какъ достигнуть того, чтобы дѣйствія человѣка соотвѣтствовали его нравственнымъ убѣжденіямъ: усиленно сосредоточиваться мыслью на этихъ убѣжденіяхъ, излагать на бумагѣ въ свободную минуту все то, что предстоитъ дѣлать въ теченіе дня, обдумавъ все это обстоятельно и подробно. Крайне важно и необходимо человѣку заниматься самопознаніемъ; всѣ мысли, которыя являются у человѣка при изученіи самого себя, слѣдуетъ записывать и распространять въ обществѣ; въ этомъ заключается польза самоизученія. Со стремленіемъ къ совершенству необходимо связаны заботы о здоровьи души и тѣла. Человѣкъ всегда долженъ жить сообразно своему состоянію, отнюдь не ниже; ѣда и питье должны соотвѣтствовать послѣднему. Богатымъ и знатнымъ слѣдуетъ пользоваться всѣмъ, что въ ихъ средствахъ; этимъ они передаютъ излишекъ денегъ бѣднымъ, которые имъ служатъ, и способствуютъ гармоніи и полнотѣ общаго. Въ одеждѣ должно слѣдовать тому же правилу. Работа служитъ

не только для добыванія средствъ, но и для необходимаго упражненія духа и тѣла, и потому работать—наша обязанность. Богатые и знатные должны избирать родъ работы, соотвѣтствующій наклонностямъ и званію каждаго. Свободное развитіе духа и тѣла немыслимо безъ обезпеченнаго состоянія; вслѣдствіе того всякій долженъ стремиться къ пріобрѣтенію матеріальныхъ средствъ, избѣгая какъ мотовства, такъ и скупости. Любя ближнихъ, какъ самихъ себя, мы должны тоже направлять ихъ къ совершенству, просвѣщать. Но помогая другимъ, мы не должны ради нихъ наносить ущерба собственному совершенствованію.

Между разсужденіями о статьяхъ домашняго обихода есть не лишенная интереса глава о домашней прислугѣ. Прислуга обязана почитать хозяевъ, какъ дѣти почитаютъ отца, а хозяева съ своей стороны отплачивать ей по договору и по ея трудамъ. Рабъ есть слуга, составляющій собственность своего господина, котораго послѣдній можетъ употреблять на что ему угодно; между ними не можетъ быть договора объ ограниченіи хозяйскихъ правъ. Такой крѣпостной (leibeigene) долженъ слѣдовать всѣмъ повелѣніямъ, если только они не противны закону природы. Но такъ какъ онъ самъ все-таки человѣкъ, то и относительно его имѣютъ силу всѣ человѣческія обязанности. Господинъ можетъ его, какъ полную собственность, продать, промѣнять, можетъ дать ему и свободу, если онъ того достоинъ. (Касается ли до рабовъ общее стремленіе къ совершенствованію, или нѣтъ, Готтшедъ не объясняетъ). Какъ обязательно беречь всякую собственность, такъ и раба не слѣдуетъ слишкомъ сильно бить, худо кормить, не заботиться о его здоровьи: не говоря уже о томъ, прибавляется въ видѣ оговорки, что эта заботливость связана съ человѣколюбіемъ. Въ заключеніе авторъ съ сочувствіемъ замѣчаетъ, что во многихъ государствахъ рабство уничтожено, и съ большимъ успѣхомъ господствуетъ вольный наемъ. Говоря о воспитаніи и о внутреннемъ самоусовершенствованіи, Готтшедъ рекомендуетъ способы, какъ сдѣлаться ученымъ, изслѣдователемъ, даже мудрецомъ, ein Weiser; чтобы достичь этой степени, необходимо прилежно слѣдить за всѣмъ происходящимъ въ свѣтѣ и примѣчать людскіе поступки. Мелочность въ по-

дробностяхъ подъ часъ дѣйствительно забавна въ этомъ учебникѣ Вольфіанской школы; такъ курьезно длинное разсужденіе объ умѣренности въ пищи и питьѣ; есть наставленія, какъ справлять свадьбы, похороны, какъ должно носить трауръ и т. д.

Изъ приложеній къ книгѣ Готтшеда любопытно одно, посвященное вопросу: „Можетъ ли мудрецъ достичь истиннаго благополучія, будучи лишенъ божественнаго откровенія?“ Изображается мудрецъ, строго исполняющій весь нравственный законъ, но живущій въ эпоху, когда ни разу не проявлялось Божественное откровеніе; слѣдуетъ опредѣлить его душевное состояніе. Авторъ полагаетъ, что мудрецъ будетъ такъ разсуждать, отходя на покой: „День кончился; я долженъ предаться сну, сну, представляющему родъ смерти. Какъ же я исполнилъ сегодня мои обязанности? Какъ провелъ я время, и съ какими мыслями могу я довѣриться моему ложу, не зная, встану-ли я когда-нибудь съ него?“ Подобныя размышленія наединѣ производили сильное впечатлѣніе на Болотова; подражая имъ, онъ написалъ и издалъ въ печати семь вечернихъ размышленій на каждый день недѣли. Мудрецъ самъ себѣ отвѣчаетъ: „Я старался выполнить естественный законъ, старался сдѣлать себя и другихъ счастливыми; сознательно не дѣлалъ вреда ни себѣ, ни другимъ, и такимъ образомъ выполнялъ волю Творца, насколько позволяли мнѣ мои слабыя силы. Мои проступки не оставались безъ наказанія... многое мнѣ не удавалось, потому что я не могъ всего предвидѣть... Но въ чемъ же могу я каяться? Я дѣлалъ, что могъ, потому моя совѣсть чиста. Дурныя послѣдствія я могу приписать моему несовершенству... Я буду стараться окрѣпнуть и удалять со своей дороги вредныя помѣхи. Если я сдѣлалъ зло по горячности, въ слѣпомъ озлобленіи, то я, безъ сомнѣнія, понесу за это наказаніе... Вѣдь злыя страсти еще сильнѣе моего слабаго разсудка, — мое оправданіе въ ихъ силѣ; полученное наказаніе я употреблю, какъ больной лѣкарство, на свое дальнѣйшее укрѣпленіе. Таково твое желаніе, мудрый Творецъ, ввести въ порядокъ природы дѣла, за которыя слѣдуютъ наказанія; этимъ ты отвращаешь насъ отъ всего, что мѣшаетъ нашему усовершенствованію“. И мудрецъ

на этомъ успокаивается. Такимъ образомъ, по мнѣнію нѣмецкихъ раціоналистовъ, отвлеченный анализъ своихъ дѣйствій и своихъ отношеній къ Богу и естественному закону вполнѣ замѣнялъ наставленіе церкви и богослововъ, заключая въ себѣ истинно христіанскую мораль.

Проводимая Готтшедомъ мысль, что рекомендованный философіей режимъ открываетъ путь къ истинной мудрости и можетъ, въ концѣ концовъ, сдѣлать изъ обыкновеннаго смертнаго мудреца, являлась Болотову манной небесной; наставленія опредѣляли этотъ путь такъ просто и ясно, такъ снисходительно относились къ человѣческимъ способностямъ и силамъ, выдвигая на первый планъ разумную старательность и добрую волю, что этимъ режимомъ трудно было не увлечься. Существо самое близкое, человѣкъ, являлся самъ для себя высшимъ предметомъ познанія; и нашъ Болотовъ, подъ горячимъ впечатлѣніемъ прочитаннаго, принялся слѣдить за своими душевными движеніями „и какъ изъ нихъ находилъ я въ себѣ особливую наклонность къ гнѣву и вспыльчивости, то и старался я въ особливости себя отъ того отучить и наблюдать въ семъ случаѣ самыя тѣ правила, какія въ книгахъ были предписаны, и могу сказать, что я нарочито въ томъ и успѣлъ“.

Другія, позже читанныя моралыно-философскія сочиненія поддерживали въ Болотовѣ разъ возбужденное настроеніе. Укротивъ свои яко бы страсти, онъ настроилъ себя на философскія размышленія „весьма важныя“; а размышленія, въ свою очередь, говоритъ онъ, „побудили меня предпринять тогда особое и такое дѣло, какое рѣдко дѣлаютъ люди такихъ лѣтъ, въ какихъ я тогда находился, а именно: я положилъ всякую хорошую попадавшуюся мнѣ мысль и всякое хорошее чувство души своей записывать на особыхъ лоскуткахъ бумаги, и всякій день предписывать самому себѣ что-нибудь нужное либо къ исполненію, либо къ незабвенію чего-нибудь“. Этотъ важный и нѣсколько комичный тонъ оправдывается тѣми же философскими теоріями, которыя мы изложили выше. Плодомъ важныхъ размышленій и записываній явилась масса исписанныхъ клочковъ, вскорѣ собранная въ порядокъ и аккуратно переписанная на-бѣло. Изъ этого

матеріала имъ составлена цѣлая книжка, содержавшая столько же самому себѣ предписанныхъ правилъ, сколько дней въ году“ [1]). Онъ почиталъ ее первымъ опытомъ своихъ правоучительныхъ сочиненій и скоро сталъ смотрѣть, какъ на документъ, полезный не только ему лично, но и цѣлому обществу, а на самого себя, какъ на кандидата въ философы, подготовленнаго къ наблюденіямъ. Онъ ходилъ въ городскіе сады, а зимой въ трактиры и пивныя не только ради общества и скромнаго развлеченія, но и для того, чтобы за чашкой чая или кофе „философическимъ окомъ посмотрѣть на людей разнаго состоянія, въ нихъ находящихся и въ разныхъ играхъ и упражненіяхъ время свое препровождающихъ“.

Вслѣдъ за Готтшедомъ Болотовъ перечиталъ нѣсколько другихъ философскихъ произведеній, которыхъ, къ сожалѣнію, не называетъ; но изъ его словъ легко заключить, что между ними ему попались труды мыслителей, относившихся къ религіи несравненно радикальнѣй Вольфа и Готтшеда. Переходя отъ одной теоріи къ другой, онъ незамѣтно дочитался до такихъ воззрѣній, которыхъ, при всемъ уваженіи къ философіи, не могъ совмѣстить съ своимъ глубокимъ благочестіемъ, и на время сдѣлался жертвой мучительныхъ сомнѣній. Авторъ придаетъ большое значеніе этой эпохѣ внутренней борьбы, а между тѣмъ говоритъ о ней не ясно и сбивчиво; но записки писались главнымъ образомъ для наставленія потомковъ, поэтому, можетъ быть, онъ и старался отклонить отъ юношества излишне ясное представленіе о соблазнахъ и смущеніяхъ, которые имъ овладѣвали. Чтобы оправдать себя, онъ дѣлаетъ бѣглый обзоръ своему православно-религіозному образованію; перечисливъ двѣ-три книги, онъ вынужденъ, конечно, сознаться, что его религіозное образованіе было крайне ничтожно; онъ ничего не могъ противопоставить блестящимъ доводамъ философовъ, кромѣ благочестія по привычкѣ. Любопытно, что нигдѣ въ запискахъ не упоминается о евангеліи; повидимому, его никогда не имѣли

[1]) „Памятная книжка или собраніе различныхъ правоучительныхъ правилъ, собственно себѣ для памяти при разныхъ случаяхъ написанныхъ“. Въ Кенигсбергѣ, 1761 г. Мы познакомились съ рукописью, благодаря любезности просвѣщеннаго потомка А. Т. Болотова.

въ рукахъ, ни авторъ, ни отецъ и дядя, книги которыхъ онъ наслѣдовалъ. До утраты вѣры дѣло, однако, не доходило: „Мучительное сіе состояніе продлилось, какъ теперь помню, нѣсколько недѣль сряду, и во все сіе время, я власно какъ горѣлъ на огнѣ и пыткѣ, и доводимъ былъ до того, что, кинувшись на колѣни, напусердиѣйшимъ образомъ молилъ и просилъ Творца своего помочь мнѣ". Помощь явилась въ видѣ проповѣди эклектика Крузія и лекцій магистра Веймана.

Склонный больше къ усладительному созерцанію, чѣмъ къ тревожной работѣ мысли, Болотовъ имѣлъ всѣ данныя сомнѣваться въ томъ, чтобы точныя знанія, науки, могли ему замѣнить то, что онъ уступитъ изъ своего религіознаго міра. По его понятіямъ, все истинное, научное, полезное должно непремѣнно вести человѣка къ счастью, къ спокойному благополучію; напряженность ума, тревога мысли, напротивъ того, дѣлали его совсѣмъ несчастнымъ, лишали душевнаго покоя; слѣдовательно, теоріи, возбудившія эту тревогу, по его логикѣ, должны быть не научны, не полезны, не носили въ себѣ истины. Для такой натуры легчайшій способъ успокоиться — просто оттолкнуть отъ себя философскія теоріи, дѣлавшія людей несчастными,—игнорировать ихъ.

Въ Кенигсбергскомъ университетѣ, гдѣ система Вольфа находила себѣ широкое примѣненіе по всѣмъ отдѣламъ наукъ, сохранился еще одинъ представитель враждебной ей школы, нѣкій магистръ Веймапъ; онъ держался въ своемъ преподаваніи системы лейпцигскаго богослова Крузія, за что и считался отщепенцомъ среди ученой корпораціи. Оба студента, пріятели Болотова, Садовскій и Малиновскій, сыновья священниковъ, по традиціямъ дѣтства, можетъ быть, не удовлетворились господствовавшей школой и начали тайкомъ слушать Веймана на дому, чтобы не раздражить профессора, на чьи лекціи ихъ записали раньше. Они разсказали о своихъ занятіяхъ Болотову, и тотъ съ восторгомъ пожелалъ принимать въ нихъ участіе, даже довольно картинно описывалъ вечернія посѣщенія Веймана, мрачную погоду глухія улицы, хибарку, въ которой жилъ мудрецъ, представитель новой, какъ ему казалось, школы, призванной спасти человѣчество отъ бездны невѣрія. Первый разъ философъ трактовалъ

„о пайтончайшей и важнѣйшей матеріи всей метафизики — о времени и мѣстѣ .. и несмотря на всю ея тонкость, трактовалъ ее такъ хорошо и такъ внятно, украшалъ ее толиками до обѣихъ философій (то есть Крузіанской и Вольфіанской) относящимися побочностями, что я слушалъ ее съ неописаннымъ удовольствіемъ".

Крузій, какъ философъ, принадлежалъ къ школѣ эклектиковъ, доставившей системѣ Вольфа болѣе серьезныхъ противниковъ, нежели устарѣвшая теологія. Эклектики вели свою школу отъ піэтиста Томазія. Подъ ихъ знамя сходились противники Вольфа, привлеченные программой свободнаго мышленія, не связывавшаго себя ни съ какой школьной системой, но пользовавшагося правомъ всюду искать истину; на этомъ основаніи они пробовали даже соединять съ наукой своего вѣка ненаучныя представленія, догматическія предположенія и старыя школьныя преданія, смотря по надобности и желанію. Крузій не признавалъ именно того, въ чемъ заключалось достоинство системы Вольфа, какъ напримѣръ, тѣсной переходной связи между причиной и слѣдствіемъ, и положеніе о достаточномъ основаніи. Онъ защищаетъ отъ раціонализма свободное проявленіе божественной воли, чудеса и откровеніе. Основаніе для нравственныхъ обязанностей Крузій видитъ въ волѣ Божіей, которая у него вопреки Вольфу не совпадаетъ съ природою вещей; онъ не признаетъ положенія Вольфа, что нравственный законъ вытекаетъ изъ человѣческой природы, и самъ по себѣ обязателенъ, независимо отъ богословскихъ убѣжденій. Но отношеніе Болотова къ философской наукѣ такъ наивно, что на основаніи однихъ его отзывовъ нельзя себѣ составить никакого понятія о томъ, какую роль игралъ Крузій въ нѣмецкомъ ученомъ мірѣ, по сочиненіямъ послѣдняго руководствовался Бейманъ въ своихъ занятіяхъ моралью и метафизикой, поэтому нашъ авторъ поспѣшилъ купить „всю философію Крузіанскую", и усердно штудировалъ ее дома. „Прилежность моя была такъ велика", говоритъ онъ, что я иныя части оной и тѣ, которыя казались мнѣ наиважнѣйшими, какъ-то науку о волѣ человѣческой или телематологію для лучшаго понятія и незабвенія выучилъ отъ слова до слова наизусть и нѣкоторую часть оной перевелъ на свой при-

родный языкъ". Что касается проповѣди того же Крузія, то она прежде всего поразила читателя тѣми ужасными красками, которыми рисовалась участь тѣхъ, кто сомнѣвался въ истинѣ откровенія; затѣмъ очень убѣдительно подѣйствовало предложеніе проповѣдника, прежде чѣмъ послѣдовать внушеніямъ Вольфіанской и другихъ школъ, отрицающихъ откровеніе, прочесть все то, что вышло на свѣтъ въ защиту и подтвержденіе истиннаго закона Божія и Писанія; только человѣку изучившему всю эту массу, Крузій разрѣшаетъ сомнѣваться въ Свящ. Писаніи, въ твердой увѣренности, что сомнѣнія тогда невозможны. Послѣ занятій у Веймана Болотовъ почувствовалъ себя настолько твердымъ въ познаніяхъ, что началъ ходить въ университетъ на диспуты студентовъ и даже принималъ въ нихъ участіе. Вѣроятно не одна вызубренная страничка трактатовъ помогла ему.

Мы уже знаемъ, что, кромѣ философіи, мемуариста очень занимало въ Кенигсбергѣ и естествознаніе. Здѣсь же у него проявилась впервые любовь къ садоводству, такъ сильно развившаяся среди русскаго дворянства подъ конецъ XVIII в. Онъ посылалъ отсюда своему деревенскому прикащику наказъ и чертежи, съ приказаніемъ передѣлать его садъ на европейскій манеръ.

Затѣмъ Болотовъ отдалъ дань эпистолярнымъ наклонностямъ своего времени. Въ канцеляріи онъ познакомился съ моряком Тулубьевымъ, бывшимъ кадетомъ, въ своемъ родѣ тоже любословомъ; они такъ сошлись характеромъ и наклонностями, что долго были неразлучны, вмѣстѣ читали, занимались, гуляли по окрестностямъ, „увеселялись красотами и прелестями натуры, до чего онъ такой же былъ охотникъ, какъ и я", говоритъ авторъ. Съ отъѣздомъ Тулубьева они рѣшили вести частую и серьезную переписку. „Я", говоритъ Болотовъ, первый ее началъ и заохотилъ моего друга такъ, что продолжалась она безпрерывно нѣсколько мѣсяцевъ сряду, и какъ была она особаго рода, какая рѣдко у кого бываетъ, то и доставляла намъ безчисленное множество минутъ пріятныхъ и неоцѣненныхъ въ жизни". Письма часто принимали размѣры тетрадей, и пріятели просиживали за ними по нѣсколько часовъ. Любопытно, что собственныя письма автора

занимаютъ его гораздо больше, чѣмъ письма друга (скоро умершаго); свои онъ переписалъ, замѣнивъ имена собственныя инпціалами, и переплелъ въ особую книжку, которую хранилъ, „какъ нѣкакій памятникъ тогдашнимъ моимъ чувствованіямъ и упражненіямъ", пишетъ онъ при составленіи записокъ [1]). Подъ вліяніемъ моральной философіи онъ придавалъ письмамъ то же значеніе, что и запискамъ, дневникамъ, исповѣди; тѣ и другія служили для самонаблюденія, для выслѣживанья своихъ чувствъ; только на записки онъ смотритъ строже, считая ихъ болѣе серьезною исповѣдью душевнаго міра, а въ письмахъ видитъ болѣе легкій литературный жанръ, допускал въ нихъ смѣсь дѣла съ бездѣлками.

Сохранилась до нашего времени только одна книжечка съ перепиской Болотова 1760 г.; въ ней 10 писемъ къ Тулубьеву; они написаны гладко, старательно, вполнѣ литературно, но тонъ ихъ вовсе не дружественно-товарищескій; очевидно они писались, какъ литературныя упражненія въ эпистолярной формѣ. Самое интересное письмо отвѣчаетъ на вопросъ Тулубьева: „кто былъ гордѣе, Платонъ или Діогенъ". Послѣ довольно толковыхъ разсужденій мемуаристъ рѣшаетъ, что „Діогенъ внутренно гордѣе"; слова сказанныя Александру онъ называетъ болѣе красивыми, чѣмъ философу приличными; въ одномъ мѣстѣ этотъ отвѣтъ названъ даже вздорнымъ.

Вопросъ о воспитаніи тоже заинтересовалъ Болотова. Въ 1760 г. онъ написалъ своей сестрѣ назидательное посланіе съ совѣтами, какъ воспитывать сына и чему его обучать; какъ руководство, онъ рекомендовалъ ей „Дѣтское училище"; книги, недавно вышедшія и „бывшія у насъ (то-есть заграницей) въ большой славѣ". Въ кругу лучшихъ представителей русскаго общества вопросъ о воспитаніи тогда только-что поднимался; возникновеніе его тѣсно связано съ возбуждавшимся интересомъ къ общимъ вопросамъ философіи и морали; понятіе объ усовершенствованіи человѣка требовало для своего разъясненія понятія о воспитаніи, какъ о необходимой подготовкѣ, какъ о своей существенной части. Чѣмъ ближе къ царствованію Екатерины II, тѣмъ чаще встрѣчаются переводы философскихъ и педагогическихъ книгъ. Въ 1761 г. появи-

---

[1]) „Письма", 1760 г. Рукопись въ 8-ку хранится въ Императ. Публ. Библіотекѣ.

лись въ переводѣ „Письма г-жи де-Ламбертъ сыну и дочери“ и расхваленное Болотовымъ „Дѣтское Училище“ г-жи де-Бомонъ, выдержавшее потомъ много изданій. Успѣхъ его объясняется тѣмъ, что это не трактатъ, даже не методика, а смѣсь бесѣдъ и разсказовъ, предлагающихъ наряду съ нравоучительными наставленіями кое-какія элементарныя свѣдѣнія по разнымъ учебнымъ предметамъ, по священной и древней исторіи, по географіи и физикѣ; все это требовалось не только для дѣтей, но и для взрослыхъ средняго слоя общества. Подобная книга по тогдашнимъ понятіямъ могла замѣнить цѣлую школу съ курсомъ разныхъ наукъ. Русскій переводчикъ „Дѣтскаго училища“, въ своемъ предисловіи, замѣчаетъ, что „учащіе могутъ въ ней сыскать довольно хорошихъ примѣровъ для воспитанія дѣтей, а учащіеся могутъ пріобрѣсть съ удовольствіемъ о многихъ вещахъ знаніе“.

Бесѣды ведетъ учительница со своей 12-ти-лѣтней воспитанницей и ея знакомыми дѣвочками отъ 5-ти до 13-ти лѣтъ. Дѣвочкамъ было предложено, въ видахъ нравственнаго исправленія, записывать свои провинности въ тетрадку и подавать ее наставницѣ для чтенія вслухъ, оказалось, что дѣти чаще всего грѣшили противъ прислуги, съ которой обращались жестоко и грубо. Семилѣтняя дѣвочка писала: я не послушалась мамки и сказала ей, какъ она смѣетъ мною повелѣвать, будучи моей рабой? Сказала ей еще: я бы желала такъ много тебя разсердить, чтобы ты меня ударила, и хотя бы переломила мнѣ руку или ногу, только бы тебя за то со двора согнали. Вообще г-жа де-Бомонъ часто касается отношеній господъ съ прислугой и кстати занятій домашнимъ хозяйствомъ. Грѣхъ безразсудно тратить деньги; мы отнимаемъ тогда у нищихъ и у чадъ своихъ. Мы управители у Бога и должны отдать ему отчетъ въ томъ, что онъ намъ посылаетъ, продолжаетъ она. Если вы, богатыя, не будете смотрѣть за домомъ, то рабы ваши васъ обокрадутъ, разворятъ и приведутъ въ нищету всекопечно. Купцы согласятся съ рабами, чтобы всѣ потребныя вещи продавать вамъ дорогою цѣною; если сами не обѣдняете, то дѣти ваши будутъ нищими... Это разсужденіе нѣсколько напоминаетъ наставленія бригадирши фонъ-Визина, съ тою разницей, что послѣдняя вну-

шала ихъ мужу и взрослому сыну, а образцовая наставница увѣряетъ 5-ти и 7-ми-лѣтнихъ дѣтей, что они окружены грабителями. Но на ряду съ такими взглядами встрѣчаемъ и другіе, болѣе сообразные съ нравственно-философскими началами; разсуждаютъ о добросердечіи, о томъ, что слѣдуетъ жалѣть рабовъ, а не пренебрегать ими, потому что положеніе ихъ само по себѣ весьма тягостно. Любопытенъ одинъ изъ нравоучительныхъ разсказовъ, составленный на ту же тему отношеній господъ и рабовъ.

Въ Аѳинахъ жила одна госпожа, очень дурно обращавшаяся со своими служанками, особенно съ самою преданною изъ нихъ, Миррой. Однажды корабль, на которомъ она путешествовала, занесло бурей къ какимъ-то островамъ. Выйдя на берегъ, путешественники были крайне удивлены, что жители этихъ острововъ очень почтительно обращались съ рабами и пренебрежительно съ господами. Жители объяснили имъ, что на ихъ островѣ существуетъ республика, гдѣ всѣ равны; учреждена она 300 рабами, бѣжавшими отъ своихъ господъ, и у нихъ есть постановленіе, что какъ только къ нимъ пріѣдутъ иностранцы, всѣ пріѣзжіе рабы должны сдѣлаться господами, а господа рабами; при этомъ съ раба берутъ клятву, что онъ недѣлю будетъ обращаться съ господиномъ именно такъ, какъ тотъ обращался съ нимъ. Путники пришли въ неописанный ужасъ. Кроткая Мирра на колѣняхъ умолила старшинъ сократить искусъ ея госпожи до четырехъ дней. Черезъ недѣлю старшины призвали пріѣзжихъ и, слыша воздыханія униженныхъ господъ, сказали имъ: „А почему имѣли вы право повелѣвать невольниками? Развѣ природа между вами и ими сдѣлала какое-нибудь дѣйствительное различіе въ душѣ и тѣлѣ? Рабъ и господинъ одинаковое происхожденіе имѣютъ, и боги, опредѣливъ разныя состоянія, не съ тѣмъ ихъ опредѣлили, чтобы въ очахъ ихъ одни были больше и лучше, нежели другіе? Нѣтъ, добродѣтель одна учреждаетъ всѣ степени достоинствъ предъ судомъ премудрости Божіей. Она одна богамъ угодна, и только для удобнѣйшаго произведенія въ дѣйствіе всѣхъ добродѣтелей учредили они разныя человѣкамъ состоянія. Невольникъ или рабъ долженъ отмѣнять себя послушаніемъ, усердіемъ и вѣрностью

своимъ господамъ“ и т. д.. Господамъ, напротивъ, предписывается умягчать тяготу невольническаго состоянія. Затѣмъ, старшины прочли правило изъ своихъ постановленій, гласившіе, что бывшіе рабы могутъ теперь, если желаютъ отпустить своихъ господъ на родину, а сами могутъ слѣдовать за ними, или оставаться свободными на островѣ. Одна невольница тотчасъ объявила, что не желаетъ увольнять своей бывшей госпожи, а молодой невольникъ, наоборотъ, сказалъ, что не только не считаетъ своего господина рабомъ, но даже проситъ у него прощенія, что вынужденъ былъ дурно обращаться съ нимъ въ теченіе семи дней. Теперь онъ готовъ по прежнему слѣдовать за нимъ въ качествѣ раба: „Онъ меня купилъ; я ему принадлежу, и потому честность и совѣсть не дозволяютъ мнѣ, пользуясь симъ случаемъ, возвратить мнѣ свободу, не возвратя ему данныхъ имъ за меня денегъ“. Тоже заявила и Мирра, а господа ихъ громко каялись въ своей жестокости. Старшины, выслушавъ всѣхъ, изрекли такой приговоръ: невольница, не имѣющая никакого сожалѣнія о состояніи прежней госпожи, разсуждаетъ прямо по невольнически, и для того осуждаемъ ее оставаться вѣчно невольницей, ибо сіе состояніе сходственно съ подлостью ея сердца. Всѣ рабы, которые позволяли себѣ дурно обращаться съ бывшими господами и послѣ семи дней, должны оставаться невольниками на островѣ за то, „что всякій, не имѣющій человѣколюбія и кротости, рожденъ безъ чувствъ благородныхъ и долженъ по справедливости въ послѣднемъ жить состояніи, для котораго онъ созданъ, и больше ничего не стоитъ“. Рабы, исполнившіе все то, въ чемъ клялись, принимаются въ число гражданъ острова. „Мирра и Зеноиъ по добродѣтели превосходятъ всѣ наши награжденія и похвалы. Хотя бы они остались вѣчно въ невольничествѣ, но благородство ихъ мыслей превозноситъ ихъ выше всѣхъ состояній. Мы оставляемъ ихъ на промыселъ боговъ, и ничего больше опредѣлить для нихъ не смѣемъ“.

Этотъ взглядъ на сословныя отношенія не далеко ушелъ отъ наивной простоты морали Носошкова, разсуждающаго о житіи въ разныхъ состояніяхъ. Мораль г-жи де-Бомонъ пріучаетъ съ ранняго возраста смотрѣть на рабство, какъ на

самое естественное явленіе; однимъ вполнѣ свойственно быть рабами по несовершенству ихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ, а другіе, до совершенства добродѣтельные, сами готовы состоять въ рабствѣ, въ силу той же добродѣтели, которая возвышаетъ ихъ надъ всѣми временными земными состояніями.

Къ какимъ сдѣлкамъ съ совѣстью вело столкновеніе отвлеченныхъ воззрѣній съ дѣйствительностью, увидимъ изъ другого примѣра правоучительныхъ бесѣдъ. На вопросъ одной ученицы о происхожденіи знатности, наставница объяснила, что хотя родъ человѣческій произошелъ отъ общихъ прародителей, но люди не равны душевными качествами: „отъ сего различія произошло то, что люди отмѣнныхъ дарованій и достоинствъ, способствовавшіе благополучію общества, почитаемы были отмѣнно отъ другихъ и называемы были людьми благородными. Въ знакъ почтенія и дѣтей стали считать такими, чтобы тѣмъ понудить ихъ къ подражанію родителямъ и къ произведенію полезныхъ дѣлъ въ обществѣ... ибо за одни чужія достоинства нельзя почитать, какъ наказывать за чужіе проступки...“ Велика честь, правда, происходить отъ древняго и знатнаго рода, но въ тысячу разъ похвальнѣе собственными своими достоинствами, разумомъ и добродѣтелями родъ свой сдѣлать знатнымъ, нежели пользуясь знатностью предковъ своихъ, никакими достоинствами тому не соотвѣтствовать. Такой человѣкъ болѣе презрѣнія, нежели почтенія достоинъ, который, имѣя всѣ способы и преимущества своего рода, не умѣетъ ими пользоваться. Когда одна дѣвочка спросила: какъ же почитать недобродѣтельныхъ особъ? Наставница представила слѣдующія соображенія: „Почтеніе, свѣтъ мой, есть двояко: одно происходитъ отъ чистаго сердца, и мы чувствуемъ его только къ добродѣтельнымъ и честнымъ людямъ, напротивъ того, не имѣемъ къ самымъ знатнѣйшимъ особамъ, которыя знатность свою пороками безславятъ. Другое почтеніе есть внѣшнее, состоящее въ должномъ только повиновеніи знатнымъ особамъ, которыя по закону или по волѣ государя предпочтены предъ нами чинами и властью, и для того обязаны мы оказывать имъ явные знаки должнаго чину ихъ почтенія. Сего требуетъ отъ насъ священное пи-

саніе и государственные законы для лучшаго порядка и общей пользы, чтобы соблюдали сіе второго рода почтеніе, то-есть, чтобы знатность и чинъ всякимъ почитаемы были даже и тогда, когда кто по дѣламъ своимъ и презрѣнія отъ насъ достоинъ. Не забывайте сего, мои любезныя дѣти. Вы всѣ дѣвицы благородныя, и потому должны быть добродѣтельнѣе прочихъ; а когда добродѣтели и другихъ отмѣнныхъ качествъ въ васъ не будетъ, то я каждую изъ васъ не буду иначе почитать, какъ только за дочь Носву, или за дальнюю свойственницу какого-нибудь разнощика. Правда, по знатности вашего рода я не преминула бы вамъ поклониться, но при всемъ этомъ внутренно почитала бы васъ гораздо меньше, чѣмъ разнощика, вашего дальняго свойственника". Одна изъ бойкихъ ученицъ тотчасъ освѣдомилась, всегда ли благородство или, какъ говорятъ, дворянство служитъ награжденіемъ за добродѣтель? Не дается ли оно людямъ за то только, что у нихъ много денегъ? „По прошествіи ста лѣтъ и больше, не станутъ ли говорить и о сихъ людяхъ благородныхъ людей потомки, что они произошли отъ древняго благороднаго колѣна, не взирая на то, что предки ихъ разбогатѣли, можетъ быть, наигнуснѣйшимъ образомъ, а безъ того были бы они таковы-жъ благородны, каковъ теперь весь подлый народъ благороденъ?" Наставница согласилась съ этимъ замѣчаніемъ, говоря, что на свѣтѣ все можно употреблять во зло, и что это только подтверждаетъ справедливость ея словъ, что о благородствѣ можно толковать двояко, „и для того, оставляя въ сторонѣ достоинства предковъ, надлежитъ намъ сколько возможно стараться собственными достоинствами, трудами и заслугами пріобрѣсть себѣ похвалу и почтеніе". Но она прибавила, что при всѣхъ злоупотребленіяхъ, титулы и преимущества благородства выдаются не иначе, какъ съ добрымъ намѣреніемъ, для одобренія и поощренія дѣлать пользу обществу или въ трудѣ прилежно наживать себѣ состояніе.

Педагогическая книга откровеннѣе другихъ сочиненій, съ которыми мы имѣли дѣло въ автобіографіи Болотова, выставляетъ разладъ между моралью и дѣйствительною жизнью. Она ясно и просто разрѣшаетъ назойливые вопросы по поводу насущныхъ житейскихъ отношеній, рекомендуя смотрѣть на

эти отношенія двояко — со стороны внутренней и внѣшней. Все вниманіе обращали на внутреннее сознаніе, благія намѣренія; внѣшнія дѣйствія при этомъ, знаки уваженія, даже раболѣпства передъ людьми достойными презрѣнія, оправдывались внѣшними законами, которые такимъ образомъ являлись чѣмъ-то формальнымъ, что вовсе не одобрялось и не почиталось въ душѣ.

Какимъ успѣхомъ пользовались сочиненія г-жи де-Бомонъ, можно заключить изъ отзыва аббата Сабатье де-Кастра въ его сочиненіи: Les trois siècles de la littérature française (1803 г.): „Маленькія изданія и огромные успѣхи—вотъ достояніе этой почтенной женщины, труды которой заслуживаютъ не однихъ похвалъ, но и благодарности. Большая часть ея книгъ въ переводахъ распространилась по всей Европѣ, такъ какъ польза больше всего способствуетъ успѣху. Г-жа де-Бомонъ вполнѣ заслужила его; она просто, безъ претензій предлагаетъ юношеству все, что ему нужно для обученія, развитія и развлеченія. Ея разнообразные магазины — богатыя хранилища религіознаго духа, морали и начальныхъ наукъ, и все это безъ труда усваивается даже самыми легкомысленными особами. Она отличалась умѣньемъ всегда кстати сообщать научныя свѣдѣнія, а въ своихъ басняхъ и разсказахъ проводить строгія нравственныя правила и мудрыя наставленія“. Аббатъ ставитъ ее несравненно выше тѣхъ авторовъ, которые заслужили себѣ имя пренебреженіемъ къ религіи и нравственности, и которыхъ самый блескъ таланта не спасетъ отъ осужденія грядущихъ поколѣній. Увлекшись популярностью изданій г-жи де-Бомонъ, Болотовъ не замедлилъ заняться составленіемъ русскаго учебнаго пособія въ томъ же духѣ. „Мнѣ хотѣлось“, говоритъ онъ,—изъяснить такимъ же легкимъ удобопонятнымъ образомъ для дѣтей всю важнѣйшую часть метафизики или естественнаго богословія“. Подъ вліяніемъ своихъ философскихъ занятій Болотовъ беретъ задачу шире, и сообразно этому называетъ свое сочиненіе „Дѣтская философія“. Оно начато имъ въ деревнѣ въ 1763 г., а вышло въ печати послѣ долгихъ хлопотъ только въ 1776 году.

Произведеніемъ г-жи де-Бомонъ мы закончимъ разборъ выдающихся книгъ, на которыхъ доучивался и умственно

созрѣвалъ Болотовъ прежде, чѣмъ сдѣлался вольнымъ дворяниномъ въ отставкѣ. Въ заключеніе коснемся того душевнаго настроенія, которое овладѣло имъ въ послѣднее время пребыванія заграницей. Его благополучіе въ Кенигсбергѣ портили отъ времени до времени напоминаніемъ, что, числясь при канцеляріи губернатора, онъ все-таки принадлежитъ своему полку, давно выступившему въ походъ, и можетъ быть вытребованъ туда; онъ постоянно устраивалъ такъ, что начальство задерживало его въ городѣ; но каждое требованіе изъ полка вызывало въ немъ страхъ и негодованіе Въ его первыхъ жалобахъ высказывается лѣнь барскаго сынка, нежеланіе тревожиться и переносить походныя неудобства, непобѣдимый страхъ и отвращеніе къ войнѣ. Года черезъ три, когда онъ серьезно поучился, побывалъ въ университетѣ и въ кругу учащихъ, къ горечи и страху примѣшались иныя ноты. Онъ уяснилъ себѣ свои наклонности и оправдывалъ свое отвращеніе отъ военной службы желаніемъ потрудиться съ пользой на другомъ поприщѣ. Гордый своими успѣхами въ наукахъ, онъ начиналъ признавать за собой право предаться любимымъ учебнымъ и книжнымъ занятіямъ; избавившись отъ вызова, онъ благодаритъ Бога, восхотѣвшаго, „чтобы и сіе лѣто не проваландался по пустому и безъ всякой пользы по землямъ непріятельскимъ, а препроводилъ бы въ продолженіе начатыхъ мною наукъ и научился бы кое-чему многому хорошему и несравненно предъ прежними знаніями моими важнѣйшему“.

Скоро опасность снова попасть въ строевую службу навсегда миновала: весной 1762 г., незадолго до отъѣзда Болотова въ Петербургъ, въ Кенигсбергѣ былъ полученъ знаменитый манифестъ о вольности дворянства. „Не могу изобразить, какое неописанное удовольствіе произвела сія бумажка въ сердцахъ всѣхъ дворянъ нашего любезнаго отечества. Всѣ вспрыгались почти отъ радости и, благодаря государя, благословляли ту минуту, въ которую угодно было ему подписать указъ сей. Но было чему и радоваться. До того времени все россійское дворянство связано было по рукамъ и по ногамъ: оно обязано было всепремнуемо служить, и дѣти ихъ, вступая въ военную службу въ самой юности своей,

принуждены были продолжать оную во всю свою жизнь, и до самой своей смерти, или, по крайней мѣрѣ до того, покуда сдѣлаются калѣками или за дѣйствительными болѣзнями болѣе служить будутъ не въ состояніи, и во всю жизнь лишатся домовъ своихъ, жить отъ родныхъ своихъ въ удаленіи и разлукѣ и видаться съ ними при дѣлаемыхъ кое-когда отпускахъ... Всѣ мы предавались обыкновенному отчаянію, и всякій всего меньше помышлялъ о томъ, чтобы ему жить нѣкогда можно было дома, и какова же пріятна и радостна должна была быть для насъ та минута", и т. д. О своемъ личномъ впечатлѣніи авторъ говоритъ: „Я самъ себя почти не вспомнилъ отъ неописаннаго удовольствія и не вѣрилъ почти глазамъ своимъ при чтаніи оной (бумаги). Я, полюбивъ науки и прилѣпившись къ учености, возненавидѣлъ уже давно шумную военную жизнь, и ничего уже такъ въ сердцѣ своемъ не желалъ, какъ удалиться въ деревню, посвятить себя мирной и спокойной деревенской жизни и проводить достальные дни свои посреди книгъ своихъ въ сообществѣ съ музами".

Такъ предъ нами сынъ и внукъ петровскихъ дворянъ-служакъ, ариометчиковъ и фортификаторовъ, подъ вліяніемъ книжнаго просвѣщенія, обращался понемногу, подобно многимъ своимъ современникамъ, въ дворянина-помѣщика, любослова и философа. Современная европейская литература оказывалась просвѣтительною и у насъ; идеи французскихъ и нѣмецкихъ философовъ, даже въ тѣхъ слабыхъ отголоскахъ, въ какихъ они доходили до главной массы русскихъ читателей, иногда странно перемѣшиваясь со старыми религіозно-нравственными правилами, развивали и укрѣпляли разумъ, давали просторъ умственной дѣятельности, заставляя вдумываться въ окружающее, поднимали сознаніе отдѣльной личности. Но у насъ, въ силу соціальныхъ условій страны, они имѣли дѣло только съ однимъ господствующимъ классомъ общества, а это придало односторонній характеръ всему просвѣщенію эпохи и усилило вліяніе его слабыхъ сторонъ. У насъ это заимствованное съ запада просвѣщеніе помогло развиться дворянской личности, помогло ей познать себѣ цѣну, какъ представительницѣ умственнаго развитія, обла-

давшей всѣми данными для самоусовершенствованія; но, съ другой стороны, такое развитіе часто давало поводъ смутно и двойственно истолковывать ся отношенія къ ближнимъ, загнанными въ иную обстановку.

Восторженнымъ привѣтствованіемъ указа о вольности дворянства мы кончимъ краткій обзоръ жизни и службы семи поколѣній старинаго рода служилыхъ помѣщиковъ. Первая глава посвящена совсѣмъ блѣднымъ, теряющимся въ безличной массѣ помѣстнаго ополченія поколѣніямъ конца XVI и начала XVII вв. Чѣмъ ближе къ новымъ временамъ, тѣмъ больше, конечно, свѣдѣній о занимающихъ насъ представителяхъ дворянскаго сословія, тѣмъ свѣдѣнія обильнѣй бытовыми подробностями. Но обзору могутъ поставить въ упрекъ, что среди этихъ подробностей недостаточно выдѣляются темныя явленія старой дворянской жизни—уклоненія отъ службы, обманы, побѣги и проч.; тѣмъ болѣе, что подобный же упрекъ мы дѣлаемъ своему главному источнику, запискамъ Болотова. Дѣйствительно, предлагаемая работа почти не занимается этими явленіями; но ихъ, полагаемъ, уже достаточно выяснили и оцѣнили во множествѣ статей и изслѣдованій; по нашему же крайнему разумѣнію, они неизбѣжное и совершенно естественное послѣдствіе общаго положенія служилаго класса, и ни въ какомъ особомъ освѣщеніи болѣе не нуждаются. Проф. Романовичъ-Славатинскій справедливо говоритъ [1]), что, по своему юридическому положенію, дворянство до 1762 года было тяглымъ, крѣпостнымъ сословіемъ, и отличалось отъ другихъ крѣпостныхъ классовъ только родомъ тягла и крѣпости. Слѣдовательно, личная жизнь служилыхъ людей, какъ закрѣпощенныхъ, должна была сокращаться до минимума, если того требовали обстоятельства; надъ личностью совершалось нѣкоторое насиліе, вызываемое потребностями складывавшагося государства, но для жизни отдѣльнаго человѣка создававшее тягостныя, слишкомъ узкія рамки, родъ Прокустова ложа, въ которое укладывался тяглый служака, безъ

---

[1]) *Дворянство въ Россіи*, отъ начала XVIII в. до отмѣны крѣпостного права. *Романовича-Славатинскаго*.

различія роста, силъ и способностей. Но сокращать волю и личныя стремленія человѣка можно только до извѣстной степени; въ чемъ-нибудь они должны же были прорываться, хотя бы въ самой элементарной формѣ — въ неисполненіи обязанностей, навязанныхъ самымъ рожденіемъ; и дворяне частенько уклонялись, бѣгали отъ службы-тягла, какъ бѣгали крѣпостные крестьяне отъ земли и отъ помѣщика, къ которымъ были приписаны.

Эпоха реформъ внесла нѣкоторый просвѣтъ въ эту высшую тяглую среду; тяглому дворянству начали говорить, что оно рождено благороднымъ, что уменьшительныя клички унизительны; что оно обязано воспитывать въ себѣ особыя свойства и чувства, особенно чувство чести.

Но эти благородныя чувства мудрено прививать закрѣпощенному лицу, лишенному личной свободы. И вотъ, личная свобода, избавленіе отъ закрѣпощающей службы казались нашему дворянству преддверіемъ рая. Мы читали ликованія Болотова и его знакомыхъ, когда, наконецъ, провозгласили эту свободу; видѣли, какъ горячо готовился мемуаристъ къ новому бытію, развивая свой умъ, совершенствуя свою личность, какъ вѣрилъ, что все счастье человѣка заключается въ личномъ совершенствованіи. Къ концу обзора естественно возникаетъ вопросъ, чего же ожидать отъ потомка Каширскихъ боярскихъ дѣтей, когда, съ полученіемъ вольности, изъ тяглой единицы онъ обратится въ привилегированное лицо? Какимъ дѣятелемъ общества и гражданиномъ отечества сдѣлается онъ, вернувшись въ свои домены полнымъ властелиномъ своей судьбы и своихъ сельскихъ подданныхъ? Займется ли онъ мѣстными общественными интересами своего уѣзда? Но какого уѣзда — Каширскаго, Алексинскаго, Тамбовскаго или Епифанскаго?.. Нашъ герой безъ колебаній водворился въ старомъ дворянскомъ гнѣздѣ, и скоро, по новому административному дѣленію, оказался въ Алексинскомъ уѣздѣ. Мѣстныя общественные интересы и связи тогда почти не давали себя чувствовать; его предки вѣками были прикрѣплены государственной службѣ, а не мѣсту. Мудрено требовать отъ первыхъ вольныхъ помѣщиковъ, чтобы они по своему почину вырабатывали эти связи, потому что опять-таки вѣка исто-

рической жизни съ неумолимой послѣдовательностью обезличивали ихъ предковъ, слишкомъ долго требовали отъ нихъ только послушанія и терпѣливаго трудолюбія, качествъ безотвѣтнаго вола; и только новыя поколѣнія, также твердо воспитанныя иными условіями, могли создать предпріимчивыхъ и преданныхъ общественныхъ дѣятелей.

Сознаніе себя свободнымъ гражданиномъ отечества очень быстро и просто сливалось во-едино съ пріятнымъ пользованіемъ личной свободой. Изъ многихъ намековъ Болотова замѣтно, что онъ готовъ былъ считать свои философскія упражненія, литературные опыты, впослѣдствіи экономическіе труды за исполненіе гражданскихъ обязанностей; впрочемъ, онъ принадлежалъ къ числу дѣльныхъ и лучшихъ людей второй половины прошлаго вѣка. Но и его современникъ, богатый баричъ, замечтавшійся вольтерьянецъ, платоническое увлеченіе просвѣтительными идеями Монтескье и Вольтера, перенесеніе на родину привычекъ утонченнѣйшей цивилизаціи Франціи тоже почиталъ за гражданскій подвигъ. А ихъ худшіе, неразвитые сосѣди готовы были видѣть въ своихъ жестокихъ расправахъ съ крѣпостными тоже служеніе гражданско-полицейскимъ задачамъ.

И такъ, отъ нашего представителя сельскаго дворянства приходится прежде всего ожидать горячаго увлеченія личной свободой, жаднаго пользованія, по мѣрѣ силъ и средствъ, всѣмъ, что допускала дворянская вольность. Если предки его были на долго обезличены однообразными, принудительными рамками своего бытія, то ихъ просвѣщенный потомокъ, пропитанный ученіемъ о самоусовершенствованіи, оказывался беззащитнымъ отъ другой крайности — неумѣреннаго культа свободной личности въ ущербъ общественности.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Стран.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
1	9	возможисти	возможности
2	35	Тимофѣевичъ	Тимофеевичъ
3	7	и спомѣстился	испомѣстился
—	12	безлуцкіе	безлуцкіе
4	18	писшій	низшій
—	24	XIII в.	XVII в.
7	7	писшей	низшей
14	23	по 8, 7-ми	по 7, 8-ми
—	26	писшую	низшую
29	4	Еремей	Еремѣй
36	5	XVII в.	XVIII в.
45	3	вдовой	вдовы
47	2	писшій	низшій
50	33	писшее	низшее
53	38	уѣзду	уѣзда
56	15	боевой закалъ	боеваго закала
69	38	domestiqes	domestiques
71	38	fon	von
84	11	курляндда	курляндца
—	28	дваніяхъ	зданіяхъ
87	8	1452	1752
94	6	низенькіе	низенькія
96	5	Ломовичъ	Ломовисъ
97	7	засѣляли	заселяли
104	23	писшей	низшей
105	36	Шауской	Шаукой
106	31	Ганнибаля	Ганнибала
123	19	своего капрала	капрала
124	28	зависѣла	зависила
134	16	его	*лишнее*
135	23	умѣньимъ	умѣньемъ
137	6	прусскихъ	русскихъ
139	25	помѣщикамъ	*лишнее*
147	26	напечальный	на печальный
152	35	угорѣлые	угорѣлыя
164	34	вспыльчиввсти	вспыльчивости
165	31	писшихъ	низшихъ
175	35	вещицама	вещицами
176	19	1754	1759
179	14	нѣсколькимъ	нѣсколькихъ
195	8	Betrachtunden	Betrachtungen
196	12	міросозданія	мірозданія
199	18	потоху	потому
200	17	quabité	qualité
210	19	положеніе	положенія

Цѣна 1 р. 20 к.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ типографіи М. М. Стасюлевича.
Спб. Вас. Остр., 5 л., 28.

2007080034